

С.П. Баньковская

Инвайронментальная социология

"Новая инвайронментальная парадигма" — это результат осмысления и социологической интерпретации экологического кризиса, современной природы или возрождения общества и цендентальной экоцентризма? Представляет ли инвайронментальная социология новое социальное мировоззрение, способна ли она справиться с традиционным антропоцентризмом в социологии, антропоцентризм?

Удастся ли внедрить "экологический подход" в социологию, осуществить ее концептуальное перевооружение и избавиться от "дисциплинарных шор"? Сможет ли инвайронментальная этика указать человеку его "более скромное место" в мироздании?

Инвайронментализм или радикализация демократизма? Инвайронментализм в политике — апология тоталитаризма или радикализация демокра-

Латвийская академия наук
Институт философии и социологии

С. П. Баньковская

Инвaйронментальная
СОЦИОЛОГИЯ

Рига «Зинатне» 1991

60.59(7)
Б 236

Научный редактор канд. ист. наук *М. Е. Ашмане*

Рецензенты:

д-р филос. наук *В. А. Марков*, д-р филос. наук *С. А. Эфиров*

Баньковская С. П.

Б 236 Инвайронментальная социология. — Рига: Зинатне,
1991. — 130 с.

ISBN 5-7966-0674-3.

В широком контексте американской философии, политологии, этических учений автором представлено становление, развитие и современное содержание «новой экологической парадигмы» в социологии. Впервые в советской социологической литературе анализируется положение американского инвайронментализма, его место в социологической теории, междисциплинарная роль и методологическое значение для социальной практики.

Для социологов, политологов, философов.

Б 0302050000—011 9—91
M811(11)—91

60.59(7)

ISBN 5-7966-0674-3

© С. П. Баньковская, 1991

Введение

В условиях, когда природная среда не только полностью включена в процессы человеческой жизнедеятельности на всех ее уровнях, социализирована, но и оказывает воздействие на ход этих процессов посредством механизмов обратных связей, которые работают по естественным (а не социальным) законам, актуальным становится именно взаимодействие общества и природы. Изменения природной среды приобретают социальную значимость. Постигая законы природы и овладевая силами природы, общество, тем не менее, неспособно изменить эти законы или подчинить их социальным закономерностям (как невозможно и обратное — сведение социальных закономерностей к естественным). Особенностью современной экологической ситуации и является пересечение и взаимодействие этих разнородных закономерностей в условиях той или иной социальной системы, взаимосвязанной с определенной экосистемой. Взаимозависимость и взаимодействие этих систем требуют изучения специфики различных механизмов этого взаимодействия, что исключает как социологический «герметизм», так и естественнонаучный редукционизм.

Современную экологическую ситуацию можно считать наиболее развитой формой проявления противоречий двух стихий, пересечения социальных и естественных закономерностей, т. е. формой, пригодной для теоретического рассмотрения. В этом смысле вполне закономерно появление в последнее десятилетие разного рода социально-экологических теорий, носящих междисциплинарный характер, стремящихся осуществить новый синтез как предшествую-

щих социологических теорий, так и собственно социологического теоретизирования с естественнонаучным и широким мировоззренческим контекстом.

Наиболее ярким примером такого синтеза может служить американский инвайронментализм, представляющий собой соединение определенного типа мировоззрения и теоретических основ соответствующей социальной дисциплины с практикой массового социального движения. Взаимосвязь в инвайронментализме различного рода общетеоретических, методологических, ценностных, социально-психологических и прочих компонентов создает благоприятную основу для развития разнообразия социально-экологических теорий в рамках инвайронментализма, объединяющего их общей проблемой оптимизации взаимодействия общества и окружающей природной среды.

Американский инвайронментализм имеет богатые и давние (с середины прошлого века) традиции. Нынешний этап его развития как в теоретическом, так и в социально-политическом плане начинается с середины 70-х годов и связан, как считают большинство инвайронменталистов, с последствиями (экономическими, социальными, политическими и проч.) энергетического кризиса 1973 года. Институциональные основы развития инвайронментального движения и социально-экологических исследований были заложены несколькими годами раньше (принятие в 1969 году законопроекта о национальной природоохранной политике, проведение в 1970 году Дня защиты Земли, создание различного рода природоохранных организаций на общенациональном и локальном уровнях).

Не осталась в стороне от общих экологических настроений и американская социологическая наука: в 1976 году в Американской социологической ассоциации создается секция инвайронментальной социологии, в 1977 году на сессии ассоциации обсуждается тема «Социальные корни инвайронментализма»; еще раньше подобные секции были созданы в Обществе по изучению социальных проблем и в Обществе сельской социологии; издается около десятка журналов, посвященных социально-экологической проблематике; возрастает число публикаций по истории и теории инвайронментальной социологии, по результатам эмпирических социально-экологических исследований, проводимых на стыке различных социологических отраслей. Наконец, к началу 80-х годов формулируются основные (начальные) положения «новой инвайронментальной па-

радикалы» в социологии, провозглашающей наступление «века инвайронментализма», необходимость ценностной переориентации, нового политического и экономического порядка, новых стандартов поведения и нового типа рациональности в целом.

Социально-экономические мотивы появляются и в работах видных американских социологов, не связанных непосредственно с инвайронментальной социологией (Хоровиц, Смелсер, Рейнуотер, Липсет и др.). В своих общеметодологических построениях инвайронменталисты часто прибегают к аналогиям не только с привычными для них натуралистическими течениями, но и с интеракционизмом, структурным функционализмом, марксизмом.

Без уяснения места и роли инвайронментализма в современной социологии представление о ее нынешнем состоянии и перспективах развития было бы далеко не полным. В данной работе рассматривается общая проблема — приемлемость инвайронментальных категорий для новой трактовки предмета социальной экологии. Целью исследования стал анализ не только понятийного аппарата инвайронментальной социологии, но и социально-политических и идеологических выводов этой дисциплины. Главные задачи анализа состоят в том, чтобы, во-первых, определить общетеоретические и методологические основы современных социально-экологических концепций; во-вторых, представить ключевые компоненты новейших инвайронментальных концепций, их взаимосвязь в общей логической структуре инвайронментальной социологии; в-третьих, показать преемственность инвайронментальной социологии по отношению к другим направлениям американской социологической теории; в-четвертых, выявить взаимосвязь инвайронментальных концепций с практикой инвайронментального движения, их социально-политические, идеологические выводы; дать общую оценку перспектив развития инвайронментальной социологии. Таким образом, предмет исследования определяется как теоретико-методологическое и социально-политическое содержание современной инвайронментальной социологии.

Общетеоретические и методологические основания социально-экологических концепций

1. Социально-исторические и философские предпосылки инвайронментализма*

История развития социально-экологической идеи в американской социологии во многом связана с европейскими традициями социал-дарвинизма, географической школы, эволюционизма, натурализма в целом; адаптация этих идей в американской социологической теории проходила под влиянием Спенсера, Дюркгейма, Зиммеля, Тённиса и других европейских социологов. Однако установления теоретических параллелей еще недостаточно для понимания специфики американской социально-экологической традиции, позволившей ей стать одним из самых значительных направлений в теоретико-методологическом арсенале американской социологии и сохранить это значение до сего дня. Для уяснения этой специфики представляется целесообразным обратиться прежде всего к американским источникам (как к теоретическим, так и к социально-историческим) формиро-

* Американский инвайронментализм в целом представляет собой прежде всего общетеоретическую и мировоззренческую ориентацию, в центре внимания которой взаимодействие социальных образований со средой их обитания, проявляющуюся в различных сферах теоретизирования (помимо социологии, в философии, политэкономии, праве, этике, эстетике и т. д.). Кроме того, инвайронментализм — это движение за качество среды обитания. Социальная экология — специальная теория, сосредоточенная на изучении закономерностей и форм взаимодействия общества со средой обитания, многообразие связей социальных изменений с изменениями в жизнеобеспечивающих материальных предпосылках социальных процессов. «Инвайронментальная социология» — одна из дисциплин, использующих социально-экологический подход и ограничивающих его рамками локального сообщества с окружающей его средой. Обусловливая тем самым фрагментарность в понимании универсальных связей естественно-социального континуума, социальной системы и экосистемы, инвайронментальная социология описывает механизмы их оптимизации на локальном уровне.

вания социально-экологических (инвайронментальных) концепций в американской социологии.

Социальные теории, развивающие представления о взаимодействии социума с его жизнеобеспечивающей средой, приобретают смысл в соотношении с реальной практикой этого взаимодействия. Характерной особенностью американской истории такого взаимодействия стало освоение свободных земель, наличие открытой границы, которая фактически дает представление о роли природного изобилия в американской истории. «Открытая граница — это не просто протяженность пустующих земель, — как считают многие американские историки, и в частности М. Коэн. — Граница — это социальный факт, образовавшийся в то время, когда мужчины и женщины свободно встречали вызов жизни, где еще не господствовали установившиеся традиции» [39, с. 48]. Понятие «фронтир» не только включало в себя естественные и пространственные характеристики, но и представляло собой социальное состояние (определенный тип социальной организации поселений на границе между освоенной и свободной землей, социальный тип личности «пионера-завоевателя» с характерной психологией), а также социальный процесс (своеобразная система разделения труда, повторение на новой территории, по мере продвижения границы, цикла «освоение—приспособление—усложнение»).

Экстенсивное освоение среды породило ее специфический тип — фронтир — и соответствующий тип социального поведения в отношении среды, соответствующую систему ценностей в отношении к природе. Сложилась своего рода «локалистская идеология» фронтаира, с характерным для нее индивидуализмом «пионера» в сочетании с «общинностью» йомена и скрепленная этическими нормами пуританства. Высокая степень децентрализации и общинная автономия, «аграрная демократия», «покорительский» активизм и индивидуализм в сочетании с полумистическим культом природы явились следствием этой идеологии. Граница была «местом, где свободная земля лежала на краю поселения, где социальные институты больше не возвышались над индивидом, где европейская усложненность и утонченность отступили перед американской простотой и где демократический рост и изменение постоянно возобновлялись как процесс и подтверждались как принцип», — это классическая характеристика фронтаира, данная Ф. Тернером [79, с. 151—152].

Граница, обилие свободных земель были также «естественным» средством снятия социального напряжения экстенсивным образом: недовольные условиями своего существования имели

возможность уйти на Запад и устанавливать свои порядки, отстаивая свои экономические и политические интересы. Процессы освоения природной среды и формирования специфических социальных институтов происходили одновременно и в определенном смысле обуславливали друг друга — природное изобилие стало гарантом «аграрной демократии» джефферсоновского типа; сочетание индивидуализма с общинной автономией, независимость от федеральных властей и недоверие им подкреплялись, как писал Дж. Мюирхед, «почти детской уверенностью в человеческих способностях, бесстрашием как перед настоящим, так и перед будущим и чувством беспредельной экспансии и возможностей своей страны» [Цит. по: 67, с. 142]. Природа воспринималась в качестве бесконечного ресурса для эксплуатации и извлечения прибыли. Б. Франклин считал, что многие поколения американцев не будут знать, что такое борьба за выживание, которой характеризуется европейская жизнь; что природная среда в Америке не ограничит экономического роста и прогресса. Демократия и изобилие оказались в условиях фронта взаимодополняющими факторами, определяющими дальнейшее развитие представлений о роли природной среды в формировании социальных процессов. «Наша миссия в мире связана с дилеммой, — констатирует Д. Поттер, предполагая, что сущность этой миссии и основная ее привлекательность заключаются не столько в американской демократии и свободе, сколько в американском изобилии, — для других народов наша демократия казалась достижимой, но не особенно желанной; наше изобилие казалось бесконечно желанным, но совершенно недостижимым. Если бы реальность взаимодействия между демократией и изобилием была понята людьми других стран или... теми американцами, которые стремились декларировать нашу миссию, то наша демократия показалась бы более желанной, а наше изобилие — более достижимым. Оба эти изменения усилили бы моральное влияние Соединенных Штатов» [74, с. 140].

Однако к середине XIX века запас свободных земель был исчерпан и граница приобрела значение предела экспансии, экстенсивного аграрного развития и «естественного» разрешения социальных затруднений. Конец фронта ознаменовал наступление своеобразного экологического кризиса, приведшего к обострению противоречий между локалистской демократией и федералистской централизацией, между популизмом и республиканизмом, между аграрным Западом и индустриально-финансовым Востоком: для одних он означал появление «пределов роста», ограничивающих демократию, для других — символи-

зировав появление нового «фронта» (технологического, урбанизированного, передвигаемого в направлении индустриального роста). Тем не менее тесная связь социальных и естественных факторов, оптимизм в отношении возможностей развития этих связей, столкнувшийся с пределами экспансии, принимающей природное изобилие в качестве само собой разумеющейся предпосылки социального развития, особенно обостряют социальные последствия стабилизации естественных границ и наступления «экологического кризиса». Этот первый американский «экологический кризис» обусловил переход от аграрного к технологическому росту и урбанизации, отличающимся той же экстенсивной динамикой, поскольку характерной чертой границы как своеобразного американского института является, по Тернеру, то, что «ее надо продвигать»; продвижение в изменившихся условиях предопределило качественное переосмысление понятия фронта — переход от экстенсивного к интенсивному использованию среды, от ее в основном пространственных характеристик к субстратным. Неизменным признаком взаимодействия со средой остается стремление к изобилию, которое лежит в основе демократии.

В условиях переосмысления последствия «конца фронта» и новых форм использования природных ресурсов формируются четыре основные социально-реформистские ориентации на взаимодействие общества и природной среды: консервационизм, охранительная концепция, экологизм и экономизм (консерватизм *laissez-faire*).

Последняя ориентация, отличающаяся «пионерским» оптимизмом в отношении естественного, стихийного разрешения экологических затруднений («природа ли, Бог ли найдут выход из положения»), характеризовалась, скорее, антиреформистскими настроениями, занимая выжидательную позицию. Защитники этой ориентации рассматривали существующие социальные институты вполне способными справиться с кризисом без особых реформ (реформы подразумевали вмешательство правительства в дела частного бизнеса с целью общенационального планирования и управления природопользованием). Природная среда, с этих позиций, существует для частного интереса и индивидуальной инициативы, а удовлетворение интересов каждого есть и удовлетворение общих интересов — таков рациональный аргумент приверженцев *laissez-faire*. А своеобразным «трансцендентальным» аргументом им служила идея «богоизбранности» американского народа, который от Бога наделен природными богатствами, предоставленными для умножения богатства и извлечения пользы. В качестве же политического

аргумента против реформизма выступала неопределенность в отношении того, кто и в чьих интересах будет осуществлять реформу в условиях «плюралистической демократии». Именно этот довод указывал на несогласованность представлений, прогнозов и социальных проектов нового реформистского движения и теоретизирования — инвайронментализма, которое за общностью положений о необходимости социальных реформ во имя сохранения качества природной среды и тем самым качества среды социальной обнаруживало разнообразные противоречия в отношении ближайших и конечных целей реформы, средств ее осуществления, возможных результатов и движущих сил.

Среди основных направлений в инвайронментализме выделяют, как правило, консервационизм, охранительное движение и экологизм (Монейхон, Петулла, Такер, Милбрэт).

Сторонники консервационизма, наиболее близкие к федеральному правительству (и получившие возможность осуществления своих проектов в качестве общенациональной программы на федеральном уровне, войдя в состав администрации Т. Рузвельта в 1900 году), — Б. Фернау, Дж. Пиншо — представляли так называемое утилитаристское крыло инвайронментализма. Реорганизация социальных институтов, по их представлениям, должна быть направлена на рациональное и продуктивное природопользование, рассчитанное на длительный период времени и обеспечивающее потребление для как можно большего числа людей. Дж. Пиншо в работе «Борьба за консервацию» определил основные принципы консервационизма: обеспечение экономического роста; предотвращение нерациональных издержек в природопользовании и как можно более эгалитарное распределение природных благ: «Консервация означает максимум благ для большего числа людей на более длительный период».

«Экономика без издержек», контролируемая федеральным правительством и препятствующая непродуктивному краткосрочному использованию ресурсов частным бизнесом, была призвана, по мнению консервационистов, вывести общество из хаоса *laissez-faire* — совершенно свободного предпринимательства. Попытки примирить противоречия между частным бизнесом и централизованным правительством заканчивались предложениями промежуточного варианта: так, Дж. Пауэлл высказывал идею опосредованного механизма управления природопользованием со стороны правительства — через всеобщее законодательство, конкретно применяемое на местах по усмотрению местных субсидирующих реформу предпринимателей. В целом консервационизм был ориентирован не столько на осу-

ществление значительных социальных реформ (владение частной собственностью или распределение ее, в качестве какой-либо выступают природные блага), сколько на разработку технологии управления природопользованием. «Проблема (для консервационистов. — С. Б.) состояла в отыскании техники, способствующей эффективному росту, для тех, кто уже контролировал землепользование и ресурсы, — замечает Б. Вайсберг. — Консервационистское движение фактически сформировалось вокруг трудностей управления, а не в связи с проблемами экологического разнообразия и стабильности» [82, с. 23—24].

В противоположность консервационистскому утилитаризму («техноцентризму»), охранительное движение («биоцентризм») выступало за сохранение нетронутой дикой природы, которая обладает ценностью независимо от перспектив ее продуктивного использования. Для биоцентризма, представленного организацией «Сьерра Клуб» (Мюир, Кэтлин, Лоу, Олмстед, Элиот и др.) и основывающегося на романтических представлениях о природе новоанглийского трансцендентализма Эмерсона и Торо, характерно соотношение социального с Природой как с наиболее совершенным и наделенным духовными качествами сущим, воплощающим в себе основополагающие принципы жизнедеятельности всего живого и разумного*. «Там, в лесах, мы возвращаемся к разуму и вере, — писал Р. Эмерсон. — Там я чувствую, что бы со мной не случилось — немилость ли, беда ли, — нет ничего, что не исцелила бы природа» [Цит. по: 42, с. 5]. Биоцентристы представляют инвайронментализм как определенный способ (состояние) бытия и определенный тип поведения, когда охрана и рациональное природопользование могут быть лишь внешними проявлениями более глубоких мотивов и ценностных ориентаций.

Экологи, наиболее близкие к академическим кругам, строят свою, научную, модель взаимодействия общества и природной среды, основанную на объективных (естественнонаучных) закономерностях (экология растений и животных). Включая во взаимозависимые связи экосистемы и человеческие сообщества, экологи видят назначение социальной системы в том, что она должна обеспечивать оптимальное функционирование экосистемы и предотвращать нарушения экологических процессов. Если требования среды к обществу так же обязательны, как и требования общества к среде, то динамическое равновесие экосистемы представляется основным из этих тре-

* Современные модификации биоцентризма см. первый параграф главы 3.

бований. Экологическая ориентация, соединяя черты биоцентризма с консервационалистским рационализмом, представляла образец биоцентризма научно-экологического, в отличие от «трансцендентального», в сочетании с реформизмом, скорее, консультативного плана, нежели административного.

Созданное в 1915 году Американское экологическое общество имело целью прежде всего изучение закономерностей развития экосистемы в ее широком понимании (включая человеческие сообщества) и распространение этих знаний. Среди представителей экологизма — Дж. П. Марш, Э. Ист, Э. Росс, Ф. Клементс и др. Экологисты предложили в целом три основные социально-экологические идеи, сохранившие и до сих пор значение в инвайронменталистском теоретизировании. Идея «экосистемного холизма» выражена А. Леопольдом: «Разумно то, что стремится к сохранению целостности, стабильности, совершенства биологического сообщества. Неразумно все то, что стремится к обратному» [60, с. 58]. Здесь подчеркиваются эмерджентность свойств экосистемы, тем более увеличивающаяся с включением в нее «человеческих» (социальных) систем, непознаваемый до конца витализм экосистемы, ситуативность, непредсказуемость взаимодействия социальных и биотических организаций и его результатов. Отсюда следует непреходящее значение «кульминационного» состояния экосистемы, состояния динамического равновесия как наиболее оптимального результата эволюционного развития, нарушение которого может иметь следствием лишь деградацию экосистемы (Ф. Клементс распространял понятие «кульминационного» состояния и на социальные системы).

Однако холизм экологистов не следует приравнивать к мистификации целостности биоцентристами, поскольку это холизм опосредованный: критерий разумности, сформулированный А. Леопольдом, относится не к каждому отдельному действию и его результатам и не к каждому отдельному объекту этого действия (как у биоцентристов), а к типу действий, «правилу», практике в целом, ее тенденции и к виду, популяции. Опосредованность холистского принципа дополняет его ситуативность («предрасположенность... к восприятию экологических ситуаций, настолько новых, что путь социальной целесообразности неразличим для отдельного индивида») и заведомую недостаточность знания о возможных ситуациях взаимодействия социальной и экологической системы.

Несмотря на опосредованность и статичность обосновываемого ими холизма, экологисты не пытаются обойти вопрос о возможностях совмещения экосистемного холизма и индиви-

дуализма — права как отдельного индивида, так и сообщества на поступательное, творческое, индивидуальное развитие. Этот процесс разрешается в концепции «морального сообщества» — это своеобразное встречное холизму течение: если принцип холизма распространяет закономерности развития экосистемы на социум, то понятие «морального сообщества» расширяет сферу действия норм морали (вслед за ними и других социальных институтов) на «не-человеческие» элементы всеобъемлющей экосистемы. Возможность соединения встречных потоков основывается на смешении экологами понятий «симбиоз» и «образец поведения», на предположении об их функциональной равноценности. В результате этика представляется и «ограничением свободы действия в борьбе за существование... и критерием отличия социального и антисоциального поведения» [60, с 208]. Экологически оправданное социальное поведение представляет собой самоограничение — принятие целостности и стабильности экосистемы в качестве социальной ценности (и ограничение себе подобного, ориентированного на этот тип поведения).

«Моральное сообщество» обеспечивает право на существование и полномочия, основывающиеся на способности осуществлять свои функции в экосистеме, не отдельным индивидам, но видам, популяциям. Под функциями подразумеваются не только биотические функции вида, но и его отношение к человеческим индивидам (в некотором смысле его антропогенная значимость). А ввиду того, что человек воспринимается не только как нарушитель экологического равновесия, но и как создатель качественно новых типов среды и биотических сообществ (А. Тэнсли), человеческие индивиды наделяются не только статистической моральной значимостью (в качестве популяции) в «моральном сообществе», но и правом на индивидуализм, какое «не-человеческие» особи получают лишь на уровне вида. Это право на индивидуализм основывается на человеческой способности реагировать на изменения среды способом, «который не обязательно удовлетворяет непосредственный индивидуальный интерес, но способствует сохранению целостности, стабильности и т. д. биотического сообщества», даже если эта способность и не используется в должной мере.

Этот биотический функционализм, дополненный изменением роли (но не функции) человека в биотическом «моральном сообществе», во многом способствовал не развитию редукционистской экологии суперорганизма (тотальной экосистемы, поглощающей специфику социального), но перемещению индивидуалистического акцента на природу «морального сообщества»:

редукционизм, как и холизм, стал опосредованным, функциональным редукционизмом; моральные нормы (и социальные институты, ими интегрируемые) интерпретировались как функциональные двойники естественных (биологических) инстинктов, позволяющих сохранить целостность и гармонию экосистемы [65].

Социально-экологические концепции экологов, не являясь собственно экологическими, определяли общетеоретический, содержательный контекст, соединявший идеи социального атомизма с эволюционным характером социальных изменений. Это соединение опиралось на социальный реформизм, устанавливающий, благодаря модификации моральных норм и коммуникации социальных атомов, динамическое равновесие и социальный консенсус в новом «моральном сообществе». Эволюционистская (социал-дарвинистская), реформистская, интеракционистская и акцентирующая изменение моральных норм направленность во многом была воспринята и воспроизведена в классической социально-экологической концепции Чикагской школы социологии в 20-е годы. Методологической же основой социально-экологических исследований послужили (помимо европейских источников) идеи Чикагской школы философии, сформировавшейся поколением раньше, — инструментализм Дж. Дьюи*, отвечавший требованиям сочетания эволюционистского «натуралистического гуманизма» с индивидуализмом и социал-реформистским активизмом.

«Они (американские социологи. — С. Б.) предпочитали философию, которая сохранила натуралистические и индивидуалистические черты и, тем не менее, принимала возможность и необходимость интеллектуально направленной социальной мелиористской реформы, — отмечает Льюис. — Прагматизм, особенно прагматизм Джемса и Дьюи, и стал как раз такой философской комбинацией» [61, с. 4]. Фокусом этой комбинации, представлявшей основополагающую ценность для социально-экологической ориентации, стало положение об эволюционном становлении социальной (психической, интеллектуальной, моральной) природы человека на определенной стадии развития органической жизни в зависимости от характера и результатов ее взаимодействия с окружающей средой. Результатом этой эволюции у Дьюи выступала весьма расплывчато определяемая

* К Чикагской школе прагматизма (1894—1904) кроме Дж. Дьюи относят Дж. Г. Мида, Дж. Тафтса, Дж. Энджелла, Э. Эймса, Э. Мура. Наиболее последовательным учеником Дьюи среди чикагских социологов считается Ч. Эллвуд, хотя влияние Дьюи очевидно также и на У. Томаса и Р. Парка.

«природа человека», соединяющая в себе биологические и социальные начала на основе их функционального тождества, биосоциального параллелизма, когда инстинкты и социальное поведение равнозначны по функции удовлетворения (прежде всего органической) потребности.

Поскольку «потребность» возникает вследствие нарушения оптимального функционирования организма в среде, то ее удовлетворение имеет целью восстановление равновесия во взаимодействии со средой, восстановление оптимума, и предполагает исследование конкретной ситуации взаимодействия. Такая ситуация характеризуется уникальностью, неповторимостью, индивидуальностью переживаемого опыта взаимодействия; ее интерпретация возможна в контексте принципиальной координации субъекта и объекта, в непрерывности естественного и социального. «Поведение, — пишет Дьюи, — это взаимодействие между элементами человеческой природы и средой — природной и социальной» [47, с. 10].

Уникальность и экзистенциальность ситуации взаимодействия (исследования) «человеческой природы» со средой во многом напоминает иррациональные положения биоцентристов о потенциально недостаточном знании ситуаций взаимодействия и в то же время подразумевает органически спонтанное, зависимое от наличных процессов, развитие ситуации. Но, в отличие от биоцентристского подхода, ситуативность Дьюи отвергает предустановленный порядок вещей как в природе, так и в обществе и рассматривает общие закономерности и универсалии в контексте единого индивидуального опыта.

Выступая против иррационального утверждения абсолютных начал и «оптовых оправданий», Дьюи подчеркивал возможность и необходимость их изучения в качестве объектов исследования и эксперимента с целью установления их социальной и моральной ценности. При этом исследование (опыт) воспринимается всегда как индивидуальный опыт, как целостность, взаимосвязь, изменчивость, уникальность, непрерывность природного и социального, органического и психического, субъективного и объективного: «Разумное признание непрерывности природы, человека и общества... обеспечит совершенствование морали... установив единство морали и человеческой природы и единство обеих с окружающей средой» [47, с. 112—113]. Осознание этого единства является для Дьюи условием свободы, целепонимания и ответственности, отказа от сверхъестественного начала и реализации всех способностей, заложенных в человеческой природе. В этом заключается основная задача философии как экспериментального метода моральной и политической реформы,

направленной на исследование ситуации, конструирование опыта и преобразование «человеческой природы».

Сосредоточение на активизме «человеческой природы» имело следствием то, что если индивидуальный опыт (познание, исследование) рассматривается как активность, преобразование, то социальное (моральное) преобразование на уровне человеческой природы оказывается образованием, воспитанием и просвещением, преобразованием моральных ценностей. Моральный аспект функциональной психологии Дьюи становится актуальным в контексте ситуативности. Поскольку неопределенность ситуации требует определенного выбора и действия, а критерий выбора заключается в особенностях взаимодействия индивидуальной человеческой природы с природой внешней, то чистота эксперимента (опыта взаимодействия) предполагает освобождение «моральной ситуации» от заранее данного абсолютно-нормативного критерия: «Каждая ситуация имеет свою собственную меру и качество прогресса» [49, с. 24]. Единство в человеческой природе естественного и морального начала отождествляет «человеческое» и «моральное»; «универсальное» и «социальное»: «Коммуникация, соучастие, сопричастность являются единственным способом универсализации морального закона и цели» [47, с. 282].

Занимая позиции эмпиризма (индивидуализма, феноменализма), Дьюи считал предметом исследования не обобщающие теории и искусственные дилеммы (он называл их «бесполезной роскошью»), но особые образцы взаимодействия между «актерами» в конкретных социальных образованиях (по его выражению, «ассоциациях»): «Общество есть процесс ассоциации, в котором опыты, идеи, ценности, трансформируясь (в коммуникации. — С. Б.), становятся общими» [49, с. 207].

Для того чтобы освободить творческие силы индивида от социально навязанных образцов и вместе с тем применять силу морального (социального) воздействия на индивидов, сохраняя при этом их индивидуальную свободу, Дьюи должен был разрешить ряд поставленных им в своей функциональной психологии вопросов относительно все той же «природы человека»: «Насколько человеческая природа модифицируема намеренным усилием? Как соотносятся в ней наследственность и воздействие среды? Что более существенно в определении поведения? Как конкретно происходит модификация, как ее контролировать? Являются ли современные политэкономические институты необходимым продолжением природы человека?» и т.п. [48, с. 532]. Признавая существование биологических пределов модификаций человеческой природы, основным препятствием к

осуществлению идеала «творческой демократии» (социальная организация, минимизирующая социальный контроль над индивидуальными проявлениями творческой самореализации, деюрократизация всех социальных институтов) Дьюи считал «инерцию (социальных. — С. Б.) институтов и волонтаристское желание правящих классов сохранить существующий статус» [48, с. 536].

Преобразование социальной ситуации, связанное с преобразованием человеческой среды через природу человека, предполагает такой тип взаимодействия, в котором соотношение «привычки» и «импульса» сохраняет качество среды, обеспечивая «инициативность, изобретательность, разнообразие ресурсов и принятие ответственности в выборе мнения и поведения» [47, с. 194]. Поскольку «философия действия» должна была стать действенной философией, то она «должна была отвергать и изгонять тот разум, который является не чем иным, как далеким глазом, замечающим в отдаленной и чуждой среде явления природы и жизни» [50, с. 66]*.

Социальную онтологию Дьюи относит к «номиналистической» (социальная реальность лишь в процессе ассоциации и коммуникации отдельных индивидов) и в целом натуралистической. Ограничение сферы онтологии социальной онтологией не означало, однако, для Дьюи перехода от социально-онтологического номинализма к «псевдонатуралистическому взгляду, который слишком много сохранил от идеализма» [38, с. 18], поскольку сведение социальной реальности к ассоциации индивидуальных опытов еще не означало отождествления всего реального мира с «индивидуальным потоком опыта». Классическое толкование «номинализма» и «реализма» у Дьюи трансформируется в противоположность субъективного идеализма и реализма в отношении онтологии в целом. В этом смысле «реализм» воспринимается как «принятие определенного типа грубых физических сущностей, независимых от сознания, мышления или другого ментального процесса»; «принятие реальных вещей, которые действительно имеют результаты и последствия», «служат для проверки ментальных процессов, их результатов, которые в противном случае лишь спекулятивны» [61, с. 115]. В этом смысле Дьюи считал себя «реалистом» (противостоящим «ментализму») и «натуралистом», ограничившим свой номинализм сферой социального. «Дьюи охотно готов ограничить свою

* Ср. с трансцендентальным биоцентризмом Р. Эмерсона: «Стоя на голой земле... я становлюсь всепоглощающим оком; Я — ничто, Я вижу все; потоки универсального Сущего сливаются во мне; Я — часть и частица Бога» [42, с. 5].

философию той частью Космоса, к трактовке которой он был технически подготовлен — миром видимого человеческого поведения... Дьюи охотно готов был отказаться от всякого интереса к тайне Вселенной во всем ее объеме», — характеризуя «морализм» Дьюи, пишет М. Коэн, считая его «радикальным и последовательным натуралистом», «бесспорно принимающим метод и результаты естественных наук, особенно дарвиновской биологии» [39, с. 319]. В отличие от Р. В. Селларса, усматривающего в прагматизме Дьюи «псевдонатурализм» [39, с. 381], М. Коэн отмечает, скорее, псевдоинвайронментальную направленность социологизированной онтологии Дьюи: «Эта философия не открывает никаких перспектив развития природы вне человеческих явлений и не проявляет интереса к таким вопросам, как происхождение и будущее нашей солнечной системы или жизнь на Земле, или даже к естественным условиям, которые могут привести к исчезновению человеческих особей» [39, с. 82].

Что касается социальной эпистемологии и методологии инструментализма, то их эмпиризм и психологический функционализм при определении «номиналистической» позиции Дьюи в отношении социального поведения (действия, преобразования опыта) вызывают подозрение не столько в «псевдонатурализме», сколько в «псевдонаучности»: «Дьюи и его сторонники считали, что их философия исходит из научного метода; тем не менее, это соотношение искусственно. В сущности, цель теории исследования Дьюи далека от науки (в ее позитивистском понимании. — С. Б.). Наука связана с пониманием отношений между универсалиями, тогда как теория Дьюи связана с преобразованием частностей», — таково мнение Дж. Льюиса относительно социологического «номинализма» [61, с. 115].

Натурализм Дьюи, объединяющий движущие силы социально-экологического процесса (взаимодействие естественной среды с природной) в единой и неделимой «природе человека»*, его функциональный психологизм, обосновывающий биоадаптивную трансформацию индивидуальных ситуаций, отчасти социальный «номинализм» и особенно дух социального реформизма, «сосредотачивающего внимание на этической и социальной проблематике больше, однако, ради целей социального контроля, нежели для того, чтобы прояснить в исследовании природу общественного процесса или развитие более необходи-

* Наиболее полно функциональная психология Дьюи была использована в социологии Ч. Эллвуда, перенесшего биосоциальный параллелизм индивидуальной человеческой природы на единый общественный организм.

мой методологии социальных наук» [39, с. 329], определили роль Дьюи в развитии социально-экологической концепции Чикагской школы социологии.

2. «Классическая» концепция социальной экологии Чикагской школы социологии (20—30-е годы)

Формирование «классической» социально-экологической концепции Р. Парка, Э. Бёрджесса, Р. Маккензи происходило в условиях тесной связи исследовательских задач с конкретными проблемами города, что не только обусловило эмпирическую и реформистскую направленность Чикагской школы, но и определило теоретическую ориентацию на эволюционизм и натурализм в исследовании социального изменения.

Чикагской социологии изначально был присущ пафос социального реформизма: основатель Чикагского университета Харпер основной задачей социологических исследований полагал разрешение конкретных социальных проблем. А. Смолл, впервые возглавивший факультет социологии в Чикаго, придерживался той же идеи о мелиористском назначении социологической дисциплины. Дальнейшее развитие и расцвет социологической школы в Чикаго в большей мере обязаны «традиции, которая предполагает, что эффективный социологический анализ как таковой способствует коллективным усилиям, направленным на разрешение проблем, поскольку более четкое понимание социальной реальности служит для возбуждения всеобщего интереса» [45, с. 23]. Участие студентов и профессоров университета в разного рода городских реформах обеспечивало чувство особого, «интимного» отношения к городу: Р. Парк, например, писал, что для него Чикаго — «нечто большее, нежели совокупность индивидов и удобств... нечто большее, чем набор социальных институтов и административных единиц. Город — скорее, умонастроение, тело обычаев и традиций... продукт природы, в особенности человеческой природы» [72, с. 57]. Такое отношение к городу во многом оправдывалось тем, что «наглядность социальных условий (в Чикаго. — С. Б.) была большей, чем в других больших городах Америки», считает М. Балмер, вспоминая «великий пожар 1893/94 года» и его последствия, пулмановскую стачку 1894 года, беспорядки на Хаймаркет 1896 года*.

* М. Вебер, посетивший Чикаго в 1904 году, сравнивал город с человеком, с которого содрали кожу, и видно, как действуют его внутренние органы [45, с. 23].

Немаловажным фактором в интенсификации социальных процессов послужила миграция, описанная Э. Бэрджессом: «Чикаго захлестывали волны иммигрантов из Европы. Особенно велико было число новоприбывших в период с 1890 по 1910 год. Первая мировая война прекратила этот поток, но сразу же после войны он возобновился с еще большей силой. В то время когда мы начинали свои исследования, многие этнические соседские общины уже прочно установились, имея свои церкви, газеты, рестораны, политиков... К этому же времени настроение общенности выкристаллизовалось в довольно стойкое предубеждение и неприязнь к переселенцам из Восточной и Южной Европы... Землевладельцы пользовались перенаселенностью и неведением новичков, предлагая им худшее жилье по завышенным ценам.

Общественное предубеждение и желание отгородиться от потока иностранцев позволяли сохранять дефицит жилья для этих групп, несмотря на быстрое строительство в других частях города... Дети эмигрантов, оказавшись между двух культур, не разделяли ни идеалов своих родственников, ни американских идеалов, хотя и отождествляли себя с Новым Светом. Они образовывали так называемые уличные компании, которые вели себя откровенно вызывающе как в отношении требований родителей, так и в отношении социальных норм американского общества в целом» [81, с. 4].

Складывавшаяся социальная ситуация требовала от реформистского движения прежде всего установления адекватного социального контроля и согласия, устранения социальных антагонизмов «эволюционным» путем; социологическая наука была призвана обеспечить средства такой реформы и дать представление о развитии социального процесса, о соотношении конфликта и консенсуса в этом процессе. Социально-экономическая концепция, примененная Парком—Бэрджессом—Маккензи к конкретному объекту—городу, служила ответом на эти требования. Эволюционистская трактовка социального изменения предполагала натуралистическое толкование объекта исследования (Парк воспринимал город прежде всего как естественный феномен) и движущих сил социального развития, подчиняющихся спонтанным, естественным закономерностям. Так, Парк и Бэрджесс отрицали возможность общей социологической теории прогресса, допуская это понятие лишь в качестве результата обобщения конкретных практических проблем в определенной области знания, т. е как прогресс в познании.

Конфликт и консенсус рассматривались в этой концепции как взаимосвязанные и взаимодополняющие стороны единого

эволюционного процесса; таким образом, подчеркивалось естественное происхождение конфликта и закономерность его трансформации в оптимальное состояние консенсуса. Стачки, революции, войны Парк считал «продуктами эволюционного процесса» и «реверберациями в политике индустриальных и экономических депрессий»: «Натуралистическое объяснение революций стремится к описанию этого феномена, говорящему нам не о том, что должно случиться, а о том, что вероятнее всего случится; не о том, что мы должны делать, но о том, что мы сможем сделать в этой ситуации» [70, с. 34—37].

Описание процесса социального изменения как движения от конфликта к согласию, обусловленного естественными закономерностями, определило противоречия и дальнейшую судьбу социально-экологической теории, соединившей в себе самые разнообразные ориентации.

Исходным пунктом в построении социально-экологической концепции послужило представление об обществе (сообществе) как об организме, как о «глубоко биологическом феномене», следовательно, обладающем, помимо социального (культурного) уровня, биотическим, лежащим в основе всего социального развития и в конечном счете определяющим социальную организацию общества. «Проявления живого, изменяющегося, но устойчивого порядка между соревнующимися организмами, воплощающими конфликтные, но все же взаимосвязанные интересы, представляются основой для понимания социального порядка... и общества, основанного, скорее, на биотическом, нежели культурном, базисе» [68, с. 3].

Процесс социальной эволюции от биотического к культурному уровню направляется конкуренцией — движущей силой этого процесса, принимающей различные формы в ходе эволюции и достигающей на культурном уровне оптимума — «соревновательной кооперации». Именно конкуренция более всего придает сообществу характер организма, формируя его структуру и регулируя последовательность нарушения и восстановления равновесия в развитии социального организма. Процесс социального изменения оказывается разделенным на ряд последовательных фаз, каждая из которых — результат предшествующих и воплощение определенной формы конкуренции и вместе с тем определенной формы социации, исследуемой соответствующей дисциплиной.

Р. Парк выделяет четыре фазы в процессе эволюции от биотического уровня к социальному: экологический порядок, экономический, политический и культурный — и четыре формы конкуренции: борьба за выживание на биотическом уровне,

конфликт, адаптация и ассимиляция — в качестве характерных форм социации на каждой стадии эволюции.

Территориальный (экологический) порядок — результат пространственного, физического взаимодействия индивидов как «социальных атомов»; экономический порядок — продукт торговли и обмена; политический — предполагает еще более тесные связи и еще большее их разнообразие; на этом уровне конкуренция, будучи осознанной, представляется как конфликт, контроль и регуляция которого осуществляются средствами политики с целью установления социальной солидарности.

Наконец, наименее формальный и наиболее тесный и разнообразный вид взаимодействия осуществляется на культурном уровне, характеризуемом «гнетом традиции»: «Общество налагает на свободную игру экономических и эгоистических сил ограничения политического и морального порядка. Но обычаи, конвенции и закон, посредством которых общество контролирует индивидов и самоконтролируется, оказываются, в конечном счете, продуктом коммуникации» [70, с. 313]. На этом уровне вступает в силу формула «общество как взаимодействие», возрождающая «социальный атомизм», апеллирующий все к той же «природе человека», к способности рационально действовать.

Институты и социальные структуры любого вида могут рассматриваться как результаты коллективного действия. Коммуникация, являясь интегрирующим и социализирующим процессом, делает возможным последовательное и согласованное действие; согласованность действия, а не специфическая структура придает обществу социальный характер. Согласие, институционализируемое в традиции, моральном законе, привычках и т. п., принимает характер контроля за естественными проявлениями конкуренции, «усложняет социальный процесс, но существенно его не изменяет: экономический, политический и моральный порядок являются фактически сублимированными формами биотической конкуренции», ибо конкуренция может рассматриваться и как коммуникация, взаимодействие, предполагающие на определенном уровне эволюции соответствующие цели и средства.

Сублимирование форм конкуренции происходит прежде всего в коммуникации индивидов и зависит от специфической природы взаимодействующих индивидов, т. е. способность к коммуникации признается, в конечном счете, врожденной.

Процесс эволюции от биотического уровня к культурному, от макроуровня к микроуровню, от конкуренции к коммуникации представляется в следующем виде: «Общество — глубоко

биологический феномен, и его институты не устанавливаются, но вырастают, как деревья. Общество — это нечто, что не может быть разъято, а потом вновь собрано. Это не артефакт. У него есть, как у дерева, принцип его существования... внутри него, а не вовне, как у машины. Более того, природа человеческих отношений такова, что мы должны представлять себе общество как состоящее из индивидов, несомненно, но индивидов, объединенных не просто рациональными целями, не законами, конституциями и контрактами, но чувствами и привязанностями, инкорпорированными в привычки людей, а также в структуру общества. Само существование законов, обычаев и традиций, которые обеспечивают постоянство и солидарность социальной структуры, основывается, в конечном счете, на том факте, что люди обладают воображением, позволяющим им... воспринимать чужие мысли и чувства и делать их... в некоторой степени своими. Существование общества зависит... от существования совокупности традиций, чувств, верований, личных привязанностей, которые могут быть поняты, но которые не являются рациональными... в том смысле, в каком рациональна машина» (т.е. имманентными человеческой природе) [70, с. 320—321]. В этом смысле интеракционизм Р. Парка сводит взаимодействие к физическому, пространственному прежде всего, принимающему те или иные формы (в зависимости от природы взаимодействующих единиц) контакту, по сути, воплощающему в себе конкуренцию, и имеет мало общего с интеракционизмом Дж. Г. Мида: интеракционизм Р. Парка, скорее, обращается к теории социальных сил Л. Уорда.

Перенос натуралистических эволюционистских представлений с макроуровня на эволюцию индивида сохраняет принцип натурализма, представляя социальные чувства как результат сублимации естественных качеств. «Социальные силы» интересуют Р. Парка не в качестве специфического психологического аспекта социального атома, но как сублимированная форма естественной силы — конкуренции, тем самым Парк подчеркивает основополагающее значение естественной человеческой природы в процессе коллективного поведения. «Мы вынуждены признать, что существуют различные типы и уровни поведения, представленные в человеческом организме, — пишет Парк. — Человек — наследник всех видов, которые были до него в биологических сериях. Результат заключается в том, что наиболее развитые формы человеческого поведения настолько тесно переплетены с самыми элементарными, что трудно четко обозначить разницу между ними. Трудно разграничить природу естества и человеческую природу» [70, с. 273].

Развитие и социализация «человеческой природы» происходит в том же континууме между биотическим и социальным уровнями. На макроуровне несублимированным проявлением биотической конкуренции выступает экологическая (пространственная) организация населения и институтов. Носителями экологического качества социума являются обладающие той же структурой биотического и социального уровней «социальные атомы», наделенные «человеческой природой»; обусловленная их биотической природой «конкурентоспособность» проявляется прежде всего в их физическом, пространственном, взаимодействии, в миграции. Именно в передвижении, по Р. Парку, развивается тот особый тип организации, который называется «социальным».

Социальный организм состоит, прежде всего, из индивидов, способных к передвижению [73]. Миграция как коллективное поведение обладающих биотической природой индивидов образует экологическую структуру на макроуровне, которая и является предметом исследования социальной экологии. Надстраиваемая на этом основании иерархия — экономический, политический, социальный и, наконец, культурный (моральный) порядок — изучается соответственно экономической, социологией и антропологией. На высших уровнях иерархии конкуренция не устраняется, но контролируется («Общество — везде организация контроля»). Источником конкурентных процессов и одновременно обеспечения контроля оказывается опять же отдельный индивид благодаря своей социально-биотической организации. «Мы неизбежно ведем двойное существование, — пишет Парк. — Стремясь жить в соответствии с ролью, которую мы приняли и которую общество нам навязало, мы оказываемся в постоянном конфликте с самими собой. Вместо того, чтобы действовать просто и естественно, как ребенок в соответствии с каждым природным импульсом, мы стремимся приспособиться к принятым моделям и воспринимать себя в соответствии с тем или иным социально принятым образцом. Пытаясь конформировать, мы сдерживаем наши непосредственные и спонтанные импульсы и действуем не так, как склонны действовать, но как это представляется согласным со случаем (обстоятельствами)» [69, с. 700—701]. В итоге основой разнообразия, тесноты социальных связей, консенсуса, социальной аккомодации является свобода передвижения, а иерархия степеней свободы индивида выстраивается в порядке убывания от экологического порядка к культурному: «индивиды более свободны на экологическом уровне, чем на политическом, и на политическом, чем на моральном» [68, с. 14].

Соотнесение личной свободы со свободой передвижения как с изначальным (биотическим) и основополагающим фактором представляет в концепции Парка нечто вроде культурно-антропологической экологии (в отличие от социальной экологии на макроуровне). Центральным понятием этой экологии выступает «свобода», которая наряду с «размерами», «сложностью», «скоростью и механизмом» является одной из характеристик современного общества. При этом «свобода имеет несколько измерений соответственно... различным уровням интеграции современного общества. Во-первых, наиболее фундаментальная свобода, необходимая для существования любой формы жизни, превосходящей растительную, — свобода передвижения», позволяющая «осваивать и видеть мир»; во-вторых — «свобода конкуренции за место в общей экономике»; в-третьих — свобода конкуренции «за место и статус в социальной иерархии», т. е. политическая свобода, и, наконец, «свобода самовыражения», где основным ее ограничителем являются традиции и моральные нормы.

Таким образом, в основе всего многообразия свободного проявления личности полагается освобождение от локалистских традиций: «До тех пор, пока человек привязан к земле... пока ностальгия и обыкновенная тоска по дому владеют им и возвращают его к хорошо знакомым местам, он никогда полностью не осознает характерного для человека стремления — двигаться свободно и беспрепятственно по поверхности мирского и жить, подобно чистому духу, в своем сознании и воображении» [73, с. 156]. В этом смысле даже разум воспринимается как «процесс, посредством которого определяется направление будущего движения, локализация в воображении искомой цели» [73, с. 157]. В результате, поскольку общество представляет собой прежде всего совокупность нравов, обычаев, «согласия», то и социальные изменения связаны прежде всего с изменением моральных норм, индивидуальных установок, основывающихся на «человеческой природе». «Социальные изменения... всегда включают более радикальные изменения человеческой природы» [70, с. 291]. «Социальные изменения начинаются с изменений условий установок индивидов... поэтому изменение установок индивидов в сообществе является своего рода барометром, указывающим на изменения, которые могут в настоящем произойти в институтах и привычках» [70, с. 291].

Социальный реформизм, таким образом, представляется, скорее, делом культурной антропологии, нежели социологии, поскольку связан с эволюционным преобразованием человеческой природы и индивидуальных установок, а затем уже и социаль-

ных институтов; эволюционность же развития продиктована биотическим основанием этого процесса. «Общество и существующий моральный порядок, — читаем у Парка, — настолько прочно установлены в традициях, обычае и личных привычках индивидов, что они не могут быть внезапно директивным или законодательным образом отменены... Большинство наших социальных институтов были, вполне определенно, не спланированы, но созданы непрерывными сериями реформ и преобразований». В соответствии с эволюционным реформизмом Р. Парка «свободные общества... растут; они не планируются» [70, с. 738—749]. Основополагающей характеристикой этого естественного роста выступает экологическая организация общества, основывающаяся на биотических качествах индивидов — на их способности к свободному передвижению; интенсификация миграции приводит в соприкосновение все большие массы людей, что усиливает конкуренцию между ними, влечет за собой разделение труда (специализацию) и формирование социальных институтов. При этом акцентирование роли пространственного фактора среды Р. Парком еще раз напоминает о том, что «дух старого фронта более, чем какая-либо другая черта американской жизни, послужил для характеристики американских институтов и американских нравов» [73 с. 160].

В этом эволюционном процессе экономические институты образуются как результат стихийной, биотической конкуренции, и в этом смысле экономический порядок отождествляется с экологическим: экология воспринимается как распространение экономики на все живые организмы, тогда как экономика — это лишь часть экологии, изучающая все многообразие механизмов жизнеобеспечения человека, поэтому здесь лучше начинать с биологических основ. По Р. Парку, сфера экономики является ареной действия стихийных биотических сил, свободы конкуренции; социальная же реформа относится к сфере социального, где конкуренция, будучи осознанной, переходит в новое качество — конфликт, который таким образом помещается не в экономических (естественных) условиях, но в социальной организации, т. е. в нравах, обычаях, установках и т. п.

Эволюционно-реформистский подход Р. Парка к теории социального изменения (социально-экологической теории) определил широкую теоретическую ориентацию, стремящуюся соединить «социальный атомизм», интеракционизм и эволюционизм; холизм и индивидуализм; представить социальное изменение как серию проблем, стоящих перед отдельными «актерами» (эмпиризм). Однако такой подход обусловил двойственность

эпистемологии социально-экологической теории. Здесь Парк, как и Дьюи, пытается объединить эпистемологические полюса «номинализма» и «реализма»; колебания между ними были характерны в то время не только для Парка и его школы, но и для социологического факультета в Чикаго вообще, где, с одной стороны, уже наметился значительный крен в сторону интеракционизма и социального номинализма (А. Смолл, У. Томас, Ч. Эллвуд, Г. Блумер), а с другой — были сделаны попытки соединить интеракционизм с социальным реализмом (Э. Фэрис, У. Боденхафер, Э. Хейес, Дж. Г. Мид). Учебник Парка—Бэрджесса [72], обобщавший опыт чикагской социологии, оказался, таким образом, попыткой синтеза противоречивых подходов во всем многообразии их аргументации. «При чтении учебника Парка—Бэрджесса, — признается Дж. Льюис, — поражает впечатление, что, образно выражаясь, авторы пытаются молиться сразу нескольким богам. Если распутать это сплетение из разнообразных нитей, остаются две основные. Во-первых, Р. Парк, как и другие чикагские социологи, был под влиянием идей ранних американских теоретиков, особенно Ч. Х. Кули, Дж. Дьюи и У. Томаса. Во-вторых, что не менее важно для Парка, это его непосредственный контакт с немецкой социологией — особенно с В. Виндельбантом и Г. Зиммелем — и его изучение Э. Дюркгейма»* [61, с. 184—185]. Еще в своей диссертации «Толпа и публика» (1904) Парк различает «коллективную, групповую психологию» и индивидуальную психологию; корпоративное действие и индивидуальное действие («Только когда группа как таковая рассматривается в качестве субъекта, занимающего определенные позиции и действующего как целостность, она и может стать объектом социально-психологического объяснения») [цит. по: 61, с. 185]. Принятие идеи социального контроля на макроуровне, объективация социальных и моральных норм, эволюционизм социального развития (установление его ритма, цикличности, последовательности и периодичности), подчинение развития личности и индивидуального сознания воздействию всех низлежащих уровней организации (экологического, экономического, социального) свидетельствуют в пользу «реализма» теории Р. Парка. «Реализм» обеспечивается здесь функционально-процессуальным подходом: «То, что придает сообществу характер общества, — не его структура, но его способность к согласованному

* Парк изучал философию у У. Джемса, Дж. Дьюи и Дж. Ройса, но признавался в своей диссертации, что окончательным развитием его философские идеи обязаны более всего влиянию Вильгельма Виндельбанда [61, с. 185].

действию... Сначала — действие; результат действия — создание образца действия. Этот образец действия, как видно на примере толпы, зачастую чрезвычайно хрупкий и эфемерный, может существовать без какой-либо четко определяемой организации. Постоянство образца действия, тем не менее, зависит от наличия структуры, от разделения труда, от степени специализации индивидов, составляющих группу. Когда роль индивидов в деятельности группы фиксируется в привычке, и особенно когда роль разных индивидов и их специальные функции становятся признанными в обычае и традиции, социальная организация приобретает новую стабильность и постоянство, которое может быть передано последующим поколениям. Таким образом, жизнь сообщества и общества может быть продлена за пределами жизни индивидов, его составляющих» [69, с. 697—698].

Отвергая психологический интеракционизм и занимая «реалистические» позиции «социального контроля», «коллективного поведения» и «коллективного сознания», Р. Парк в то же время остается и «номиналистом» по вопросу о механизме формирования контролируемых норм, обычаев, нравов, консенсуса в целом, развивая в социально-экологической теории биологический (основанный на биотической природе человека) интеракционизм, переходящий в интеракционизм «пространственный».

Другими словами, выступая против психологического редукционизма в социологии, Парк допускает редукционизм биологический, экологический. В результате на биотическом уровне общество рассматривается с точки зрения «номинализма» и функционально-процессуального подхода, но на социальном (культурном) уровне, где достигается «согласие» и формируется «коллективное сознание», акценты смещаются в сторону структурного, «реалистического» анализа.

Кроме того, упоминания в учебнике «Введение в науку социологии» (1925) о врожденности, инстинктивности расового сознания, о том, что именно осознание своих качеств позволяет индивиду обрести социальный статус (в отличие от классовой принадлежности, он считался определяющим для социальной характеристики индивида), «упорный индивидуализм американской социологии» [13, с. 432], апелляции к «социальным силам» (желаниям, склонностям, мотивам) в духе У. Томаса и Л. Уорда позволяют говорить о «номинализме» Парка. Поэтому, как пишет О. Н. Яницкий, «исследования чикагских экологистов не могут быть расценены только как экологические в строгом смысле слова. Это была широкая теоретическая

ориентация, продукт и синтез многих современных ей социально-философских направлений» [28, с. 45].

Теоретическому разнообразию в Чикаго способствовали менее жесткие дисциплинарные рамки и тесные междисциплинарные связи различных факультетов (философии, антропологии, политических наук, психологии, экономики) — то, что Х. Лассуэлл называл «кросс-дисциплинарным многообразием», — и участие представителей различных социальных дисциплин в работе Комитета по изучению локального сообщества (LCRS). Междисциплинарное сближение во многом объясняется примерно одновременным увлечением социальных наук в Чикаго эмпирическими исследованиями, что позволило им определить общие элементы в методологиях; общие усилия были направлены на решение конкретных локальных проблем; кроме того, расцвет исследовательской инициативы и ее теоретических обобщений подкреплялся и оптимизмом периода самоутверждения в 20-е годы.

Кризис 29—30-х годов и «великая депрессия» предопределили перестановку акцентов с локальных и региональных проблем на общенациональные и ослабили локальную ориентацию в «период сосредоточения на общенациональных вопросах и проблемах национальной интеграции» [45, с. 206].

3. Функционалистский вариант социальной экологии: «экологический комплекс» О. Дункана и Л. Шноре, социальная экология А. Хоули

После Чикагской школы социально-экологическая концепция использовалась в основном как метод и не получила развития в качестве самостоятельной дисциплины. Попытки переосмысления социально-экологической теории были направлены на социологизацию и преодоление биосоциального дуализма концепции. Последователь Парка Л. Вирт, стремясь избавиться «классическую» концепцию от эклектики, допускавшей равновозможность различного рода интерпретаций городских процессов (географическая, историческая, этнографическая и др.), конструировал «чисто социологическую» теорию городской жизни. У Л. Вирта прежде всего взаимодействие становится основной характеристикой социальных процессов, именно в нем он видит движущую силу развития локального сообщества [83]. Однако наметившийся интеракционистский отход от исходной социально-экологической концепции был уравновешен тем, что источником интенсификации коммуникаций у Вирта выступает

массовость городской жизни, т.е. скопление множества людей на ограниченной территории. Тем самым социальное обретает смысл лишь тогда, когда оно сводится к пространственному. Пространственный аспект стал доминирующим в характеристике среды, а социальная экология стала восприниматься ее теоретиками как наука о наиболее общих формах проявления социальных процессов — о пространственно-временном изменении социального.

Р. Маккензи, определяя основные категории социальной экологии, выделял: «экологическую организацию» (пространственная организация населения и институтов в локальном или более обширном обществе), «экологическое доминирование» (динамический, функциональный аспект пространственных отношений без указания на его содержание, которое Р. Парк видел в конкуренции), «экологическую последовательность» (временные изменения в экологическом сообществе опять же безотносительно к их содержанию). «Понимание экологического процесса, — как полагал Р. Маккензи, — является основой для всех социальных наук, так как социальные и политические институты имеют пространственную основу, появляются и существуют в соответствии с изменяющимися условиями, в ходе перемещения и конкуренции» [63, с. 314].

Таким образом, содержательная сторона экологического процесса, представленная «классической» социальной экологией, уступила место формально-методологической, а введение средовых переменных, по выражению Л. Бернарда, «было связано с большой долей абстрактности такого анализа» [44, с. 31]. Социально-экологические методы — зонирование, социальное картографирование — использовались для установления и проверки тесноты связи между различными социальными переменными, давая при этом возможность представить широкие обобщающие описания различных социальных связей со множеством переменных, не указывая при этом на какую-либо причинную зависимость между переменными, но давая представление о функциональной зависимости. Эффективное использование экологического метода на протяжении многих лет объясняется тем, что он «предполагает взаимосвязи в отсутствие гипотезы потому, что указывает на высший уровень, на котором дается общее объяснение для переменных, тесно коррелирующих, но логически не связанных, и потому, что эти объяснения относятся к макроуровню, к агрегатам, но не индивидам» [64, с. 4]. Разнообразные картины конфигураций и локализации различных социальных агрегатов, получаемых комбинированием социальных переменных с пространствен-

ными, стали основным вкладом экологического метода в эмпирическую социологию. Однако причинные связи социальных организмов со средой их обитания и жизнеобеспечения остались на втором плане в формально-функциональном пространственно-временном варианте социальной экологии.

С середины 30-х годов абстрактность пространственно-временного функционализма социальной экологии подвергается критике с разных точек зрения. Критика социокультурной школы (М. Алихан) [41] подчеркивала зависимость поселенческих структур и характера природопользования от культурных детерминант (цели, ценности, символы, нормы и т.п.). В социологии города на основе экологического подхода начинается разработка методологии анализа социальной сферы, исходя из выделения трех основных переменных — социального положения (социальноэкономический статус), уровня урбанизации и сегрегации для описания подсистемы города с использованием данных переписей.

Классификация этих подсистем в соответствии с указанными тремя факторами на основе переписей дает независимые переменные, с помощью которых исследуется зависимость — социальная организация, характеризующая определенный сектор метрополитенской зоны. Этот подход был призван снять акцент с локальности и отношения к физической среде, здесь ничего не говорится о физических (естественных) зонах и их отношении к социальным процессам; социальное пространство ограничивается и формируется комбинациями только социальных переменных. Наконец, неортодоксальное направление социальной экологии имело целью преодолеть «дурную бесконечность» эмпиризма социально-экологического метода, предлагающего в качестве окончательного результата описательные образцы локальных сообществ. Содержательность теории снова связывалась с более точным и корректным использованием в ней биологических аналогий, с исходным понятием «сообщества» как сформированным симбиотическим процессом. Однако теперь неортодоксов интересует не эволюционный процесс, связывающий биотический и социальный уровень, объясняющий генезис социального, но структура этого процесса, имеющего результатом социальную организацию как основной итог эволюции. «Сообщество» воспринимается уже не столько как «глубоко биологический феномен», организм и носитель субсоциальных сил, сколько как функциональная единица, способная взаимодействовать со средой. В ходе взаимодействия и складывается ее основная социальная характеристика — социальная организация. Социальный атомизм парковской схемы замещается

«организационным» функционализмом, внимание сосредотачивается более на процессе функционирования социальной организации, нежели на движущих силах и причинах этого процесса или пространственных формах его проявления.

А. Хоули определяет сообщество как территориально-локальную систему (экосистему) взаимосвязей между функционально дифференцированными частями; социальная экология, по А. Хоули, связана с общей проблемой организации, рассматриваемой как атрибут популяции. В центре внимания, таким образом, оказывается функциональная система, развивающаяся в процессе взаимодействия со средой: интраспецифического, основанного на сходствах организмов (комменсализм), и интерспецифического, основанного на различиях (симбиоз) . . .

Сообщество интегрируется в единое целое общими реакциями на среду и на действия других сообществ. Среда же выступает как нечто внешнее, обеспечивающее жизнеспособность популяции и вместе с тем угрожающее равновесию социальной организации. Структура экологического процесса, основывающаяся на функциональном единстве сообщества и среды, на всеобъемлющем понимании экосистемы, включающей человеческие сообщества, должна была быть представлена как механизм функционирования экосистемы [57, 58]. Теория «экологического комплекса», разработанная О. Дунканом и Л. Шноре, предложила описание этого механизма. В комплексе выделялись четыре компонента — население, или популяция (Р), среда (Е), технология, в расширенной трактовке включающая не только овеществленные средства взаимодействия со средой, но и культуру в целом (Т), и организация (О) — сокращенно РОЕТ [51—53].

Аналогичную структуру социально-экологического процесса предлагал и Р. Парк, когда рассматривал его в социобиотическом континууме: человеческое общество, по Парку, состоит из населения (Р) и культуры, которая представляется состоящей из артефактов и технологических средств (Т) и «тела обычаев, верований», культура как «согласие», контроль, организация (О); все это взаимодействует со средой (Е).

Но если Парка в процессе взаимодействия интересует «движение населения и артефактов» к биотическому и социальному равновесию во времени и пространстве [68], то О. Дункан и Л. Шноре сосредотачивают внимание на функционировании одного, центрального, фактора в комплексе — социальной организации. В меньшей мере их интересуют движущие силы (субсоциальные) или формы проявления (пространственные)

функционирования социальной организации. Социальная экология, имеющая предметом изучения «социальную организацию как коллективную адаптацию популяции к среде», противопоставлялась другим подходам к изучению социальной организации — культурологическому и бихевиористскому. Объяснения теорий культуры социальных изменений представляли собой, с точки зрения экологов, нечто вроде социальных миражей, где объяснение «начинается культурой и заканчивается культурой же, которая не знает никакой географии и не выносит никакой среды, кроме той, которую она подчиняет понятию культуры» [43, с. 330]. Объяснения же бихевиористов считались неприемлемыми на макроуровне. Специфически социологическим подходом к изучению социальной организации представлялся функционализм социальной экологии, где социальная организация выступала в анализе в качестве зависимой переменной, изучаемой с помощью остальных трех компонентов комплекса как независимых переменных.

Специфика экологического анализа, как и двух других подходов, определяется характером аналитических единиц, обуславливающим тот или иной контекст объяснения. Так, если культурологическое объяснение связано с «культурными признаками» (язык, символика, нормы, обычаи, традиции и т. п.) и ассоциируется с нормативным аспектом интеграции социальной организации, выступая в качестве условия функционирования организации, то социально-психологический (бихевиористский) вариант объяснения, оперирующий «системами личности», «типами характера», «межличностным взаимодействием», обеспечивает средства этого процесса, используемые в определенных условиях.

Оба варианта объяснения в равной мере помещают единицы анализа вне самого процесса функционирования социальной организации. Рассмотрение собственно «функционирования» предполагает в качестве аналитических единиц «образцы действия» (ср. с Р. Парком), «деятельность»: по О. Дункану и Л. Шноре, «логика экологической теории заставляет аналитика рассматривать различные виды деятельности как свойства агрегатов или популяций. Указание на взаимозависимость этих видов активности — основная характеристика экологического подхода и в то же время присущего ему социологического характера» [53, с. 133]. Специфика экологического подхода, подчеркивающая его социальность, подразумевает, исходя из функционально-процессуального анализа, и ситуативность, постоянную изменчивость социальной организации, не определяемой в полной мере ни нормативными условиями, ни социально-

психологическими установками. Социальная организация в «экологическом комплексе» — результат спонтанного взаимодействия со средой в процессе ее освоения и приспособления к ней. Социальная организация как совокупность определенных функций, обеспечивающих приспособление популяции к среде, помещенная в конкретные пространственно-временные рамки, дает представление и об экологической организации — «экологической нише» сообщества.

Основными аспектами социальной организации, представляющими интерес для социальных экологов, выступают: разделение труда, структура жизнеобеспечения сообщества, системы отношений между сообществами и т. п. «Бихевиористы изучают общество как систему социального взаимодействия и межличностных отношений; культурная теория рассматривает его как образец системы ценностей, а социальная экология изучает общество как функциональную организацию популяции в процессе достижения и сохранения адаптации к среде» [53, с. 135].

Таким образом, хотя предмет социальной экологии и не ограничивается территориальной локализацией социальной активности, значение пространственных отношений по-прежнему остается существенным в социальной экологии, поскольку локализация сообщества характеризует его как единое целое, определяет сферу действия организационной «функциональной ниши» и пределы ее действия, тем самым позволяет, как и определение временных параметров, установить некоторую инвариантную систему точек отсчета для рассмотрения процесса социальной организации.

В результате экологическая структура выступает как социальная организация адаптативных функций популяции во времени и пространстве. Пространство рассматривается здесь, скорее, как медиум, как «пустое пространство» со случайными границами, но не как переменная (независимая переменная). Специфика собственно физической, природной среды не принимается в расчет. «Среда» как сформированная функциями социальной организации и как сфера функционирования этой организации все в большей мере воспринимается как «социальная среда». «Социальная экология как отрасль социологии всегда изучает отношение человека к человеку и никогда непосредственные связи человека со средой (природной. — С. Б.)», — пишет Дж. Куинн [Цит. по: 78, с. 138]. Принятие в качестве основной единицы социально-экологического процесса «организации», социального агрегата, позволило социальным экологам допустить вывод о том, что «социальная среда

практически заменяет естественную как основополагающая система воздействий на человеческие популяции» [58, с. 332].

«Социальная среда» выступает как результат взаимопроникновения всех трех уровней социальной интеграции — культурного, социального и личностного. Социальная организация сводится к культурному содержанию, функциональному контексту и индивидуальным исполнителям (культурные нормы как условия, индивиды как средства приведения всего процесса в движение, социальная организация как собственно процесс функционирования). Социальность этой среды определяется каждой последующей ситуацией взаимодействия различных ее компонентов и не может быть сведена к какому-либо одному из них. Ситуативность социальной организации позволяет экологам не отвечать на вопрос о том, что является в ней доминирующим — согласие или конфликт; то или иное состояние социальной организации воспринимается как «экологический факт», в каждой последующей ситуации подверженный изменению, описываемому в эволюционистских понятиях. «Вопрос кооперации или конкуренции становится эмпирической проблемой. Соревновательные, комплементарные, хищнические, паразитические и просто безразличные отношения — все они равно теоретически возможны в экологическом сообществе» [77, с. 225]. Конфликт, касающийся распределения власти, трансформируется в процессе экологического «доминирования», поддерживающего сбалансированность экосистемы и иерархию функций социальной организации. «Оба понятия («власть» и «доминирование». — С. Б.) выделяют способность одного кластера действий, или ниши, задавать условия, в которых должны функционировать остальные» [58, с. 332].

Доминирование, по А. Хоули, является одним из принципов социальной организации, наряду с принципами взаимозависимости (функциональная комплементарность симбиотических и комменсалистских процессов), дифференциации (сложность социальной организации, зависящая от эффективности ключевой функции), ключевой функции (обеспечивающая и опосредующая связь система с жизнеобеспечивающей средой, где нет системы — каждая функция имеет равное отношение к среде) и изоморфизма (единицы, подчиненные одинаковым средовым условиям, опосредованные через сходную ключевую функцию, приобретают сходные формы организации). Принцип доминирования устанавливает иерархию функций социальной организации в зависимости от степени их удаленности от ключевой функции. Ключевая функция, координирующая симбиотические и комменсалистские процессы, разделяет социальные единицы

на два основных класса: корпоративные (объединения различного рода специалистов) симбиотического характера и категориальные (объединения эквивалентных в иерархии единиц, аналог «социальных классов»), действующие в комменсалистском процессе и представляющие источник ригидности социальной организации, поскольку, в отличие от симбиотических единиц, характеризуемых эффективностью, творческим усилием, комменсалистские единицы способны лишь на охранительные, консервативные реакции.

Достижение системой относительной сложности, когда она способна поддерживать устойчивое взаимодействие со средой, сопровождается дифференциацией функций, зависящей от эффективности ключевой функции, и объединением различных функций в корпоративные и категориальные подсистемы. Поскольку системы основаны на невозобновляемых ресурсах среды, то имманентно заключают в себе изменение (нарушение равновесия); изменение как результат трансформации ключевой функции, связанной со средой, имеет внешний источник (физическая, биотическая среда). Социальная организация как предмет социальной экологии, по А. Хоули, не предполагает изучения нормативного порядка, но описывает ее функциональный порядок.

Функционалистский вариант социальной экологии А. Хоули и «экологический комплекс» Дункана—Шноре, отстаивая дисциплинарную самостоятельность социальной экологии в рамках социологии, во многом способствовали и ее «социологизации», подчеркивая «реалистическую трактовку» социальной организации, значение «социальной среды», функциональное единство культурного, социального и личностного уровней социальной организации, дифференциации ее функции и т. п. При этом социально-экологический подход по-прежнему сохранил эволюционную, натуралистическую направленность, используя в своих построениях аналогии из экологии животных и растений, но в меньшей мере, чем ранняя социальная экология, прибегая к понятию «человеческая природа».

От функциональной психологии Дьюи, основывающейся на этом понятии, через разделение воздействующих на способность «человеческой природы» к активности факторов (окружающая среда и наследственность), а затем через разделение окружающей среды на естественную (биофизическую) и социальную (культурную) социально-экологическая ориентация сохранила неизменным на всем протяжении своего развития основополагающий принцип функционального взаимодействия среды и социальной организации.

Функционализм социальной экологии позволяет делать довольно обширные и детальные описания социальных организаций, но, поскольку причины их развития и изменений помещались вовне, в среде, наделенной, в отличие от взаимодействующей с ней социальной организации, лишь одной функцией — пространственного размещения социальной организации, то причинные связи между компонентами «комплекса» не были установлены. «Экологический комплекс» остался более средством описания, нежели объяснения «взаимосвязей социально-экологического процесса. Понятие «среды» было фактически лишено качественной определенности и воспринималось как совокупность ограничивающих условий, которые могут быть сужены или расширены в зависимости от технологий и способов организации, превалирующих в данной популяции» [75, с. 628], или же среда «обуславливала возможности и устанавливала пределы для социального и психологического существования и развития» [83, с. 177].

Восстановление качественной специфики природной среды, поставленное во главу угла инвайронментальной социологией, позволило расширить возможности социально-экологического подхода за счет снятия антиредукционистских запретов, но не приблизило, однако, его к причинному объяснению взаимодействия общества с окружающей средой.

«Новая инвайронментальная парадигма», предложившая расширительную трактовку предмета социальной экологии и дополнившая «экологический комплекс» в соответствии с этой трактовкой, представляет собой новый этап в развитии социально-экологического теоретизирования, характеризующийся разнообразием междисциплинарных связей инвайронментальной социологии.

«Новая инвайронментальная парадигма» в социологии

Наступление «века инвайронментализма» датируется, как правило, началом 70-х годов, когда со всей очевидностью проявились последствия (в том числе и социальные) экологического кризиса на Западе, прежде всего в виде «энергетических» затруднений 1973 года. Деграция окружающей среды достигает таких размеров и становится настолько явной для различных слоев американского общества, что экологическое, «консервационистское» и прогрессистское движение перерастает в «радикально-инвайронментальное», ставящее под сомнение общепринятые постулаты о преимуществах технического прогресса. «Это такое же зло, как и благо», — резюмирует, выражая общий пафос инвайронменталистов, Л. Милбрэт [33, с. 69].

1. Условия формирования и основные компоненты «новой парадигмы»

В 70-е годы в США резко возрастает численность природоохранных организаций: к 1985 году их насчитывалось около 12 тыс., каждый год создается около 250 новых инвайронментальных организаций, которые во все большей мере пытаются влиять на государственную социальную политику и природоохранное законодательство [33]. Основной мишенью критики инвайронменталистов является прежде всего идея приоритета «экономического роста» в отношении качества жизни; ориентация американского общества на поступательный экономический рост. Так, в конце 60-х—70-е годы с концепциями «антироста» выступили К. Боулдинг, Э. Майшн, Э. Шумахер [85, 108, 113].

Оппоненты «ростомании» находят единомышленников не только среди биоцентристов (deer ecologists) и экологов, но и среди так называемых инвайронментальных экономистов. Начало выступлениям против «антропоцентристского» мировоззрения было положено, как принято считать, книгой Р. Кэрсон «Безмолвная весна» [89]. Затем идея экологизации ценностей развивалась в работах Эренфелда, Броуэра, Наэсса, Сешнза; свой вариант адаптации экологического подхода в социологии был предложен Б. Коммонером, обобщившим в «Замыкающемся круге» [94] ряд статей, опубликованных в 50—60-е годы в журнале «Environment», который стал выходить как печатный орган научного общества, информирующего общественность о состоянии окружающей среды, — Scientist's Institute for Public Information. Свой вклад в разработку социально-экологической проблематики внесли доклады Римскому клубу, работы так называемых экологических экономистов Дж. Крашила, Э. Фишера, К. Эрроу и др. [102, 103].

В результате «драматического пересмотра отношения к экспоненциальному (экономическому. — С. Б.) росту», к состояниям окружающей среды и его социальным последствиям были достигнуты первые победы инвайронменталистов: в 1969 году был принят законопроект о национальной природоохранной политике National Environmental Policy Act — NEPA, в 1970 году 1 апреля объявлен Днем защиты Земли, участие в котором президент Р. Никсон назвал «здоровым» мероприятием и «высшим проявлением национального патриотизма».

С середины 70-х годов создаются секции инвайронментальной социологии: в 1976 году секция Американской социологической ассоциации, в 1977 году на сессии АСА обсуждалась тема «Социальные корни инвайронментализма»; еще раньше подобные секции были созданы в Обществе по изучению социальных проблем и в Обществе сельской социологии. С 1978 года возрастает количество публикаций в американских социологических журналах, посвященных инвайронментализму (история, теория, эмпирические исследования, междисциплинарные проблемы, культурный контекст, политические программы и т. д.). У. Кэттон и Р. Данлэп, обобщая накопленный инвайронментализмом за последние десятилетия теоретический опыт, провозглашают «новую инвайронментальную парадигму» в социологии (или «новую экологическую парадигму»), закономерность появления которой обусловлена «изменением социальной реальности» — переходом из «века изобилия» в век «пост-изобилия» [92]. «И хотя принято считать, — пишут авторы «новой парадигмы», — что траектория человеческой истории все еще

медленно ползет вверх, уже надвигается осознание того, что темпы этого продвижения снижаются» [93, с. 27], экономический рост замедляется, наступает «век пост-изобилия», или экологических ограничений, который предполагает ансамбль отдельных, но взаимосвязанных экологических пределов и запретов, налагаемых на человеческую деятельность.

Примерно 400-летняя история «века изобилия» породила иллюзию бесконечной возможности экспоненциального роста, который стимулировался, как полагают инвайронментальные социологи, по крайней мере, двумя факторами: 1) колонизацией второго полушария (этим подчеркивается американская природа этой иллюзии) и 2) внедрением новых технологий добычи топлива и энергоресурсов. В то время, т. е. до 70-х годов, «экологические ограничения» еще не давали о себе знать. Теперь же, когда они проявились со всей очевидностью — хотя оптимизм относительно дальнейших возможностей экспоненциального роста еще поддерживается некоторыми учеными (например, Г. Кан и К⁰), — «век изобилия» миновал и экспонента экономического роста преобразуется в логистическую кривую. Настоящий момент можно считать точкой перегиба этой кривой, или началом замедления темпов роста во всех сферах общественной жизни в целом. «В Соединенных Штатах, — как отмечают авторы парадигмы, ссылаясь на исследования конца 70-х годов, — замедление роста валового национального дохода объясняется снижением темпов роста капиталовложений, притока рабочей силы и особенно производительности труда» [93, с. 29]. Одной из важнейших причин этого упадка признается повышение цен на энергоресурсы в современном индустриальном (т. е. энергоемком) производстве. Поэтому первой характеристикой грядущего века «пост-изобилия», в который сейчас вступает человечество, станет «экологический дефицит» [158]. Подобные «экологические факты из жизни помогают нам... понять, что будущее человеческого общества... будет значительно отличаться от ожиданий, возлагаемых на него веком изобилия», — считают У. Кэттон и Р. Данлэп. «Успешному приспособлению к изменившейся ситуации, — по их мнению, — могут серьезно воспрепятствовать архаичное мировоззрение и устаревшие научные парадигмы» [93, с. 31].

Итак, «изменение социальной ситуации» в начале 70-х годов является прежде всего причиной и источником активизации инвайронментальных идей в социологии. Сущность этого изменения выражается в понятии «экологический кризис» (или даже — «социально-экологический кризис»). Этим понятием инвайронменталисты объединяют такие явления, как: загряз-

нение окружающей среды, дефицит природных ресурсов, перенаселение, последствия урбанизации, голод, исчезновение некоторых видов животных и т. п. Все эти явления признаются если не «социальными», то «социально значимыми», поскольку обусловлены развитием общества, характером взаимодействия общества в его развитии со средой (природной). При этом для нового видения этого взаимодействия не представляется необходимым уточнять, является ли общество органической частью среды или же природная среда, будучи социализирована, должна рассматриваться прежде всего в ее социальном качестве, — в теоретических построениях инвайронменталистов можно встретить оба варианта. Для «новой инвайронментальной парадигмы» (NEP) важен сам факт существования такого противопоставления, наличия этой грани, путем балансирования на которой строятся основоположения NEP, призывающие отказаться от категорического противопоставления общества и природы в социологии.

Поскольку утверждение новых постулатов ведется методом «от противного» и заявляется принципиальная новизна этих постулатов, то очевидно, что отвергаются все предшествовавшие социологические теории (как непригодные для современного этапа развития общества). Обоснованием для подобного нигилизма служит тот факт, что на протяжении всей истории социологии, по мнению инвайронментальных социологов, «среда» трактуется преимущественно как часть ситуации социального воздействия в «терминах значения, которое ей придает участникам взаимодействия», а не как равноправная в социальном взаимодействии переменная (к средовым переменным относятся: уровень загрязнения, темпы потребления энергии, характер застройки и т. п.). Эта изоляция «средовых» переменных была обусловлена социологическим «герметизмом» дисциплинарных традиций, среди которых инвайронменталисты выделяют две основные: 1) чересчур жесткое определение предмета социологии, дюркгеймианский «социологизм» (возможно, оправданный в период становления дисциплины, но не целесообразный во время необходимых междисциплинарных контактов), «антиредукционистское табу» — социальный факт как *sui generis* (этот запрет был направлен прежде всего против психологизации социального, но в дальнейшем стал распространяться и на биофизические переменные); 2) ориентация на индивидуальную оценку ситуации, на единичное действие и значение, которым индивид наделяет это действие, при этом физические и пространственные характеристики ситуации опять же игнорируются (вебериянская традиция, Дж. Мид, Ч. Кули, У. Томас и др.)

[93]. Не усложняя далее рассмотрение предшествующих направлений множеством нюансов, отличающих их друг от друга, авторы НЕР подразделяют развитие социологической теории на два основных периода: все, что имело место до появления НЕР, и собственно НЕР. Это деление обосновывается принадлежностью всех предшествующих НЕР теорий к одной парадигме, которая получает название «парадигма человеческой исключительности» (Human Exceptionalism Paradigm), а затем — «парадигма человеческой освобожденности» (от подчинения объективным экологическим закономерностям. — С. Б.) — Human Exemptionalism Paradigm (НЕР), основным недостатком которой и является «игнорирование взаимозависимости социальных и «средовых» переменных» [93, с. 25].

В целом НЕР может быть описана следующими основоположениями:

1) помимо генетической наследственности люди обладают также и культурным наследием и поэтому отличны от всех остальных видов животных;

2) социальные и культурные факторы (включая технологию) являются главными детерминантами человеческой деятельности;

3) социальная и культурная среда является определяющим контекстом человеческой деятельности, а биофизическая среда в основном безотносительна к ней;

4) поскольку культура обладает свойством кумулятивности, технологический и социальный прогресс может продолжаться бесконечно и все социальные проблемы так или иначе принципиально разрешимы [93].

Предвидя возражения по поводу такого основания для соединения различного рода социологических теорий, его авторы замечают, что «эти положения принимаются настолько само собой разумеющимися, что фактически никогда не разъясняются, хотя ясно, что они влияют на практику социологических исследований» [93, с. 24]. Пытаясь соединить разнородные теории в некое целое, инвайронменталисты выделяют некоторые общие их характеристики: антропоцентризм, социальный оптимизм, антиэкологизм, берущие начало в «западном мировоззрении» (Dominant Western Worldview). Для его описания предлагаются следующие посылки:

1) люди существенно отличаются от всех других живых существ на Земле, над которыми они доминируют;

2) люди — хозяева своей судьбы, они могут выбирать цели и делать все, что необходимо для их достижения;

3) мир бесконечен и предоставляет людям неограниченные возможности;

4) история человечества — история прогресса, каждая проблема принципиально разрешима, и прогресс бесконечен [93].

Будучи противоположна этой мировоззренческой ориентации, NEP выступает не только (и даже не столько) как научная парадигма, описывающая и объясняющая «новую социальную реальность», но, скорее, как предписывающая систему ценностей и соответствующих образцов поведения. Исследование взаимодействия социальных и «инвайронментальных» переменных способствовало бы избавлению от «дисциплинарных шор» традиционного социологизма и формированию основоположений «новой парадигмы»:

1) хотя люди обладают исключительными характеристиками (культура, технология и т.п.), они остаются одними из многих видов, взаимозависимо включенных в глобальную экосистему;

2) человеческая деятельность обусловлена не только социальными и культурными факторами, но и сложными связями в природной сети, поэтому целесообразная человеческая деятельность может иметь неожиданные последствия;

3) люди живут в конечной биофизической среде (и зависят от нее), которая налагает потенциальные физические и биологические ограничения на человеческую деятельность;

4) хотя изобретательность людей и приобретаемая благодаря ей сила до некоторой степени и увеличивают несущую способность среды, все же экологические законы не утрачивают своей обязательности [93].

Очевидно, что эти постулаты образованы прямым противопоставлением NEP и НЕР. Однако инвайронменталисты, несмотря на свою нигилистическую манеру формирования новой парадигмы, не хотят лишать ее предьстории и определенной методологической базы, признавая, что NEP развивалась в рамках доминирующего социологизирования до тех пор, пока это было позволительно в условиях экологически безопасной социальной реальности; как только эта безопасность была утрачена, инвайронментальная социология вышла за рамки традиционных социологических теорий. Тем не менее NEP все же имеет и нечто общее с НЕР; в этом сравнении новая парадигма представляется, скорее, дополнением к «старой», акцентируя отдельные аспекты последней:

1) NEP согласна с тем, что люди — исключительный вид, но они все же должны рассматриваться как один из многих видов взаимозависимых живых существ;

2) осознавая то, что человеческая деятельность во многом обусловлена социальными и культурными факторами, нельзя сбрасывать со счетов и биофизический фактор (среда) как реакцию на социальную активность;

3) тогда как НЕР игнорирует биофизический контекст социальной активности, НЕР указывает на ограничения человеческой активности, налагаемые биофизической средой;

4) НЕР предполагает бесконечный и постоянный прогресс — социальный и технологический, НЕР, напротив, считает, что как бы ни были изобретательны люди, их наука и технология не в силах отменить экологические законы [93].

Наличие так называемых дисциплинарных шор в начале развития инвайронментальной социологии направляло усилия социологов на приложение традиционных теоретических схем к инвайронментальным проблемам: в этом ключе изучались общественное мнение относительно экологических проблем, восприятие среды, членство в инвайронментальных организациях, их социальная база, заказы различных агентств по регулированию природопользованием и т. д. Такого рода исследования по экологической проблематике, не выходящие за пределы антропоцентристского мировоззрения и теоретические рамки НЕР, и получили название «социология инвайронментальных проблем» в отличие от собственно инвайронментальной социологии, внимание которой сосредоточено на взаимодействии общества и биофизической среды.

Число работ из области инвайронментальной социологии на протяжении 70-х годов возрастало, что приводило к оформлению НЕР. «Все инвайронментальные социологи, принимая инвайронментальные переменные как релевантные в понимании человеческой деятельности и социальных организаций, по крайней мере неявно (и зачастую не осознавая этого) противостоят НЕР», — считают У. Кэттон и Р. Данлэп [92, с. 45].

Каков набор этих переменных «новой парадигмы»? В чем выражается их взаимодействие с социальными переменными? Обращаясь к практике исследований в инвайронментальной социологии, представляется возможным выделить следующие компоненты парадигмы, образующие в эмпирических исследованиях, как правило, отдельные блоки.

Восприятие состояния окружающей среды, наличие экологических проблем как таковых являются в большей мере «биоцентристским» элементом парадигмы, поскольку затрагивают в первую очередь систему ценностей, которая рассматривается в континууме «антропоцентризм—биоцентризм» (или «материалистические» — «пост-материалистические» ценности). Так.

У. Кэттон выделяет четыре типа восприятия: 1) реализм (его придерживаются большинство инвайронменталистов); признается, что Новый Свет «состарился» и требуется существенное изменение в мировоззрении, отражающее биофизическую конечность мира; 2) перекалывание ответственности за социальные изменения на технологический прогресс, признание НТП достаточным стимулом социальных преобразований (каргоизм)*; 3) косметицизм — вера в то, что традиционная мораль, введение в экономику элементов плановости, воспроизводство природных ресурсов и природоохранное законодательство обеспечат успешное социальное развитие в прежних параметрах; 4) «страусизм» — нежелание видеть в развитии общества существующие проблемы биогеофизического характера, утверждение безграничности и беспрепятственности социального развития, основанного на поступательном экономическом росте [31].

Если наличие «экологических пределов» признается и актуальность экологических проблем требует их решения, то могут быть предложены, по крайней мере, два варианта: 1) технологический реформизм, не затрагивающий по существу социальные институты, и 2) «глубокие социальные изменения», под которыми инвайронменталисты понимают «смену системы ценностей», трансформацию мировоззрения, перестройку сознания, «революцию в умах».

Поэтому вторым компонентом парадигмы становится **противопоставление этих двух подходов** к решению экологических проблем: «коренное социальное изменение» либо «развитие технологии». Стремясь обосновать ответ на вопрос «Что в большей мере необходимо для успешного решения экологической проблемы: ускорение НТП или существенное преобразование общества?» не столько в пользу «существенного преобразования общества», сколько против технологического прогресса, инвайронменталисты пользуются аргументом (его можно рассматривать и в качестве еще одного, третьего, компонента парадигмы) — **«степень риска»** использования новейших технологий («До какой степени следует обществу идти на риск ради производства необходимых товаров?»). Аргумент «риска» у инвайронменталистов выступает, скорее, как психологический маневр с целью наиболее эффективного привлечения оппонентов экономического роста (непредвиденные последствия введения новых технологий), а не как логически необходимый компонент социально-экологической модели. «Когда инвайронменталистам удастся доказать серьезный риск или опасность разрушения экосистемы,

* От англ. cargo — груз, бремя.

коренных изменений в природной среде или потенциальную опасность человеческому здоровью и будущему нации, — замечает Дж. Петулла, — многие представители других социальных движений поддерживают инвайронменталистов» [36, с. 141].

Разрабатывая подробно этот аргумент и предлагая различные варианты классификации риска, инвайронменталисты акцентируют именно вынужденный, независимый от индивида момент риска, учитывая то, что люди склонны оценивать риск в понятиях отсутствия контроля и тяжести последствий событий, а не в понятиях вероятности его происшествия. Люди вполне согласны переносить малые дозы загрязнения регулярно, чтобы предотвратить больший риск, как ни мала была бы его вероятность*. Математические модели — лишь информационное, «научное» обеспечение predetermined ценностной установкой решения: ценностно-качественный аспект является определяющим в его характере. «Объективистский миф» с его «свободной от ценностей» и «технической рациональностью», полагающийся исключительно на математическое («контр-интуитивное») моделирование (имеются в виду модели мирового развития Медоуза—Форестера), противостоящее «упрощению реальности человеческим умом», ведет к рационально «верным», но субъективно (субъект — социальная группа) «неверным» решениям.

Выступая против подобного рода «квантофренических» пристрастий, Д. Шумахер отмечает: «...попытки измерить неизмеримое — абсурд и не приводят ни к чему, кроме выработки метода движения от предвзятых идей к заранее принятым решениям; для достижения желаемого результата надо лишь приписать подходящие ценности неизмеримым издержкам и выгодам» [113, с. 43—44]. Проблема заключается в переводе инвайронментальных ценностей, представленных на языке социальных групп, которые их разделяют, на язык тех, кто принимает решения в области социально-экологической политики. Вопрос о предотвращении риска стимулирует этот процесс перевода, в то же время заставляя искать пути внедрения новых общественных приоритетов и целей.

В данном случае речь идет об альтернативе: «безудержный экономический рост или качество среды с наименьшим риском» («нулевой риск» признается инвайронменталистами иррациональной идеей). Оценка и прогнозирование экологического риска выступают в НЕР как своего рода «психологическая подго-

* Так, противопоставление инвайронменталистами атомных электростанций тепловым по степени риска основывается не на измерении его вероятности, а описывается в понятиях степени контроля и тяжести последствий аварии [36, с. 167].

товка» к восприятию четвертого — центрального — компонента парадигмы — «пределов роста».

Истоки американских концепций «антироста» берут начало в работах Л. Мамфорда 20—30-х годов [109], который под впечатлением «великой депрессии» 29—30-х годов достаточно критически рассмотрел воздействие различного рода новых технологий («экотехника», «палеотехника», «неотехника») на природу и цивилизацию в целом. В 60-е годы настроения «антироста» набирают силу в работах К. Боулдинга, Э. Майшна [85, 108], в 70-е годы — примером «антиростомании» может служить работа Э. Шумахера [113] и др. Современные инвайронменталисты связывают понятие экспоненциального роста прежде всего с истощением природных ресурсов и возрастающей деградацией окружающей среды. Выступая против развития атомной энергетики, которая является для инвайронменталистов олицетворением всего, против чего они протестуют, — «большой бизнес», «большая наука», бюрократия и т. д., — они при этом отмечают разрушение не только экосистемы, но и сложившихся социальных целостностей в районах строительства комплексных «энергетических парков», разработки месторождений угля, нефти. (Города, появившиеся в результате «энергетического бума», — «boomtowns» стали символами иррациональности экономического роста [36, с. 125—129].)

Тем не менее большинство инвайронменталистов склонны признать, что связь между экономическим ростом и экологическими проблемами не является непосредственной, и поэтому принять умеренный рост, так называемый нулевой рост (подобно «нулевому риску»), считается утопией: существо проблемы, как справедливо отмечается в НЕР, заключается в качестве роста, а качество роста определяется характером распределения его благ. От этого в целом приемлемого положения инвайронменталисты, однако, возвращаются в сферу утопии, рассчитывая на то, что в условиях индустриального (капиталистического) общества будет достигнуто состояние, когда экономический рост станет управляемым в соответствии с целями «социального и экологического улучшения общества». Эта умеренная, компромиссная позиция продиктована социальной реальностью американского общества, к которой обычно апеллируют инвайронментальные социологи, вынужденные признать, обращаясь к результатам своих исследований, что, «хотя в целом мысль о пределах роста принимается, многим американцам очень трудно поверить в эти пределы. Эта идея настолько противоречит доминирующим представлениям и образцам поведения, господствующим в американской жизни вот уже 200 лет,

что многие будут отвергать эту идею до тех пор, пока (экстремальные. — С. Б.) обстоятельства не заставят их признать» [33, с. 24].

Оценивая NEP в целом, можно определить ее основные задачи: преодолеть расхождения предшествующих традиций в социологической теории; создать основу для их синтеза; объяснить на этой основе адекватным образом «новую социальную реальность», суть которой заключается в экологическом кризисе; дать направление радикальному преобразованию системы ценностей современного американского общества и соответствующие этой системе новые образцы поведения (экологически оправданного). Попытка такого рода «общего синтеза» — не редкость в американской социологической теории, но в случае инвайронментализма она имеет свои особенности, среди которых: незначительность теоретического арсенала (объяснительная способность вводимых «не-социальных» переменных пока довольно абстрактна, хотя инвайронментальные социологи указывают на комплексность социальной системы, взаимодействующей с окружающей средой) при значительной социальной базе (богатейший опыт инвайронментального движения, охватывающего разнообразные социальные группы); тесная связь с решением практических (локальных) задач; глобальная гуманистическая направленность новой парадигмы, сближающая инвайронменталистов с другими «альтернативными» движениями; попытки преодолеть социологический «герметизм», наладить междисциплинарные контакты, не повторяя при этом редуccionистских ошибок в социологической теории.

Исходя из поставленных задач, предметом NEP становится воздействие общества как целостного «живого» организма на природную среду и воздействие объективных, «естественных» закономерностей на жизнь общества, социальные процессы. Точкой пересечения действия естественных и социальных (равно объективных) закономерностей у инвайронменталистов выступает биосоциальная природа человека. Минувя рассмотрение социальной структуры общества, его организации, социальных институтов, общностей, групп и т. д., посредством чего человек оказывает существенное антропогенное воздействие на среду обитания, «новая парадигма», начиная с взаимозависимости человеческого организма и окружающей среды, переходит непосредственно к зависимости «общественного организма» от «несущей способности среды». При этом в меньшей степени обращается внимание на воздействие общества как конкретной социальной системы (исторически определенной) на окружающую среду, но подчеркиваются не критически воспринятые экологи-

ческие императивы, ограничивающие экономический рост и социальный прогресс. Абстрактность парадигмы проявляется прежде всего в резком переходе от глобального охвата всей окружающей человеческие сообщества среды к конкретному поведению индивида в природной среде.

Предполагая объединить в рамках NEP как макроуровень (глобальная экосистема, включающая социум), так и микроуровень (восприятие окружающей среды, поведение в среде и межличностное взаимодействие по поводу экологических проблем), инвайронменталисты опускают в своем анализе среднее звено (социальную организацию общества), акцентируя внимание на полюсах континуумов «общество—природа», «человек—природа».

Стремясь приобрести «парадигматический статус», NEP тем самым рискует потерять собственно социологический: «...нет «новой» (социологической. — С. Б.) парадигмы, — пишет О. Н. Яницкий, — есть лишь (наконец-то!) настоятельное стремление учесть в социологической теории взаимодействие человека с окружающей природной средой, понять и предвидеть смысл этого взаимодействия» [30, с. 128].

Противоречия в предмете инвайронментальной социологии и попытки компромиссного в большинстве случаев их решения усложняют, в свою очередь, вопрос о соотношении новой парадигмы с предшествующими традициями в социологии. Провозглашая свой парадигматический статус, NEP подчеркивает противостояние всем остальным традиционным направлениям; однако, переходя с мировоззренческого общекультурного уровня на «специальный» и конкретизируя свое содержание, NEP вынуждена признать свою преемственность и строже подходить к различиям предшествующих теорий.

2. Преемственность и противоречия в развитии инвайронментальной социологии

Определение предмета инвайронментальной социологии как «взаимодействия общества и окружающей среды» дает лишь самое общее (иногда противоречивое) представление о ее гуманистической направленности, глобальности (социального) подхода, некотором методологическом радикализме и т. д. Конкретизируя предмет своих исследований, инвайронментальные социологи детальнее рассматривают каждую из двух сторон этого определения — воздействие социальных факторов на окружающую среду и влияние изменений среды на социум, вводя

в их интерпретацию такие понятия, как «несущая способность среды», «экологический дефицит», «синхронное и диахронное соревнование» и т. д. Но прежде всего для спецификации предмета инвайронментальной социологии необходимо определение ее ключевого (и довольно многозначного) понятия «среда», которое вместе с тем является и основным (хотя не единственным) пунктом, подчеркивающим преемственность социально-экологических традиций в американской социологии, а именно — связь между NEP и РОЕТ. «Инвайронментальная социология, — утверждают Кэттон и Данлэп, — взялась за работу, недоделанную «социальной экологией» (sociological human ecology) — давно известной отраслью социологии, которая впоследствии свелась к традиционным представлениям и возвратилась к отражению взаимодействия социума с физической средой» [98, с. 57]. Тем не менее «экологический комплекс» стал основой формирования ключевых понятий «инвайронментальной социологии», будучи реформирован путем перестановки акцентов в РОЕТ в соответствии с задачами «инвайронментальной социологии». Так, «среда» (environment, habitat, milieu) получает не только новое место в РОЕТ, но и более конкретное определение в соответствии с инвайронментальными проблемами: в глобальном масштабе «среда» выступает у инвайронменталистов как биосфера, в локальном — как экосистема (или часть биосферы) с определенными характеристиками (топография, естественные ресурсы, климат и т. п.). В качестве социально значимых выделяются такие характеристики, как «место обитания» и «пространство жизнедеятельности» (пространственная функция), а также «источник продовольствия и жизнеобеспечивающих ресурсов» (субстратная функция).

В РОЕТ, как считают инвайронменталисты, ясность схемы достигается антропоцентристским упрощением в определении среды, поскольку в центре внимания находится организация; «среда» здесь — все, что находится за пределами РОТ, т. е. все «нечеловеческое». Однако на уровне эмпирических исследований в рамках РОЕТ «среда» фактически принимается исключительно как «социальная среда», т. е. из нее «убирают все, что не касается человеческого поведения», и становится образцом «дисциплинарной догмы антиредукционизма» в действии, игнорирующей социальную значимость «не-человеческой» (физической) среды на теоретическом и, следовательно, на эмпирическом уровне оперирующей понятием «социальная среда». В результате этого теоретического признания физической среды и актуального ее сведения к социальным факторам создается смещенное и противоречивое понятие «среда» в РОЕТ: «это все фено-

мены, включая и другие социальные системы, которые являются внешними по отношению к изучаемой популяции и воздействуют на нее».

Таким образом, со «средой» обращаются как с «социальной средой» или только как с пространственной характеристикой физической среды (как это было у представителей Чикагской школы), теряя из виду основу для рассмотрения современных экологических проблем, т. е. субстратную функцию среды. Именно эта функция физической среды и становится центральной в инвайронментальной социологии, в отличие от РОЕТ, фокусирующем внимание на организации. Физическая среда, рассматриваемая независимо от социальной среды, в ее субстратном определении противопоставляется социальной среде, вступая таким образом во взаимодействие с социальной средой как бы «на равных», и в силу этого наделяется собственной социальной значимостью (будучи инкорпорирована в социальную среду, она имеет значимость, поскольку является частью социального комплекса) не отвергается принципиально: «К счастью, — читаем у Кэттона и Данлэпа, — центральное понятие «социальной экологии» — экологический комплекс — способно обеспечить полезную перспективу для организации... широкого круга феноменов, относящихся к инвайронментальной социологии» [98, с. 65].

Инвайронменталисты, пытаясь восстановить нарушенную гармонию пространственной и субстратной функций физической среды (какой она была, например, в концепции фронта) и гармонию взаимодействия социальной и физической среды, ставят перед собой задачу не заменять, но дополнить в уже известном «экологическом комплексе» социальную среду физической в социологической теории. При этом, однако, им не удается избежать крайности и значительной доли неопределенности, когда оказывается, что их «среда» (главным образом, физическая) «включает все не-социальные аспекты экосистемы» и речь идет о взаимодействии двух комплексов: экологического (экосистемы) — Е и социального — РОТ. Наряду с изменением фокуса в РОЕТ меняют свое значение также понятия «организация» и «масштаб популяции». Организационный уровень социального взаимодействия в РОЕТ предполагал и соответствующий масштаб Р (в качестве единиц анализа выступали этнические группы, территориальные общности, нации и т. д., но не отдельные «актеры»), т. е. организация выступала как коллективный приспособительный механизм популяции к среде. Такой уровень, по мнению инвайронменталистов, сдерживает

анализ широкого круга человеческих взаимодействий с физической средой, который «сможет быть достигнут, если принимаются во внимание не только организованные формы человеческих обществ, но и «персональность» составляющих их индивидов» [98, с. 67]. В результате этого пересмотра в понятии «социальная организация» (O) различают: культурные системы (системы ценностей) — CS, социальные системы (собственно организационный уровень) — SS и системы личности — PS.

Совокупность этих систем, будучи дополнена технологией (T) и популяцией (органическое «тело» общества — P), составляет «социальный комплекс», взаимодействующий со средой.

Таким образом, задачи инвайронментальной социологии заключаются в изучении влияния вариаций в отдельных компонентах «социального комплекса» на среду и модификаций этих компонентов под воздействием изменений среды, вызываемых, в свою очередь, изменениями в «социальном комплексе». При этом эти зависимости могут проследиваться как синхронно (на пример: $O_1 \rightarrow E_1 = E'_1$; $E'_1 \rightarrow O_1 = O'_1$), так и диахронно ($O_1 \rightarrow E_1 = E'_1$; $E'_1 \rightarrow O_2 = O'_2$) и т. п. [98, с. 65—68].

Каким образом инвайронменталисты используют реформированный РОЕТ? На данном этапе развития NEP подновленный «экологический комплекс» выступает в качестве основания классификации социологической литературы в соответствии с предметом NEP. Набор первопричин, с помощью которых авторы описывают деградирующее воздействие общества на природную среду, классифицируется на основании РОЕТ: P—E — перенаселенность; T—E — истощение ресурсов, загрязнение, «ростомания» и т. п.; SS—E — капиталистическая система, частнособственнический характер производства и общественная собственность на природные ресурсы и т. п.; CS—E — иудео-христианские традиции антропоцентризма; PS—E — потребительская психология, антиэкологическое поведение и т. д.

В итоге любая первопричина может быть рассмотрена как бивариантное отношение между средой и одним из компонентов «социального комплекса». Однако монофакторный подход неприемлем для социально-экологического анализа, который стремится учесть как взаимосвязь элементов «социального комплекса», так и взаимодействие комплекса в целом со средой. Поэтому если речь идет об изучении какого-либо одного компонента, то принимается в расчет главным образом его относительный вклад в общее «деградирующее» влияние, оказываемое на среду комплексом в целом. Такие монофакторные исследования связаны в основном с принятием конкретных решений в области экологической политики, поскольку стремление увязать

сразу несколько факторов в качестве причины деградации среды «теряет», по мнению инвайронменталистов, отношение к политике как таковой. С точки зрения политики целесообразно иметь представление о расположении «наиболее эффективных рычагов», т.е. о том, каков относительный вклад каждого из элементов комплекса в существование инвайронментальной проблемы [98]. Тем самым авторы новой версии РОЕТ сохраняют строгость «экологического подхода» (учитывающего необходимость взаимозависимости элементов системы) в теории, на уровне парадигмы, не возражая против фрагментации этого подхода на локальном политическом уровне, что и имело место до появления NEP, и фактически подтверждают несостоятельность своих намерений преодолеть «разрыв между локальной эмпирической социологией инвайронментальных проблем и теоретической социологией (NEP)». В этом немаловажную роль играет то обстоятельство, что основной недостаток РОЕТ в ходе реорганизации не был устранен: компоненты и системы РОЕТ принимаются инвайронменталистами как рядоположенные, социальный комплекс не имеет какой-либо иерархии; взаимосвязи в нем, скорее, декларируются, но не выводятся с необходимостью; отсутствует закономерность этих взаимосвязей, что и определяет статичное их представление. Это соотношение элементов сводится, в конце концов, к тому, что они участвуют как фрагменты (со своим относительным вкладом) обобщенной картины деградирующего социального воздействия на среду.

Рассматривая воздействие среды на «социальный комплекс», инвайронменталисты акцентируют главным образом влияние *изменений* физической среды, взятой в ее субстратном качестве. Такое воздействие, в отличие от однозначно деградирующего социального воздействия на среду, представляется как «негативным», так и «позитивным». При этом отношения типа E — P (влияние состояния или изменения среды на композицию населения, темпы роста рождаемости и смертности, заболеваемости и т.п.) и E — T (появление новых технологий, размещение промышленных объектов и т.п.) явно не вписываются в социологическую теорию. Поэтому основным предметом изучения новой парадигмы становится соотношение между изменением среды и «социальным комплексом».

Если под «средой» подразумевается ее пространственный аспект, то имеем: E — CS (влияние типа застройки, ее плотности и т.п. на стиль жизни экологических сообществ); E — PS (физическое и духовное самочувствие индивидов в заданной среде, психология восприятия среды); E — SS (теснота связей в экологическом сообществе, структура сообщества, иерархия

приоритетов в сообществе и т. д.). Если принимается во внимание субстратный аспект «среды», то имеем: E — CS (воздействие экологического дефицита на общекультурные ценности, отношение к «природе»); E — PS (уровень «соревновательности» за доступ к природным благам); E — SS (влияние экологического дефицита на «уровень неравенства в распределении природных богатств», на социальную стратификацию, на распределительные механизмы и т. п.). Именно эти соотношения и определяют «социальную значимость» природного воздействия на социум [98].

Переходя собственно к взаимодействию среды и социального комплекса, инвайронментальные социологи снова возвращаются к уточнению своего центрального понятия — «среда» (в данном случае уже «физическая среда»)*. Теперь «среда» рассматривается на континууме «естественная—встроенная», между полюсами которого помещается промежуточный вариант — «модифицированная» среда. «Естественная» среда — дикая природа, полезные ископаемые, водные ресурсы и т. п.; «встроенная» — дома, дороги, телеграфные столбы и т. п.; «модифицированная» — загрязненный воздух и вода, преобразованный ландшафт, искусственные водоемы и проч. Четвертый тип среды — «социальная», — наиболее привычный для социологии (и даже «социальной экологии»), подразумевает «других лиц, группы, организации, сообщества, культуры или социальные связи, внешние в отношении изучаемых». Этот тип среды, по мнению Кэттона и Данлэпа, только отвлекает от проблем взаимодействия общества и физической среды внимание социологов, предоставляя приоритет в этой области другим наукам и широкой публике. «Социологи не были склонны интересоваться проблемами, которые их словарь научил их не замечать. Удивительно, тем не менее, то, до какой степени инвайронментальным социологам все же удалось преодолеть близорукость, присущую всему наследию их дисциплины (социологии. — С. Б.)» [98, с. 75].

В рамках социологической теории инвайронментализма воз-

* Ср. с классификацией среды у Бернарда: 1) физическая, 2) биологическая, 3) социальная, 4) совокупная — производная — институциональная среда, комбинирующая три предыдущие. Эта классификация основывается на принципиальной объективности среды (независимости от сознания индивида и восприятия среды индивидом); «среды-самой-по-себе». Бернард дает классификацию на основании последовательности (или закономерности) появления различных «сред» в человеческом опыте: I) первичное окружение: 1) физическое, 2) биоорганическое; II) производная среда: 1) вторичное окружение — физико-социальное, биосоциальное; 2) вторично-третичное; 3) совокупный контроль — институты — общий и специфический [44].

никают также проблемы, связанные с различием уровней «социально-инвайронментального» взаимодействия: «символический» (индивидуальный, групповой, организационный, приписывающий определенные значения различным состояниям среды, где поведение соответствует восприятию, приписываемым значениям); «несимволический» (индивиды и сообщества, в том числе и сообщества любых других, кроме человека, живых существ, находящихся под воздействием и тех состояний среды, которые они не могут воспринимать вполне осознанно и, следовательно, приписывать им какие-либо значения). Для иллюстрации приводится следующая картинка: «Представьте, как наворачиваются слезы на глаза у двух жителей Денвера, одного из наиболее загрязненных городов США. Для одного эти слезы — результат эмоционального воспоминания о той поре, когда цепь Скалистых гор никогда не покрывалась смогом, т. е. его взаимодействие с «модифицированным» воздухом Денвера происходит на символическом уровне. Для другого, новичка в этих краях, не имеющего представления о бывшей поре, слезы могут быть просто непосредственной физиологической реакцией на присутствие в воздухе раздражителей. Его взаимодействие с «модифицированной» средой происходит на «несимволическом» уровне» [98, с. 75].

Трудно согласиться с интерпретацией физиологической реакции как «взаимодействия», тем более социально значимого. Для инвайронменталистов категория «символического» взаимодействия включает как когнитивный способ «транзакции между человеком и средой», так и «бихевиористский» (насколько поведение опосредовано сознанием или символической деятельностью). Случай, когда среда влияет на поведение даже при отсутствии осознания этого влияния, называют «несимволическим» взаимодействием (стихийные бедствия, эпидемии, загрязнения и т. п.): «поведение, непосредственно стимулируемое некоторым состоянием среды без когнитивного или перцептивного опосредования... или некоторое изменение в физиологических или метаболических процессах индивидов вследствие воздействия условий среды, или некоторое изменение в условиях среды (физическое, химическое и т. п.) вследствие человеческой метаболичности или физической активности» [98, с. 76]. Приписывание такому «несимволическому» взаимодействию социальной значимости было бы весьма проблематичным (то, что не предполагает наличия осознаваемых значений, смыслов и проч., вряд ли относится к сфере социального), если бы физиология и метаболизм не распространялись инвайронменталистами на технологические процессы, на социальную организацию, способ-

ствую антропоморфизации «социального организма» на макроуровне. При этом «несимволическое» взаимодействие считается базисным, первичным, «примордиальным», в отношении символического*.

Продвигаясь дальше в классификации исследований инвайронментальных проблем, авторы NEP представляют типологию из комбинации четырех видов среды (естественная, модифицированная и встроенная физическая среда и социальная среда) и двух уровней взаимодействия среды и общества (символический, несимволический). Первая трудность, обнаруживающаяся в этой классификации, — определение «несимволического» взаимодействия социальной единицы с социальной средой, т. е. с другими социальными единицами, внешними по отношению к изучаемой. В качестве примера такого взаимодействия приводится исследование Ленски и Ленски [105], в котором утверждается, что для того, чтобы понять социальные проблемы какого-либо общества, необходимо знать не только, «было ли оно обществом охотников и собирателей, но и существовало ли оно в то время, когда и другие общества были охотничьими и собирательскими или же индустриальными».

Другими словами, это взаимодействие между социальными единицами, обусловленное неравномерным уровнем их развития в каком-либо отношении, который определяется независимыми от сознания объективными социальными закономерностями. Именно здесь инвайронменталисты наиболее близко подходят к представлению о «социальном» как о своего рода стихии, естественной силе, независимой ни от сознания, ни от воли, ни даже от конкретных актов поведения людей, развивающейся по своим законам, познание которых для человека гораздо более проблематично, чем познание закономерностей физической природы.

Более конкретного рассмотрения этого типа взаимодействия инвайронменталисты не предлагают, сосредотачиваясь на следующих шести типах: взаимодействие «встроенной» среды с социумом на «несимволическом» уровне (проблемы социологии города и проч.); взаимодействие «встроенной» среды с социумом на «символическом» уровне (психология восприятия окружающей среды); символическое взаимодействие модифицированной человеком среды с социумом (социально-структурные и культурные процессы в «новых городах» — boomtowns) [95]; «несимволическое» взаимодействие социума с модифицированной средой (проблемы сообщества, возникающие под воздейст-

* Ср. с соотношением «биотического» и «культурного» уровней взаимодействия у теоретиков Чикагской школы (глава 1, параграф 2).

вием истощения ресурсов); символическое взаимодействие с дикой природой; несимволическое взаимодействие с природой (эксплуатация обществом качеств или свойств природы без осознания, понимания их конечности, ограниченности). Собственно именно этот тип взаимодействия более всего занимает авторов NEP, он выделяет преимущественно субстратный аспект среды.

Эта классификация, по мнению ее авторов, призвана показать доступность исследованию и социологическую релевантность всех шести уровней взаимодействия со средой, но для того, чтобы представить весь круг проблем, с которыми сталкивается инвайронментальная социология, следует иметь в виду, что эти шесть уровней являются шестью вариантами соотношения среды (E) с компонентами POET (т. е. с P, O, T, CS, PS, SS) [98].

Таким образом, POET в результате его модификации (главным образом, понятия «организация») получает широкое толкование, уже не позволяющее, в отличие от его варианта у О. Дункана и Л. Шноре, отличать «экологический подход» от «бихевиористского» и «культурного»: выделение в «комплекс» культурных систем и системы личности фактически превращает эти «альтернативные перспективы» в частные случаи «экологического подхода». «Освобождаясь от изучения исключительно социальной среды, инвайронментальные социологи сосредоточили свои исследовательские усилия на взаимодействии людей с встроенной, модифицированной средой как на символическом, так и (все более) на несимволическом уровне взаимодействия», — заключают Данлэп и Кэттон [98].

Выдвижение на первый план в «экологическом комплексе» организации как функционального результата приспособления популяции к среде и формирования структуры популяции в процессе адаптации определило парадигматическую лояльность «комплекса» в отношении структурного функционализма («теорий порядка»). Акцентирование в POET «среды», ее субстратной характеристики, выраженной в понятии «несущая способность среды», обусловило и смену позиций нового варианта POET — NEP в отношении традиционной теоретической альтернативы «порядок—конфликт». Расширенная трактовка предмета социологии, выход за рамки «социальной среды», вызвала непонимание и неприятие в качестве социологической парадигмы со стороны социологов, придерживающихся традиционных различий «порядок—конфликт» и склонных рассматривать противоречие NEP/NEP в этих терминах. Признавая за основными понятиями инвайронментализма — «природная среда»,

«несущая способность среды», «экологический дефицит»* — социальную значимость, интерпретируя их как социальные факты и включая тем самым в «социальную среду», «традиционные» социологи придерживаются старых (социетальных) границ своей дисциплины при рассмотрении экологических проблем. В этих границах вопрос о пределах жизнеобеспечивающего базиса общества «должен быть включен во всеобъемлющую теорию: социальные источники и последствия экологического дефицита не могут быть поняты вне фундаментальной теории социальной организации и социального изменения» [87, с. 308]. Другими словами, «макротеоретический дуализм» традиционной социологии пытается социализировать глобалистское натуралистически расширенное толкование предмета социологии, рассматривая инвайронментализм в рамках теорий «порядка».

Увлечение инвайронменталистов «несоциальными» переменными и поверхностное внимание к традиционным социологическим фактам обусловили чересчур обобщенные предположения об обществе, неравенстве, господстве, причинах социального изменения и т. п., что и способствовало равновозможной адаптации инвайронментальных понятий и в теориях «порядка», и в теориях «конфликта». Так, взаимодействие порождаемого свойствами биофизической среды «экологического дефицита» с социальной структурой, стремящееся к установлению равновесия между социальной системой и экосистемой («устойчивое общество»), находит соответствующие интерпретации в обеих перспективах.

Теории «порядка», предполагающие разрешение экологических проблем через модификацию легитимных социальных институтов, выдвигают стратегию «инвайронментального эгалитаризма», осуществляемую правительственными органами, и принимают ее технологически возможной без существенных социальных изменений. Для этой позиции характерна «вера в непрерывность и необходимость некоторой формы системы частной собственности и рыночного механизма в индустриальном обществе» [87, с. 316]. В отношении экологических проблем за современной экономикой США признается технологическая способность их разрешения, способность государственного аппарата

* «Несущая способность среды» — основная характеристика ее субстратной функции означает (для данной формы жизни) массу (сумму) этой формы жизни, жизнедеятельность которой данная среда может поддерживать без изменений. «Экологический дефицит» — ансамбль отдельных, но взаимосвязанных ограничений и пределов человеческой деятельности, результат перегрузки несущей способности среды, осознание конечности экосистемы, ее подчиненности экологическим законам, которые не могут быть полностью социально контролируемы.

корректировать рыночные механизмы: «замедление роста» и т.п. возможно при существующей системе упразднения «функций благосостояния» современного индустриального общества. Интегративные представления о социальной системе, в которой «общность целей смягчает социальные конфликты», и позволяют обществу успешно приспособиться к своей базе жизнеобеспечения.

В инвайронментальной социологии для обозначения этого постоянно вводится понятие «устойчивое общество» — *steady-state society*; *sustainable society* [31], представляющее собой форму социальной организации, наиболее совместимую с сохранением экосистемы (биологический аналог такого общества — «кульминационное общество» — *climax community*).

«Конфликтная» перспектива исходит из невозможности гармонизации темпов экономического роста с темпами истощения природных ресурсов («экологическим дефицитом») путем технологических инноваций. Экологический дефицит, с этой точки зрения, усугубит иррациональное капиталистическое производство и ужесточит кризисы (повышение цен на ресурсоемкие товары, снижение реальных доходов, ухудшение качества жизни, безработица, отчуждение и т.п.). Установление равновесия в социально-экономической системе и сохранение господствующей системы ценностей становятся в этих условиях проблематичными. Наиболее реальным методом поддержания этого баланса представляется более репрессивный политический режим, который, в свою очередь, будет способствовать взрывоопасности социальных конфликтов. Однако инвайронменталисты, признавая социальные конфликты в качестве следствия «экологического дефицита», склонны считать «конфликты марксистского типа» (т.е. классовые), именуемые в инвайронментальной социологии «синхронной конкуренцией», менее значимыми по сравнению с «диахронной конкуренцией». Если «синхронная конкуренция» подразумевает конфликты между современниками, то «диахронное» соревнование — между настоящим поколением и будущим за ограниченные ресурсы и другие аспекты конечной экосистемы; эксплуатация природных ресурсов ныне живущими, возможно, лишает будущее поколение преимуществ, которыми обладает настоящее за счет изобилия ресурсов [93].

Очевидно, что теории «порядка» и теории «конфликта», объединяемые инвайронменталистами в единое целое — НЕР, предлагают различные варианты решения экологических проблем, хотя и разделяют общий оптимизм в отношении материального и социального прогресса, признавая препятствия на его

пути более социальными, нежели биофизическими. Суть расхождений между этими теориями сводится, скорее, к философско-эпистемологическим спорам о том, может ли материальный и социальный прогресс достичь полного своего выражения, реализоваться в условиях существующей социально-экономической системы — индустриального общества; о социальных механизмах достижения «устойчивого общества». NER не участвует в этом споре, так как не может предложить согласованной системы основоположений, объясняющих законы движения «социальной среды», сосредотачиваясь на ее генетической зависимости от характеристик экосистемы. «Анализ социальной структуры и конфликта, — пишет о NER Ф. Баттел, — в инвайронментальной социологии обнаружил ее парадигматическую ограниченность... Положения NER мало что объясняют в динамике и законах движения, определяющих социоэкономические трансформации. Различие NER/NER, несомненно, существует, но в рамках уже имеющихся парадигм («порядка» и «конфликта». — С. Б.)» [86, с. 254]. Об этом, в частности, свидетельствует рассмотрение инвайронментальных проблем представителями «традиционной», «академической» социологии (Дж. Л. Хоровиц, С. М. Липсет, Л. Рейнуотер, Н. Смелсер и др. [93, с. 39—41; 101; 106; 111; 114]).

Таким образом, с точки зрения традиционной социологии, различие NER/NER следует проводить в рамках как теории «конфликта», так и теории «порядка». С точки зрения инвайронментальной социологии, наоборот, различие «порядок—конфликт» вторично и рассматривается в контексте противоречия NER/NER как основополагающего. В результате образуются четыре вида противопоставляемых друг другу теорий. «Мы не доказываем, что противоречие NER/NER вытесняет традиционные противоречия, но показываем, что оно настолько же реально, по крайней мере в некоторых случаях может быть более важно», — считают Р. Данлэп и У. Кэттон [98, с. 41]. Но при этом они выделяют две тенденции в распределении этих акцентов: в условиях усложнившейся экологической ситуации (увеличение «экологического дефицита») традиционные теории все больше склоняются к признанию отдельных компонентов NER, а в самой NER все более проявляется тяготение к «конфликтным» вариантам (по сравнению с предшествующими социально-экологическими концепциями, находившимися в целом в пределах «порядка»).

Так, например, своеобразным результатом синтеза основоположений «порядка» и «конфликта» выступает инвайронментальная теория коллективного поведения. Перспективы разви-

тия общества в условиях истощения невозобновимых ресурсов (а именно: снижение стандартов качества жизни; замещение другими видами ресурсов, требующее технологических инноваций и организационных изменений; интенсификация конкуренции между «потребительскими единицами» — от индивидов до наций и др.) неизбежно ведут к потребности перераспределения ресурсов, к обострению конкуренции, ее глобализации. Поэтому «важной задачей инвайронментальных социологов... является обнаружение факторов, которые направят социальную реакцию на истощение ресурсов по одному из этих направлений (т.е. «порядок» или «конфликт». — С. Б.)» [91, с. 17]. Оптимальным разрешением этого кризисного положения является, как упоминалось выше, «устойчивое общество» (характеристики его вполне согласуются с теориями «порядка»). Однако пути, ведущие к нему и обусловленные кризисной ситуацией, пролегают через различного рода «конфликты».

Итак, следствием ужесточения «экологического дефицита» (или следствием незнакомой ситуации) в соответствии с теориями коллективного поведения являются деморализация, девальвация общепринятых ценностей, разрыв групповых связей, словом — паника как социальная характеристика современной глобальной экологической ситуации. Следствие этого — «повышенное недоверие и подозрительность, полное оправдание того, что в других случаях считалось бы эгоистичным и аморальным поведением, конкуренция... нарушение установившегося порядка» [91, с. 7].

Ограничение доступа к базе жизнеобеспечения, притом в глобальных масштабах, создает, по мнению инвайронменталистов, ситуацию паники, близкую к гоббсовскому «паническому террору»: «Речь идет о том, что экологический дефицит ставит людей в угрожающее положение, которое заставит их действовать по образцу «каждый сам за себя» или «спасайся кто может»» [91, с. 11]. Выход из этой ситуации, который видят инвайронментальные социологи, основывается на положении теории коллективного поведения о том, что паника не возникнет, если выходы из угрожающего положения полностью открыты или полностью закрыты. Безысходность положения, создаваемого «экологическим дефицитом», обусловлена «разрывом между ожиданиями в отношении удовлетворения основных жизненных потребностей и возможностями их достижения». Постоянная угроза удовлетворению этих потребностей в условиях нарастания «кризиса ожидания» и вероятности насильственного разрешения проблем распределения ресурсов неизбежно приведет к революциям и мировым войнам. Революционное решение

проблем перераспределения, по мнению инвайронменталистов, не дает ожидаемого результата, поскольку с «новыми социальными возможностями» связаны и «новые возможности удовлетворения все увеличивающихся потребностей». Следовательно, социальные революции не в состоянии разрешить экологический кризис, а тем более сформировать социальные нормы, обеспечивающие интересы будущих поколений («диахронная конкуренция»); такие нормы не могут появиться в обществе, находящемся в условиях экологического дефицита.

Во избежание социального хаоса предлагается осознать отсутствие выхода из кризисного состояния. Для этого следует воспользоваться той короткой стадией неподвижности (обусловленной неопределенностью ситуации), за которой, по Р. Тэрнеру, следуют попытки отреагировать на новое событие, не понимая его значения; эти действия принимают «гротескный, не соответствующий ситуации вид», а затем уже наступает «период активности ради активности» [115, с. 395].

Исходя из этого, паника, скорее, «несоциальное», нежели «антисоциальное», поведение. «Социализации» поведения в условиях, стимулирующих панику, может служить лишь осознание (подтвержденное научно обоснованным знанием) того, что выхода из сложившейся экологической ситуации нет*. Вопрос заключается лишь в том, сможет ли это сознание распространиться быстрее, чем панические настроения? И хотя само это осознание практически никак не может предотвратить надвигающуюся катастрофу, оно должно способствовать тому, чтобы человечество встретило ее достойно, ибо «предвиденная катастрофа переносится более стойко, чем неожиданная» [91, с. 17]. Итак, выход из взрывоопасной конфликтной ситуации — стоицизм и «порядок».

Подобный вариант соединения с теориями коллективного поведения, представляющий собой образец «катастрофизма» в инвайронментальной социологии, можно рассматривать как проявление (или следствие) «апокалиптического сознания», характерного для американского общества начиная с конца 60-х годов и до сих пор. «Апокалиптическое сознание» очень сильно сегодня в американском обществе в целом, — констатирует Т. Роббинс. — Одно из недавних его проявлений — огромный

* Б. Коммонер, желая образно представить взаимозависимость всех элементов глобальной экосистемы, говорил: «Мы все находимся в одной лодке». Инвайронменталисты, в соответствии со своим видением экологической ситуации, предлагают считать, что «мы все находимся на одной подводной лодке, люки которой задрены», т. е. возможность выхода исключена [94].

интерес к проблеме загрязнения окружающей среды» [112, с. 111].

Склонность инвайронменталистов к воспроизведению социума как целостного организма, в котором хотя и выделяются отдельные специфические подструктуры (культурная, социальная, личностная), не позволяет им подчинить эту подструктуру какому-либо закону, упорядочивающему их соотношение. Принципиальное отношение инвайронменталистов к субординации подсистем «экологического комплекса» облегчает им включение в его состав, собственно в «социальную организацию» (в терминах О. Дункана и Л. Шноре), как раз тех систем — культурной и личностной, на отличии от которых и была основана социологичность исходного варианта «экологического комплекса». Но для инвайронментальных социологов это отличие не является принципиально важным, поскольку их парадигма призвана преодолеть «антиредукционистские догмы» традиционной социологии и сосредоточена на утверждении биосоциальной природы общества, точнее, на обосновании его «биологической природы», «средовой зависимости». Но только это не выделяло бы инвайронментальную социологию из предшествующих экологических теорий.

Отличительной чертой NEP, в сравнении с «классическим» образцом экологического подхода Чикагской школы и затем структурно-функционального «экологического комплекса», является распределение ролей между средовым (субстратным) и социальными уровнями этой биосоциальной природы. Так, у Парка базисный (биотический) уровень оказывает определяющее воздействие на развитие культурной надстройки (социальный уровень), а культурный уровень является сдерживающим, ограничивающим стихийность и произвол биотического взаимодействия (борьба за существование, доминирование и т.п.). У инвайронменталистов же биотический (средовой) уровень, являясь основным условием существования общества, налагает ограничения на развитие социального уровня. Социум теряет свою относительную самостоятельность от лежащего в его основе биотического уровня, который тем самым «смягчает» произвол социума в природной среде, лишая его средств кумулятивного развития. Когда же NEP в такой трактовке доводит в перспективе эти ограничения (пределы) до критического состояния «несущей способности среды» и привлекает для объяснения реакции на этот кризис социального уровня теории коллективного поведения, оказывается, что биотический уровень может не только сдерживать, но и «развзывать» социальную стихию. При этом остается все же невыясненным, будет ли

этот панический произвол результатом экспансии биологических инстинктов в сферу социального, следствием преобладания биологического компонента биосоциальной природы общества над социальным, или же следствием отрыва социального уровня от биологического выхода изначальной стихийной социальности из-под сдерживающего контроля «средовых» ограничений. По существу речь идет о характере объективности социальных закономерностей, об отличии объективности социального от объективности природного. Определенного ответа на этот вопрос НЕР не содержит на данном этапе своего развития.

Желание сохранить «социальный порядок», осознание неизбежности конфликтных ситуаций, диктуемых взаимодействием с природной средой, обуславливают своеобразное преломление противоречия «порядок—конфликт» в кризисном сознании инвайронментальных социологов, которое придает глобализации парадигмы (даже во мнении оппонентов различия НЕР/НЕР как основополагающего) особое значение. «Я думаю, что инвайронментальная социология, — пишет Ф. Баттел, — нечто большее, чем еще одна отрасль социологии, такая, как, например, политическая социология или социология религии, хотя это само по себе еще не придает ей статуса парадигмы» [86, с. 256].

3. «Экомарксизм» как социально-реформистская теория инвайронментализма

Вариантом представления инвайронментальной перспективы в теории «конфликта» — к «устойчивому обществу» через социальный конфликт — является соединение отдельных положений с марксизмом, который воспринимается двояко: в функционалистско-органицистском плане и как «критический» марксизм — «экомарксизм». Экомарксисты (Г. Энценбергер, У. Лейсс, Б. Эггер и др.) исходят из того, что сущность современного кризиса капитализма заключается в экономическом его кризисе; основное противоречие, порождающее кризис, находится в сфере производства (между трудом и капиталом), но сводится к противоречию между производством и потреблением; разрешение этого противоречия — «устойчивое общество» (steady-state society; conserver society).

Современные индустриальные общества, характеризующиеся энергоемкой технологией, централизацией управления, концентрацией населения, растущей специализацией производственных функций, увеличением ассортимента товаров и услуг, но в то

же время существующие в конечной экосистеме, с необходимостью порождают «экологические противоречия, которые в обозримом будущем должны привести к их краху» [100, с. 4]. Новое устойчивое общество может выступать в двух вариантах: авторитарное, централизованное, обеспечивающее эффективное вмешательство государства в любые сферы общественной жизни с целью предотвращения экологических затруднений, предписывающее нормы экологически оправданного производства и потребления. Достижение такого устойчивого общества не требует качественного социального преобразования и происходит под давлением необходимости, а не «выбирается добровольно». В отличие от этого варианта, устойчивое общество, представляемое экомарксистами как позитивная программа, предполагает качественное преобразование общества, заключающееся в «изменении способа выражения и удовлетворения потребностей, а не просто определенный или предусмотренный набор альтернативных потребностей как таковых» [84, с. 309].

«Экологические проблемы не могут быть разрешены в рамках капитализма, — считает Г. Энценсбергер, — поскольку капиталистический способ производства с необходимостью порождает экологические потрясения, однако и социализм не дает решения экологических проблем. Капитализм — это не просто отношения собственности, но именно способ производства... вся совокупность отношений между людьми и вещами» [100, с. 19]. Нарушая привычную диалектику способа производства, обособляя от него отношения собственности как его основополагающую характеристику, социалистическое общество, по мнению Г. Энценсбергера, является «переходной формой», в которой капиталистический способ производства, дополненный новыми элементами, продолжает существовать и оказывать решающее воздействие на политическую сферу, на все многообразные отношения между людьми, на отношения между управляемыми и управляющими [100].

Такая точка зрения акцентирует развитие производительных сил общества, подчеркивает их разрушительное воздействие на среду и пренебрегает характером производственных отношений, их взаимодействием с производительными силами. Ортодоксальный марксизм, по Г. Энценсбергеру, предполагает, что капитализм, развивая свои производительные силы, обеспечивает материальную базу для социализма, который тем эффективнее развивается, чем более развиты эти производительные силы. При этом упускается из виду то, — как замечает Энценсбергер, — что производительные силы не существуют независимо от производственных отношений, они «формируются

капиталистическими производственными отношениями и так глубоко пронизаны ими, что любая попытка изменить производственные отношения должна потерпеть неудачу, если природа производительных сил, а не только способ их использования, не изменяется» [100, с. 21].

В условиях индустриального общества «деформированные производительные силы» угрожают самому своему существованию и существованию человеческого общества вообще. Источником и причиной «деформации» производительных сил экомарксистам представляется противоречие между производством и потреблением как таковым, независимо от характера производственных отношений, несмотря на то, что ими «так глубоко пронизаны производительные силы». Рост производительных сил, оторванных от производственных отношений, у Энциенсбергера ведет к увеличению деструктивной энергии социальной системы, поскольку капиталистический способ производства имеет следствием не только увеличение материальных благ, но и увеличение спроса на них. В этом заключается разрушительный потенциал последней фазы развития капитализма, который теперь принимает новое качество, угрожая всей естественной основе существования человечества. «В результате спрос оказывается социально произведенной естественной силой», порожденной «экологическим дефицитом». Но увеличение спроса — не возврат назад, ибо не уничтожает накопленного богатства: «спрос и богатство сосуществуют, вступая в противоречие друг с другом» [100, с. 27].

И хотя экологический кризис будет стимулировать развитие новых технологических средств адаптации к изменившейся экологической ситуации, которые в отдельных деталях будут менять направление его развития, но в целом они не устранят кризисную ситуацию. Стоимость природных благ (чистая вода, воздух, ландшафт, доступ к природным ресурсам) будет неизменно возрастать, прибавляя к их потребительной стоимости «невидимую, социальную» (кроме стоимости), повышая цены, налоги, а также престиж и ценность позиций привилегированного класса. «Жажда комфорта является, — как считает Энциенсбергер, — продолжением производства, которое может быть остановлено только силой» [100, с. 30].

Итак, капиталистический способ производства, неизбежным следствием которого является экологический кризис (более насущный, нежели экономический), требует преобразований, которые, однако, не касаются (во всяком случае в первую очередь) производственных отношений, отношений собственности, но затрагивают производительные силы, стихийно приобрета-

шие разрушительный характер. Преобразование подразумевает изменения в сфере потребления, а точнее — в способе удовлетворения потребностей. Поэтому анализ экомарксистов сосредотачивается на соотношении производства, потребления, потребностей, товаров, окружающей среды. «Марксова теория отчуждения труда сама по себе уже непригодна для современных капиталистических кризисных тенденций, — утверждают экомарксисты, — недостаток марксистской теории заключается в том, что она принадлежит к ранней стадии истории капитализма». Теперь же, в соответствии с экомарксистскими представлениями, «динамика социального развития заключается в процессе взаимодействия между человеческими потребностями и товарами, и этот процесс локализован в конечной экосистеме, находящейся в состоянии кризиса» [84, с. 316].

Преобразование марксистской теории заключается в отказе от концепций экономического кризиса (неприемлемой в условиях монополистического капитализма) и сосредоточении на концепции отчужденного труда, а именно — на анализе современной формы кризиса капитализма как противоречия между «символически опосредованным» потреблением и состоянием окружающей среды. «Наш анализ в этой связи, — пишет Б. Эггер, — предполагает, что возможно и даже желательно отличать Марксов диалектический метод (теория неотчужденной человеческой деятельности) от специфики исторического приложения его теории кризисов» [84, с. 319]. Симптомом современного отчуждения, по У. Лейссу, прежде всего является не отчужденный труд, но отчужденное потребление: «Человеческое счастье пытаются определить исключительно через френчискую потребительскую активность. При этом товары воплощают сложный набор символов и значений, которые зачастую трудно расшифровать и соотнести с человеческими потребностями» [84, с. 309—310].

Увеличение темпов потребления в современных индустриальных обществах служит компенсацией отчуждения людей от собственно человеческой деятельности и друг от друга. Возможность удовлетворения потребностей является функцией организации производственной активности (в различных жизненных ситуациях), а не функцией потребления. Такое положение, по мнению У. Лейсса, не является непосредственным результатом развития технического прогресса как такового, но функцией социальной политики, предпочитающей массивные, централизованные технологии «малым и промежуточным». Следовательно, выходом из этой ситуации может служить изменение социальной политики, распространяющей достижения

современной технологии на более разнообразные жизненные ситуации, учитывающие самые разнообразные образцы потребностей и способы их удовлетворения.

Изменение социальной политики диктуется новой «диалектикой кризиса» — «диалектикой пошатнувшихся ожиданий»: это ожидания в отношении удовлетворения развитого капиталистическим производством бесконечного спроса на товары, воспринимающиеся как само собой разумеющееся в условиях экономического подъема и относительного «изобилия». Но эти ожидания становятся все более проблематичными в условиях «экологического дефицита», что и ведет к необходимости переоценки средств удовлетворения человеческих потребностей. «Переоценка», однако, не означает установления «нового пуританского духа», «затягивание поясов», но то, что «люди станут наслаждаться... новоприобретенной простотой и начнут извлекать удовольствие уже не из символически опосредованного потребления, а из мелкомасштабного производства и кустарного потребления». «Мы не думаем, что люди — это существа с ненасытными запросами и потребностями, как это утверждает расхожая экономическая мудрость; люди могут научиться, сколько будет «достаточно», — утверждают экомарксисты [84, с. 319]. Социальным следствием такой переоценки должна стать переориентация социальной политики с количественного критерия благосостояния (экономический рост) на новое качество — качественно иной способ удовлетворения потребностей. Это динамическая социальная реорганизация, считает У. Лейсс, а не «отступление от наших заветных устремлений»; она предполагает релокацию ресурсов в рамках национальной экономики и переориентацию социальной политики таким образом, «чтобы удовлетворение человеческих потребностей не рассматривалось как функция потребительской активности, но как творческое удовлетворение в труде, в процессах развития решений» [84, с. 315—316].

Социальный идеал высокопотребительного образа жизни с нарастанием экологического кризиса может быть опровергнут двояким образом. Первый вариант представляется следующим: обострение неравенства в распределении материальных благ, снижение жизненных стандартов (если они измеряются уровнем накопления товаров) способствуют росту социальной фрустрации и неудовлетворенности, поскольку, в соответствии с действующим «социальным идеалом», все желаемое помещается в области товарного потребления. Это вызовет увеличение социальной напряженности. Чтобы сохранить «социальный порядок» в этих условиях («пошатнувшихся ожиданий») потре-

буется введение более репрессивных и авторитарных форм политического управления, практикуемых привилегированным меньшинством. «... Политика капитализма в области окружающей среды, — предсказывает Энценбергер, — положит конец последним либеральным иллюзиям... В атмосфере паники и неконтролируемых эмоций (в случае экологической катастрофы в массовом масштабе) правящий класс не преминет прибегнуть к подобному решению (тоталитаризация политического режима. — С. Б.)» [100, с. 31].

Другой вариант социальной политики предполагает более непосредственное, личное участие в деятельности, относящейся к удовлетворению потребностей, и направлен против потребительства: он потребует, по утверждению У. Лейсса, меньших затрат энергии и материальных ресурсов. Для достижения этого последнего, более желательного, варианта, способного приостановить неудержимый рост товарного производства и потребления, необходимо, как думают экомарксисты, «примирить производство и потребление таким образом, чтобы дать возможность потребителям диктовать производителям, сколько будет «достаточно» для нормального уровня благосостояния» [84, с. 322].

Что касается потребителя, то социальная политика должна предоставить людям возможность выбора способа удовлетворения потребностей из множества альтернатив, отличных от товарного потребления. Но достижение подобного многообразия представляется экомарксистам не как «социальное изменение», но как «переосмысление людьми их ценностей с точки зрения соотношения между человеческими потребностями и товарами, когда экономический «антирост» признается ими достижимым» [84, с. 323].

Социально-экологический механизм внедрения новых образцов удовлетворения потребностей и, соответственно, новой «этики» труда выглядит следующим образом: неспособность экосистемы поддерживать интенсивный экономический рост (снижение несущей потребности среды) станет причиной замедления промышленного производства, ориентированного на удовлетворение бесконечного спроса на товары личного потребления; люди снизят запросы и затем переосмыслят образцы своих потребностей — перестанут отождествлять их удовлетворение с «символически опосредствующими товарами»; тогда отчужденное потребление превратится в «продуктивный отдых» и «творческий труд»; ограничение товарного потребления потребует и переоценки самого производства, воспринимаемого лишь в качестве источника товаров для будущего потребления; люди,

наконец, смогут осознать свои существенные потребности и ценности в сфере социально полезного производства [84].

Другими словами, экомарксистским экологическим императивом становится «децентрализация, дебюрократизация и социализация социоэкономических структур». Необходимым условием социального изменения становится не «ортодоксальный экономический кризис», но экологический кризис, «поскольку кризисные тенденции сдвинулись в сферу потребления, заменяя экономический кризис экологическим» [84, с. 325].

Теория экологического кризиса более соответствует внутренним противоречиям развитого капитализма, — в этом единодушны все экомарксисты. Источником кризиса при этом выступает, вопреки риторике экомарксистов, не способ производства, но способ удовлетворения потребностей — потребление.

Таким образом, выход из кризиса видится не в изменении производственных отношений, отношений собственности и распределения материальных благ, удовлетворяющих потребности, но в изменении способа удовлетворения потребностей как такового. Этот вопрос рассматривается опять же вне контекста существующих отношений собственности, но как потребление вообще и потребление товаров в частности. Здесь товар воспринимается прежде всего как символический посредник между потреблением и множеством других видов удовлетворения человеческих потребностей, способствующих развитию сущностных сил человека, а не только проявлению его сущности.

Упуская из виду то, что и производство, и потребление являются движением частной собственности [3], опредмечиванием человеческой сущности, экомарксисты игнорируют и то, что в условиях частнособственнических отношений «чувство обладания подавляет творческое освоение предмета». Поэтому экомарксисты не замечают разницы между потреблением и потребительством. Потребительское отношение к удовлетворению потребностей не признает меры «необходимого» и навязанного, чуждого, лишь компенсирующего отчуждение человека от общества, от природы, от самого себя и т. д.

Социальные предпосылки и механизм возникновения потребительского утилитаризма рассмотрены Марксом: «Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь новую потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость, толкнуть его к новому виду наслаждения... Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь чуждую сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом

массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую возможность взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится все «беднее» как человек... С субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится изобретательным и расчетливым рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и надуманных вождельний» [4, с. 599]. Товарно-символическое потребительство становится определенным социальным взаимодействием в условиях отношений частной собственности и отчуждения.

Экомарксисты видят выход в том, чтобы этого «обедненного» потребителем человека поставить в еще более жесткие условия, ограничивающие его потребности при сохранении частно-собственнических отношений, тем самым способствуя экспансии «царства необходимости» и естественных потребностей, усилению борьбы с природой (если не с внешней, то с внутренней природой человека). Компенсацией отчуждения в этом случае должно стать, как надеются экомарксисты, увеличение разнообразия производственной деятельности человека, который должен научиться находить удовлетворение в труде. Понятно, что потребности, порожденные утилитарно-товарным потребителем, должны быть заменены потребностями иного характера — творческими, которые развиваются в условиях «освобожденного (в сознании) труда». Но без преобразования общественных отношений, связанных с данным способом производства и потребления, что не оговаривается в экомарксистской теории, осуществление «нового социального идеала» удовлетворения потребности в творческом труде, в разнообразии видов удовлетворения человеческих потребностей оказывается не более чем утопией.

Таким образом, экомарксистами предлагается новый вариант «трудовой этики», представляющий все возможное многообразие удовлетворения потребности в труде, в творчестве, ограниченное, однако, пределами распределительных отношений и рамками принадлежащего производителю. Упрощая диалектику отношений «производство—потребление», «труд—природа», экомарксисты склонны абсолютизировать значение лишь одного компонента производительных сил — труда. Но, как писал Маркс, «труд не есть источник всякого богатства. Природа в такой же мере источник потребительных стоимостей... <... > У буржуа есть очень серьезные основания приписывать труду *сверхъестественную творческую силу*, так как именно из естественной обусловленности труда вытекает, что человек, не

обладающий никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы... вынужден быть рабом других людей, владевших материальными условиями труда» [1, с. 13]. Очевидно, что если природа наравне с трудом — источник материальных благ и условие труда, то «экологический дефицит» может стать причиной истощения этих благ, которое не сможет быть компенсировано интенсификацией производства. Следовательно, существуют «пределы роста», а точнее — несбалансированного количественного (экспоненциального) роста.

Значение аргументов экомарксистов (как и инвайронменталистов) за вычетом очевидных просчетов в изложении диалектики способа производства и проч. не следует недооценивать в смысле определения ими необходимости перехода к качественно иному соотношению производства и потребления, к качественно иному виду труда, являющегося потреблением природы, — воспроизводству элементов природной среды.

Универсальность человеческого производства полагает в качестве своего объекта универсальную природу, не оставляя ни одного элемента экосистемы без модифицирующего воздействия потребляющего их труда. Потребляющий элементы природы труд, выражающий содержание взаимодействия общества и природы, в своем универсальном проявлении ставит проблему не только восстановления (количественного) своего объекта, т. е. элементов среды, необходимых для процесса производства в их естественном, не модифицированном виде, охраны, консервации, но и воспроизводства. Элементы среды, не являясь товаром, наряду с потребительной стоимостью, приобретают и стоимость; специфика труда, их производящего, определяет смысл взаимодействия общества и природы (культуру взаимодействия), а социальные условия труда — форму этого взаимодействия.

Воспроизводство компонентов среды возможно только как воспроизводство экосистемы в целом, всего многообразия ее элементов и связей между ними. Такой универсализм неосуществим в условиях частной собственности, когда неизбежна фрагментация целостности экосистемы: частная собственность не может служить адекватной формой воспроизводства, поскольку экосистема в целом не может выступать в качестве объекта частной собственности и, следовательно, частный собственник не заинтересован в затратах на ее воспроизводство. Здесь возможно лишь локальное, фрагментарное и временное восстановление качества среды (необходимого для эффективного производства, приносящего прибыль), лишаящее эффективности затраты на производство отдельных ее фрагментов. Поэтому

децентрализация капиталистической экономики, предполагаемая экомарксистами, не может предотвратить несогласованность, партикулярность попыток воспроизводства, «эксплуатацию способности среды к самоочищению» [14].

Воспроизводство природной среды как качественно новый вид человеческой деятельности предполагает не только целостный ее характер, основывающийся на целостности внешней и внутренней природы человека, но и необходимость творческого отношения к этой деятельности. «Творческое преобразование природы предполагает в каждом природообразующем акте способность создать нечто качественно новое вместо тиражирования ранее изобретенного, — пишет А. А. Горелов. — В своем экологическом аспекте творческое преобразование есть такое, которое... нацелено на то, чтобы гармонично вписать человеческую деятельность в данную природную среду» [15, с. 90]. Творческий подход является необходимым условием сохранения разнообразия в природе. Воспроизводство же разнообразия в природе, способность восприятия этого разнообразия требуют увеличения внутреннего разнообразия механизмов социальной системы, не только способной удовлетворять свою потребность в полноценной природной среде, но и представляющей возможности для развития сущностных сил человека, реализации им своей внутренней природы в единстве с природой внешней. «По мере того, как предметная действительность повсюду в обществе становится для человека... действительностью его собственных сущностных сил, — читаем у Маркса, — все предметы становятся для него опредмечиванием самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, его предметами, и это значит, что предмет становится им самим» [4, с. 593].

Поставленный экомарксистами вопрос об изменении природы производительных сил может быть понят и как стремление предоставить человеку возможность проявления его сущностных сил без изменения при этом его сущности. Децентрализованное производство в условиях частной собственности, даже если и удовлетворяет творческие потребности человека при наличии таковой у товарного производителя, не становится воспроизводством природной среды, но лишь обеспечивает индивидуализацию, партикуляризацию потребления ее элементов. Фактически такое творчество тоже будет потребителем, но, в отличие от опосредованного, символического, товарного, потребителем непосредственным, частным (как материальным, так и духовным), определяющим отношение к природе как к источнику удовлетворения личной потребности в самовыражении; представление о целостной экосистеме ограничива-

ется индивидуальным горизонтом потребностей и «культурным уровнем потребителя», остающегося все же в «царстве необходимости». Свободное взаимоотношение с природой, без риска нанести ей необратимый ущерб или уничтожить ее, а вместе с тем и свое собственное существование, выражается в ее целостном восприятии и воспроизводстве на основе присвоения производителем всех совокупных производительных сил, обеспечивающего универсализм воспроизводства.

Экомарксисты же подчеркивают прежде всего непосредственное включение производителя в процесс производства и распределения, пренебрегая характером самого процесса, и оставляют определение «природы производства» за непосредственным производителем. Дальнейшая централизация экономики, по их мнению, сразу же обернется обратным давлением со стороны потребителей, отчужденных от процессов принятия решений и пытающихся компенсировать свои социальные фрустрации в «маниакальном потребительском поведении». При этом не проводится принципиального различия между капиталистической рыночной экономикой и «государственным социализмом», когда, как считают экомарксисты, люди вынуждены искать удовлетворение через высокоинтенсивное личное потребление, таким образом способствуя росту промышленности и оказывая давление на уже и без того неустойчивую экосистему. «И капиталистические, и социалистические государства, — утверждают экомарксисты, — обеспечивают свою легитимность... постоянным потоком товаров личного потребления. Маркс пренебрег анализом этого процесса, поскольку считал центральным внутренним противоречием капитализма не опосредованное взаимодействие между производителем и потребителем (и способность потребления заглушать потенциально революционизирующее человека отчуждение), но противоречие в сфере производства как такового». Когда недостаток самовыражения и смысла в труде заменяется символическим товарным потреблением, «отчужденное потребление укрепляет систему отчужденного производства, способствуя накоплению и реинвестиции капитала, компенсируя фрустрации и нетворческий труд» [84, с. 321—322].

Экомарксистские идеи «децентрализации, дебюрократизации и социализации», гипотеза «пошатнувшихся ожиданий» оказываются созвучными американскому популизму, соединение которого с марксизмом или, вернее, приспособление которого к марксизму представляется экомарксистам наиболее удачным способом внедрения социалистических настроений в американское сознание.

Поскольку американские рабочие имеют самые неопределенные представления о некапиталистическом строе, то требуется выработать концептуальный аппарат, более подходящий для американцев, чтобы прояснить им социалистические идеи. Для этого следует использовать коренные популистские традиции (антимонополистические настроения) американского общества: подозрительность в отношении «большого правительства» (федеральные власти) и «большого бизнеса» можно направить в социалистическое русло. «Американский популизм характеризуется (исторически, по крайней мере) здоровым недоверием к централизованным и бюрократическим организациям. Из этого недоверия вырастают как неизменный республиканизм свободного предпринимательства... так и контр-культура 60-х» [84, с. 337].

Глубокие корни популизма в политической культуре США прорастают на почве экологического радикализма, из трех компонентов которого — децентрализации, дебюрократизации и социалистической собственности — популизму (и левому, и правому) не хватает только социализма. Поэтому для внедрения последнего следует отталкиваться от достигнутого и идти не путем ортодоксального марксизма — от формы собственности (отчужденный труд) к дебюрократизации (отчужденное потребление), а наоборот, что наиболее соответствует популистским традициям, начинать следует с отношений в сфере потребления, преобразование которых повлечет за собой и изменения в сфере производства. Преобразование заключается в перераспределении полномочий между «экспертами» (бюрократами) и «неэкспертами» в выборе способов удовлетворения потребностей. «Оборотной стороной отчужденного труда является чувство экзистенциальной беспомощности перед гегемонией экспертов. Чувство некомпетентности может быть отправным пунктом в новой социалистической идеологии, которая начнет с критики бюрократии и разделения труда (специализации. — С. Б.) и закончит развернутой критикой капитализма» [84, с. 334].

Социализм в этой идеологии должен представляться как система непосредственного рабочего и потребительского контроля, а не как «еще более централизованное правительство». Однако тем самым не отрицается принципиальная идея централизованного социалистического планирования: может существовать промежуточная организация между тотальным планированием и анархией рынка, которая позволит рационально определить уровень производства и потребления. Таким образом, реформированный популизм окажется попыткой трансфор-

мировать «крупномасштабный промышленный капитализм в мелкомасштабный неавторитарный социализм».

Соединение популизма с марксизмом (экомарксизмом) представляет собой взаимодополнение американского демократического этоса («grass roots») и европейской социалистической критики капитализма. В этом смысле определенная доза популизма способствует и «американизации» марксизма, как представляется американским экологически настроенным популистам. «Американизация» марксизма выглядит как замена конфликтов «марксистского типа» — классовой борьбы — критикой технологического разделения труда и бюрократии. В условиях «экологического дефицита» и надвигающихся крупномасштабных социальных потрясений (в способе удовлетворения потребностей), которые Маркс, по мнению экомарксистов, не мог предвидеть, сосредоточение на «модели классовой борьбы» представляется экомарксистам утопичной стратегией — утопичной как раз потому, что она не способна соединить динамику экологического кризиса (определяющего кризис капитализма в целом) с политической практикой и политическими традициями (в данном случае — с движением популизма, которое не имеет более или менее определенного классового характера).

Такая позиция экомарксистов-популистов дает основания некоторым инвайронменталистам допустить, что «марксисты оставили надежды на перераспределение (обеспечивающее каждому приемлемо умеренный уровень жизни), рассчитывая на лучший кусок от растущего пирога». Другими словами, наиболее радикально настроенные инвайронменталисты склонны воспринимать демократизацию не как результат перераспределения и более эгалитарной социальной структуры, необходимой для устойчивого общества, тогда как децентрализация, деюрократизация и социализация сами по себе не гарантируют замедления экономического роста ради «экологического синтеза». «В этой связи следует особо отметить, — пишет Ф. Баттел, — что инвайронменталисты стремятся привлечь академических марксистов как сторонников неограниченного экономического роста экспансии и критиков инвайронментализма, т. е. как нели антиинвайронменталистов» [86, с. 254].

Очень немногие марксисты с готовностью принимают общетеоретические позиции инвайронментальной социологии, по мнению того же Ф. Баттела. У. Кэттон и Р. Данлэп, однако, продолжают подчеркивать в марксизме, как и в других социологических перспективах, основное, с их точки зрения, различие между NEP и NEP, а в качестве инвайронментально ориенти-

рованного марксиста называется Г. Энциенсбергер, который при этом недвусмысленно критикует инвайронменталистов, «толкующих о замкнутой, конечной экосистеме» и способствующих легитимации «классового мира». «В случае с человеческим обществом взаимодействие части и целого — subsystemы и глобальной системы — не может быть объяснено средствами биологии, — отвечает инвайронменталистам Г. Энциенсбергер. — Это взаимодействие социально, и его объяснение требует разработанной социальной теории и, кроме того, некоторых основоположений об историческом процессе. Ни то, ни другое недоступно нынешним экологистам, поэтому их гипотезы, несмотря на их фактическую начинку, так легко поддаются идеологизации» [100, с. 17]. И хотя Г. Энциенсбергер считает политическое и социальное мышление инвайронменталистов наивным, он все же отдает ему предпочтение перед утопическим мышлением «левых», что, вероятно, и послужило поводом для причисления его к сторонникам НЕР: инвайронменталисты, по его мысли, понимают то, что «наиболее возможное будущее принадлежит царству необходимости, а не свободы и что любая политическая теория и практика, включая и социалистическую, сталкивается не с проблемой изобилия (недоступного многим), но выживания» [100, с. 23].

Экомарксизм, представляя экологический кризис капиталистического общества в понятиях марксистской теории, способствует радикализации постановки проблем соотношения общества (способа производства и потребления) и природы (естественных ресурсов), но объяснение причин кризиса (перенос противоречия из сферы производства в сферу потребления) и намечаемые пути выхода из него (децентрализация, деюрократизация, социализация) свидетельствуют о том, что эта «радикализация» походит, скорее, на умеренную реформу, ибо не затрагивает самих основ социальных отношений. Предлагаемые экомарксистами решения экологических проблем сводятся, в конечном счете, к переориентации способов удовлетворения потребностей или же модификации потребностей, их переосмыслению. В этом смысле «негативная» работа экомарксистов — критика потребительства, эксплуатации природной среды крупными монополиями и т. п. — представляется более значительной, нежели «позитивная» сторона экомарксизма, не способного преодолеть социальную атомизацию и еще больше ее усугубляющего. Перенос атомистических отношений на объективно воспринимаемую природу имеет следствием фрагментацию экосистемы, ее функциональную интерпретацию и, следовательно, затрудняет

разрешение экологических проблем, связанное с целостным, универсальным восприятием экосистемы.

Возражения «новой парадигмы» против такого подхода к экосистеме как к предмету социологического анализа, хотя и выраженные преимущественно в натуралистическом плане, позволяют определить в целом эту парадигму как псевдопозитивистскую ориентацию. Псевдопозитивизм НЕР выражается, прежде всего, в несоответствии целей новой парадигмы (радикальное преобразование системы ценностей, мировоззрения, а затем и социальных институтов) и средств их достижения («социальная инженерия» на локальном уровне, стратегия «малых дел»).

Кроме того, наряду с утверждением привычного для позитивизма онтологического натурализма, приводящего к общему знаменателю социальные и биологические процессы, инвайронменталисты признают, тем не менее, специфику социального по сравнению с естественным. Введение в социологическую теорию «несоциальных» переменных, которым отводится доминирующая роль, происходит все же в соответствии с принципами и закономерностями социальной (а не естественнонаучной) теории. Инвайронменталисты не принимают позитивистской «свободы от ценностей», хотя преобразованная ими система ценностей относительно индифферентна в отношении всех других ценностей, кроме биоцентристских. «Радикализм» ценностной перероентации не выходит за рамки официальных каналов социальной инженерии. Однако в настоящем виде ни НЕР, ни симметрично противопоставляемая ей НЕР, по заявлениям «традиционных» социологов, не представляют собой согласованной системы основоположений, а противоречие между ними — это еще один повод для столкновения основных, уже существующих, парадигм. Различные решения этого противоречия зависят от теоретического контекста его интерпретации в пределах какого-либо из доминирующих направлений. Тем не менее, авторы «экологической парадигмы» продолжают настаивать именно на ее парадигматическом статусе, проводя различие между собственно «парадигматическим» статусом НЕР и НЕР и «теоретическим» статусом традиционных направлений. В этом утверждении инвайронменталисты полагаются в большей степени на аксиологическую сторону новой парадигмы (новая система ценностей как необходимый признак парадигматического статуса) и в меньшей мере обращают внимание на онтологическое обоснование НЕР (более детально представленное в теориях, но не освобождающее от систематического его изложения и парадигму).

Социально-политические и идеологические установки инвайронментализма

Определяя парадигматический статус NEP, ее теоретики вынуждены признать, что в конечном счете единственным наиболее отличительным признаком инвайронментальной парадигмы является то, что «все инвайронментальные социологи разделяют интерес к взаимодействию между обществом и окружающей средой». Но все же и это положение принимается с оговоркой: «не все из них осознают и принимают NEP». Правомерен в этом случае вопрос, является ли «новая парадигма» парадигмой, если она не имеет ни достаточно обоснованных и признаваемых ее сторонниками логико-теоретических оснований, ни социологического основания, устанавливающего границы определенного сообщества ученых, разделяющих положения данной ориентации? Очевидно, единственным парадигматическим основанием является ее «ценностное ядро», «цели высшего порядка», «сверхзадача» исследования. Поэтому У. Кэттон и Р. Данлэп настойчиво утверждают отличие NEP как парадигмы, дающей общее направление, ориентир развитию теорий, касающихся данного предмета, от собственно теорий, разрабатывающих более детальную логику и процедуру исследования.

1. Инвайронментальная этика: экологизация ценностей

Значимость парадигмы для теории заключается в предписании способа формирования теории, т. е. определении целей теоретической деятельности, основных ценностей, воплощающих в парадигме социальный опыт сообщества ученых. Тем самым на первый план в NEP как в концепции парадигматического

уровня выступает ее ценностный аспект, наиболее полно представленный в NEP.

Выделение аксиологии позволяет: систематизировать общетеоретические и философские основания нового направления, выявить противоположные ему ценности и, кроме того, определить центральное место парадигмы в процессе преобразования реальности, поскольку, как считает Р. Рутли, «инвайронменталисты, подобно Марксу, не только пытаются объяснить мир, но и стремятся к его изменению» [163, с. 263]. Преобразование же реальности предполагает наличие у исследователя «нового видения» этой реальности, ее прообраза, т.е. «новой модели социальной реальности», отличной от ее представления в «доминирующем социальном мировоззрении» (DSP). В аксиологической интерпретации NEP противопоставляется уже не NEP, а DSP*.

По Т. Куну, «новая парадигма предполагает более четкое определение области исследования». Однако наличие ценностей в «дисциплинарной матрице» (парадигме) не исключает различного их толкования. «Общепринятые ценности могут быть важными детерминантами поведения группы, даже если ее члены не все понимают их одним и тем же способом» [19, с. 241—243]. Таким образом, куновская трактовка парадигмы на метауровне и на социологическом уровне вполне оправдывает правомерность NEP, однако ее авторы признают за ценностным компонентом NEP определяющее значение и на так называемом артефактическом уровне, представляющем образец конкретного решения проблемы, способ отбора и организации фактического материала. Ценности в этом случае не только выступают как целеполагающие критерии исследования, но и наполняют определенным содержанием то, что в теории принимается в качестве факта. В этом смысле ценности представляют не только общемировоззренческий фон или основу солидарности сообщества ученых, но и основное содержание парадигмы.

Такое толкование «парадигмы» инвайронменталистами в большей мере согласуется с науковедческими представлениями Л. Флека, предвосхитившего, по словам Т. Куна, многие его идеи о развитии парадигмы [133, 134]. Научный факт, согласно Л. Флеку, не является просто результатом фиксации (хотя бы и целенаправленной) внешнего проявления реальности, но конструируется в социальном процессе, направляемом определенными ценностными установками. Определяя «факт» как «социальную основу знания», Флек, тем не менее, не признает социологического релятивизма, подчеркивая объективно реаль-

* См. первый параграф второй главы.

ное происхождение факта. Основная задача социологии заключается в объяснении социальных механизмов, посредством которых объективная реальность получает статус «факта» в научном сообществе. Эти социальные механизмы, описываемые Л. Флеком в терминах «мыслительный коллектив», «стиль мышления» и т. д., и являются прототипами куновской «парадигмы».

Формирование парадигмы, наполнение ее фактическим содержанием происходят в процессе перехода знания с эзотерического уровня академической науки на экзотерический уровень упрощенного, унифицированного, популярного знания, освобожденного от множества деталей и противоречий и приобретающего аподиктическое качество. «Если факт берется как обозначение чего-то зафиксированного и доказанного, — пишет Л. Флек, — он существует только в академической науке... Позже, на стадии обыденного, популярного знания факт становится воплощением воспринимаемого объекта реальности» [134, с. 124—125].

Таким образом, законы научного знания представляют собой непредвиденный (т. е. объективный) результат взаимосвязи зафиксированного научного знания с доминирующими социальными ценностями. Поэтому изменение ценностей, по мнению инвайронменталистов, и является основным способом «переворужения» научного исследования в условиях изменившейся реальности и средством разработки «новой парадигмы». «Парадигмой в науке становится та, которая наилучшим образом рационализирует общие ценности, — считает Э. Голдсмит. — Парадигма — это, скорее, конвенциональная мудрость» [138, с. 90—91].

Итак, смена научной парадигмы стимулируется переоценкой ценностей, обусловленной изменением характера взаимодействия общества и природы и, соответственно, социальной ситуации этого взаимодействия: переоценка ценностей требует нового видения социальной реальности. И хотя осознание такой переоценки зарождается на эзотерическом уровне определенного научного сообщества, получающего в ходе исследований подтверждения действительного изменения во взаимодействии естественных и социальных закономерностей, и на этом же уровне определяется в целом содержание «новых» приоритетных ценностей, центральным компонентом научной парадигмы они могут стать, лишь получив распространение и на экзотерическом уровне, будучи социализированы. «Проблема состоит в том, — считает Р. Рутли, — что отсутствует необходимая связь между практикой и идеалами (ценностями. — С. Б.); стремление к построению парадигм не должно быть первой

необходимостью или единственной целью инвайронментального действия против интеллектуальных оснований современного индустриального общества... Важнейшим путем изменения верований и отношений является изменение поведения и практики» [163, с. 274]. В данном случае речь идет об аксиологической практике — о перестановке приоритетов в иерархии ценностей индустриального общества. Какие ценности предлагаются инвайронменталистами?

В инвайронментализме взаимодействуют три типа ценностей, определяющих его противоречия и перспективы. Во-первых, биоцентристские ценности: все природное, живое обладает имманентной ценностью независимо от полезности его для человека. Более того, как определяет сущность биоэтики Дж. Макхарг, человек не является творцом своих ценностей, но должен чтить ценности, устанавливаемые природой [149]. Биоцентристы настаивают на безоговорочном непосредственном восприятии природы, на эмоционально-философском переживании единения с природой.

Вторая, «экологическая», традиция, менее всего подверженная романтически-экзальтированному отношению к природе и заменяющая ее в своем лексиконе понятием «окружающая среда», предполагает прежде всего научное объяснение взаимодействия общества со средой в терминах «динамично сбалансированной системы», где ценностью обладает стабильное функционирование системы в целом, а не уникальность каждого отдельного ее элемента.

Третье течение «экологических экономистов», или «утилитаристов», призывает к «разумному», рациональному использованию природных ресурсов в интересах экономического роста и благосостояния как можно большего числа людей «здесь и сейчас», а не к консервированию их для будущих поколений.

Новую биоэтику можно рассматривать как результат определения общей основы этих трех ориентаций, противостоящих антропоцентризму. Противопоставление биоэтики антропоцентризму привлекает внимание прежде всего к биоцентристским ценностям, что не исключает апелляции как к рациональному природопользованию, так и к естественнонаучным данным. Основположения НЕР сформулированы, исходя из противоречия «антропоцентризм—биоцентризм», что и определяет содержание новой этики. Биоцентризм основывается, читаем у Дж. Макконелла, «на предположении естественного порядка, в котором все движется в соответствии с естественным законом; порядка, в котором поддерживается самый тонкий и совершенный ба-

ланс до тех пор, пока в нем не появляется человек со всем его невежеством и самонадеянностью» [147, с. 190].

Ранний американский биоцентризм, берущий начало в новоанглийском «натур-трансцендентализме» Р. Эмерсона и Г. Торо [40], нашел свое социальное продолжение в консервационистском движении конца XIX — начала XX века. «Духовный отец» консервационистов Дж. Мюир стремился к практическому воплощению биоцентристских ценностей путем создания национальных парков, заповедников, консервационистских сообществ и т. п. Источником надежды на успех этих начинаний служила уверенность консервационистов в том, что люди отличаются от других живых существ глобальной экосистемы, по крайней мере, в двух аспектах: силой разума и моральным законом. Поэтому, как надеялся Дж. Мюир, настанет время, когда «тысячи уставших, нервных, обремененных цивилизацией людей станут осознавать, что... дикая природа им необходима, что лесные парки и заповедники полезны им не только как источники древесины... но и как источники жизни» [154, с. 32].

В наши дни, по мнению инвайронменталистов, надежды Мюира, Эмерсона и Торо увенчались превзошедшим ожидания успехом: тысячи людей почувствовали потребность в дикой природе ввиду «экологического дефицита». «И вот, когда консервационисты уже праздновали победу, — пишет Дж. Петулла, — наиболее бдительные из них увидели новую разрушительную, угрожающую природе силу в самом своем энтузиазме» [36, с. 59], с каким пропагандировалась ценность дикой природы. Десятки тысяч любителей природы восприняли мюировские идеалы для претворения в жизнь. Так, на смену пионеру-завоевателю просторов Нового Света с его эксплуататорской психологией, реакцией на которую и был обожествляющий природу консервационизм, пришел уверовавший в безусловную ценность природы массовый потребитель ее красот. В этой ситуации настроения консервационистского лагеря изменились: с одной стороны, предпринимаются попытки отделить процесс взаимодействия человека с природой от прочих социальных процессов, «онтологизировать» биоцентристские ценности; с другой — внимание обращается на социальные и политические характеристики данного процесса. Четкое разграничение между этими позициями отражено в различении так называемых «глубокой» и «поверхностной» экологии [155].

Социальные установки «глубоких экологистов» сводятся к убеждениям о том, что «плотины, дороги, шахты не наносят природе такого ущерба, как масса людей», что «само опреде-

ление дикой природы предполагает отсутствие цивилизации», что «если природу начнут так сильно любить, то в следующем веке от нее ничего не останется» и т. п. [156, с. 64]. Стремясь онтологизировать биоцентристские ценности, «глубокие экологи» отделяют свою биоэтику не только от традиционного, доминирующего в «западном мировоззрении» антропоцентризма, но и от ценностно ориентированной научной экологии («экологизм») и от утилитарного экологического «экономизма». Так, признавая, что взгляды «глубоких экологов» хорошо согласуются с данными экологии как эмпирически-аналитической науки, А. Назсс все же отмечает, что «нормы и тенденции развития глубокой экологии не выводятся из экологии (научной) путем логики и индукции... Экологические знания и стиль жизни эколога-эмпирика лишь вдохновляют, укрепляют перспективы этого развития» [155, с. 98]. Д. Уорстер по этому поводу замечает: «Что касается экологической этики... то можно сказать, что ее сторонники сначала выбрали себе ценности и только после этого обратились к науке за их подтверждением. Было бы гораздо честнее, если бы они... признали свою ограниченность в разработке более глубокого смысла интеграции человека и природы — «более-чем-экономического» — и оставили бы в покое... научные аргументы. «Должное» пусть станет своим собственным оправданием, своим собственным защитником и своим собственным устремлением, независимо от того, что «существует» [Цит. по: 36, с. 172]. Однако такой подход неприемлем для инвайронменталистов, которые считают источником зарождения новых этических представлений несоответствие между возможностями, предоставляемыми современной наукой во взаимодействии с природой, и ценностно-нормативной системой, воспринятой от прежних (религиозных) представлений об этом взаимодействии. Поэтому немаловажной характеристикой биоэтики является ее соответствие устанавливаемым наукой реальностям.

«Утилитарно-экологические» ценности приравняются «глубокими экологами» к антропоцентризму, поскольку природные объекты в утилитарно-экологической интерпретации наделяются лишь инструментальной ценностью. «Инструментальная» аксиология имеет право на существование при отсутствии конфликта ценностей, который, по мнению «глубоких» экологов, неизбежен. В результате определение антропоцентризма (или родственных ему этических взглядов) используется настолько широко, что исключает любую другую ценностную систему, кроме «глубокой» экологии, как способную направлять взаимоотношения человека с природой. Эти другие ценностные

системы, в отличие от «глубокой», получают название «поверхностных» экологий (А. Наэсс, Б. Дивелл, Дж. Сешнз).

Различие между «глубокой» и «поверхностной» экологией дает представление об «онтологизированных» и мистифицированных биоцентристских ценностях. Во-первых, это различие представлений о взаимодействии, вернее, о соотношении человека и окружающей природной среды: «поверхностная» экология воспринимает человека как отдельную фигуру на фоне отличной от него среды; для «глубоких» экологов более приемлем холистский взгляд (гештальт), отвергающий не только выделение человека из среды, но и дискретное видение мира в целом, как состоящего из отдельных «вещей». Во-вторых, отказ от «метафизики дискретной целостности» и, соответственно, от механизма, которого не может избежать «поверхностная» экология, подразумевает принятие идеи «целостности в процессе» (как в «глубокой» экологии), т.е. все «вещи» считаются фундаментально (внутренне) соотносенными, и это соотношение находится в постоянном изменении. И если «поверхностные» экологи предпочитают отделять этику от метафизики в соответствии со своим «дискретным», механистическим стилем мышления, то «глубокие» экологи, пользуясь органицистскими, панпсихическими и пантеистическими метафорами, не видят между ними принципиальной разницы. В-третьих, что уже ближе к социальной, экономической политике, это — требование «глубоких» экологов заменить идеологию экономического роста идеей «экологического самообеспечения», «добровольной простоты», «культурного и биологического разнообразия», «локальной автономии и децентрализации», бережливости, использования «гибких» технологий и т.п. А. Наэсс со всей откровенностью заявляет: «Мы («глубокие» экологи. — С. Б.) имеем определенные фундаментальные ценности.

Фундаментальны представления о том, что в жизни значимо и что стоит сохранить; отсюда ясно, что мы выступаем против дальнейшего развития ради повышения... жизненных стандартов. Материальные стандарты жизни должны быть резко снижены, а качество жизни, в смысле удовлетворения основных духовных потребностей, должно быть сохранено и улучшено. Это — интуитивное представление... в том смысле, что оно не может быть доказано (рационально. — С. Б.). Как сказал Аристотель, попытки доказать всё говорят о недостатке образованности, ибо каждый раз вы нуждаетесь в отправном пункте» [155, с. 98]. Таким отправным пунктом для «глубоких» экологов стала их «центральная интуитивная идея»: «нет четкого онтологического разделения в области сущего. Мир не разделен

на независимые сущностные субъекты и объекты. Точно так же нет и какого-либо раздвоения в действительности между человеческим и не-человеческим» [155, с. 97]. «Глубокие» экологи находят, что эта идея созвучна и мистическим традициям*, которые, наряду с экологическими ценностями, способствуют созданию *inter alia* или того, что теперь называется «экологическим сознанием» (т.е. осознанием взаимозависимости всех вещей и всех событий), или «концепции структуры, лежащей в основе реальности». Эта концепция у «глубоких» экологов называется «биосферным эгалитаризмом» и сводится к следующему: «равное право всех живых существ жить и процветать, равная внутренне присущая им ценность принимается как интуитивно ясная и очевидная ценностная аксиома» [155, с. 96]. Эта аксиома не поддается рациональному объяснению и является не логической посылкой, но, скорее, психологической установкой.

Если инвайронментальные философы (т.е. те, кто пытается обосновать биоцентризм рациональными способами) задаются вопросом: «Как конструируется адекватная экологическая этика?», то для «глубоких» экологов более существенным является вопрос: «Как можно культивировать экологическое сознание?» Первый вопрос требует концептуального ответа, второй — находит ответ в «опыте осознания». Поэтому, если бы инвайронментальная философия была наукой, как считает У. Фокс, инвайронментальная этика была бы тем, что Т. Кун называл «нормальной наукой». «Биосферный эгалитаризм» стал своеобразным вызовом «нормальной науке» (этике) в своем стремлении сместить фокус с нормативного понимания биоцентристских ценностей на онтологическое. Это уже не этическая система, обладающая определенным нормативным значением в определенных ситуациях, поскольку находится на более низком уровне определенности, чем этика, и относится к установке, лежащей в основании специфических моральных решений и постулатов.

Установки «глубокой» экологии, как кажется, более всего соответствуют метафизическому духу «теологии процесса» (Дж. Кобб, Дж. Гриффин, Ч. Огден, Л. Форд, Дж. Браун и др.) [121, 126]. Продолжая традиции Чикагской школы теологии, находящейся в значительной мере под влиянием идей А. Уайтхеда [119], «процесс-теология» также противостоит антропоцентризму, отвергает дуализм органического и неоргани-

* Мистическая традиция холизма выражена, в частности, в «вечной философии» Дж. Хаксли: *That art Thou; Thou art That* — на основе *tat tvam asi* (Упанишады) [140].

ческого мира, дуализм человека и природы, центральным и всеобъемлющим понятием в «теологии процесса» выступает «жизнь». В социально-этическом и социально-политическом плане эта теория ищет действенную альтернативу антропоцентризму и пытается «пробудить чувство ответственности у человека», направить его не только на создание «этики биосферы», но и на реальное «освобождение жизни», что, по мнению процесс-теологов, восстановит принцип «внутренних отношений» (Уайтхед) — «неразделенное взаимовлияние организмов, конструирующих друг для друга среду обитания».

Метафизическое воплощение этого принципа представляет собой «экологическая модель Вселенной», где Вселенная — «живой, творчески развивающийся целостный организм», в котором взаимозависимость всего живого и неживого является онтологически значимой характеристикой «организма Вселенной». Человеческая природа и Космос соединены внутренней связью — «тканью жизни»; люди — «часть целой ткани жизни, а не агенты целенаправленных изменений» [121, с. 65]. В этом «экологическая модель» процесс-теологии противостоит субстанционалистским представлениям о вмешательстве внешних сил в развитие целостного организма, но «чрезвычайно важным фактором экологии, с необходимостью вносящим новые элементы в ткань жизни», признается культура. Новизна этих элементов культуры (их «неестественность»), освобождающая человека от природной необходимости, обуславливает разрыв человека и природы, разрыв «ткани жизни», человеческое «грехопадение», или «падение вверх», как его называют процесс-теологи (т.е. это — зарождение человеческой психики, способности трансцендирования, появление рациональных религий, урбанизации, НТП и проч.).

Свобода выбора, являющаяся движущей силой эволюции, «падения вверх», приобретает черты порочности в отрыве от природной основы, в утверждении дуализма биологического и социального. Жизнь, как констатировал Уайтхед, это грабеж, поэтому с появлением жизни как таковой обостряются вопросы морали: «грабитель» нуждается в оправданиях. «Экологическая модель» не утверждает, что жизнь не может быть оправдана в своем «грабеже», но призывает к установлению и принятию его границ на моральной основе. При этом концепция моральных пределов у процесс-теологов является независимой и первичной по отношению к вопросу о биофизических пределах. Первичность морали в процессе выживания «глобального сообщества» ставит пределы и социологическому изучению этого процесса; социология нуждается, утверждают процесс-теологи

(как и «глубокие экологи»), в «экологической теологии» с тем, чтобы расширить свой горизонт до восприятия и понимания «глобального сообщества сообществ», основанного на библейском чувстве солидарности*.

Несмотря на общность метафизических оснований процесс-теологии и «глубокой экологии», последняя достаточно критично относится к попыткам процесс-теологов разработать практическую экологическую этику. Хотя этот вариант этики и признает внутренне присущую ценность «не-человеческого» мира, он не устраивает «глубоких» экологов, поскольку предполагает все же дифференциацию ценности различных организмов в зависимости от их сложности, следовательно, в зависимости от их способности обогащать человеческий опыт. Поэтому центральным этическим постулатом процесс-теологии выступает «обязанность действовать с целью максимизации богатства опыта», его разнообразия, в том числе и путем «равноправного» взаимодействия с «не-человеческой» природой [126, 160].

Этот постулат «глубокие» экологи считают умеренно антропоцентристским, поскольку, по их мнению, истинно биоцентристская ценность живой и неживой природы безотносительна к условиям взаимодействия человека и природы, к какому бы то ни было (высоко нравственному или безнравственному) отношению человека к природе. Точка зрения процесс-теологов представляется приемлемой лишь в условиях отсутствия конфликтов ценностей, когда осуществляется «равное право каждого живого существа на жизнь и процветание», но не в условиях, когда эти конфликты неизбежны, когда «право» человека на «процветание» в соответствии с его традиционными представлениями о процветании ставится под сомнение «экологическим дефицитом». Стремление «глубоких экологов» подогнать все живое к единому (и одинаковому) измерению имманентной ценности В. Фокс назвал «прокрустовой этикой»: «Преследуя свою центральную интуитивную идею «единства»... глубокие экологи, видимо, упустили из виду важность аспекта «в процессе» (ведь «единство в процессе»). Внимание к этому аспекту предполагает, что каждый процесс постоянно создает непрерывные и неожиданные распределения (т.е. различную ценность) разных атрибутов (жизни. — С. Б.)... Если бы это было не так, то у нас не было бы процесса, а было бы совершенно однообразное, гомогенное и поэтому безжизненное поле. Един-

* Общество процесс-теологам представляется как «группа людей и других живых существ, оказывающих друг на друга глубокое влияние и жизнь которых тесно переплетена» [121; 160].

ственной Вселенной, где ценность распределена равномерно по всему полю, является мертвая Вселенная» [137, с. 199].

Таким образом, метафизический спор о наличии дифференциации уровней онтологических ценностей всего живого оказывается в тупике: с одной стороны, природа сама по себе, действительно, не дифференцирует ценность составляющих ее живых и неживых компонентов, для нее они в равной мере онтологически ценны (или в равной мере ценностно индифферентны); с другой — определенная дифференциация и иерархия неизбежны в процессе изменений, ибо ценностная гомогенность равносильна энтропии и вымиранию.

Выделение этого противоречия позволяет вести спор об онтологизированных ценностях до бесконечности, поскольку ни одна из сторон не признает того «антропоцентристского» факта, что наделение ценностью, равно как и ценностная дифференциация, — явления социального происхождения. «Биологического оправдания для консервации не существует, — считает П. Флейшмен. — Природа не будет нуждаться в журавлях, кондорах или красных лесах больше, чем в миллионах других утраченных видов. Консервация основана на человеческих системах ценностей, ее обоснование находится в человеческом сердце...» [135, с. 26].

В целом значение биоэтических мотивов для инвайронментализма заключается в необходимости «обуздания человеческих амбиций перед лицом природных сил»: природа оказывает «сопротивление», которое человек игнорирует ценой опасностей для собственного выживания, но которое он может принять и понять к своей неоченимой выгоде. Кроме того, биоэтика предполагает наличие так высоко ценимых инвайронменталистами «пределов», которые не подлежат обсуждению; «пределы» устанавливают определенный тип нравственности для человека, бросают вызов его одаренности, «человечности», требуют особого рода ответственности за все живое.

Однако принципиальная новизна и необходимость «новой биоэтики» зачастую подвергаются сомнениям со стороны инвайронменталистов: «В некотором смысле... новая этика невозможна, — резюмирует Р. Этгфилд свое исследование новых биоэтических альтернатив, противостоящих традиционной (в основном иудео-христианской) морали в отношении природы (Дж. Пэссмор, Р. Рутли, П. Сингер [159, 163, 166]), — большее, что возможно, — это пересмотр нормативной теории... Суждения, на которых основывается теория, должны происходить из существующих моральных традиций; что касается ответственности перед природой... издавна существовали традиции,

включающие некоторые верования в существование имманентной ценности нечеловеческих существ, которые теперь защищаются от имени новой инвайронментальной этики» [120, с. 225].

Более того, некоторые инвайронменталисты полагают, что, обсуждая вопрос об инвайронментальной этике, следует выйти за рамки этики как таковой и принять в расчет характеристики мировоззрения в целом, эмпирические гипотезы, социальный анализ и т. д. [163]. «... Новая инвайронментальная этика, — по мнению Дж. Томпсон, — не может просто накапливаться до пропорции новой системы ценностей. Революция в этике требует также революции в идеях о социальном существовании» [168, с. 91].

Что касается радикальных изменений в этической теории, то они коснулись прежде всего, несмотря на попытки сосредоточить внимание на неких независимых от человека онтологических ценностях, места человека в окружающем мире... Главными аргументами против антропоцентризма стали: во-первых, эволюционная теория (человек — продукт эволюции, один вид из многих, существует до тех пор, пока позволяет несущая способность среды) и, во-вторых, экологическая теория (взаимодействие человека со средой, частью которой он является, зависимость выживания человека от выживания других живых существ, конституирующих его среду).

Другими словами, основные нововведения инвайронментальной этики заключаются в признании зависимости человеческой самореализации от качества среды и характера взаимодействия со средой, откуда вытекает отрицание инструментального отношения к среде, т. е. исключительно как к «средству», и абсолютизации ее значения для человеческой деятельности как «условия» [11]. При этом немаловажно отметить, что изменение восприятия места человека в окружающем мире еще не означает переоценку ценностей (совпадение изменения ценностных ориентаций с изменениями научных представлений свидетельствует как раз об инструментализме подобных ценностей). Этические установки не меняются одновременно с научными теориями, независимыми от социальной практики. Более того, инновационные теории, о чем было сказано выше, не могут привести к появлению «новой парадигмы», не будучи соотносенными с социальной практикой. Однако при этом социальная практика не исчерпывается исключительно соотношением нравственных ценностей.

Инвайронменталистам в определенной мере удалось четко разграничить и противопоставить друг другу объективно-нормативный аспект биоцентристских ценностей (природная среда

как условие для человека) и субъективно-установочный (среда как средство), но при этом в инвайронментальной этике не было достигнуто единства этих двух аспектов — восприятия природной среды как единства с природой, как цели человеческой деятельности (воспроизводственной), как культурной тождественности человека.

Целостное восприятие природной среды, необходимое для эффективного ее воспроизводства, предполагает определенную культурную целостность системы человеческих отношений; инвайронментальная этика предполагает наделение биоцентристских ценностей особой значимостью за счет принижения других, «антропоцентристских» ценностей. В инвайронментальной теории биоцентристские ценности выступают и как ориентиры, и как факты, и как средства, и как цели социального исследования. Однако синтез этих многообразных значений биоцентристских ценностей не выходит за рамки теории, оставаясь на когнитивном уровне.

Сталкиваясь с необходимостью выделения своих ценностных установок на экзотерический уровень, в социальную практику, инвайронменталисты вынуждены признать недостаточность просветительских методов. «Новые биоцентристские ценности» внедряются не изолированно от разнообразия других человеческих ценностей, взаимовлияние различного рода ценностных структур неизбежно, как и различное восприятие биоцентризма различными социальными группами и субкультурами. Несомненно, что положения биоэтики наравне с прочими могут (а в определенных ситуациях должны) приобрести ценностное значение. Однако требование инвайронменталистов отвести им главенствующую роль в системе ценностей оказывается призывом к жертвенности, к отказу от привилегий; биоэтические постулаты наделяются ценностным статусом «не от щедрот» человеческой культуры, но за счет «отказа» от определенных ее преимуществ, связанных с риском для выживания.

Но «принятие неизбежной неопределенности и осознание необходимости действовать лишь с частичным знанием, т.е. с риском, — замечает У. Такер, — и делает человека тем, что он есть... осознавая этот риск, человек живет в гармонии с природой» [37, с. 76]. «Отказаться» же от уже достигнутых преимуществ цивилизации человека можно только заставить, и по мере того, как обнаруживается неэффективность просветительских кампаний, инвайронменталисты все чаще обращаются к «силовой стратегии» (бойкоты, судебные разбирательства, обращения в законодательные органы, создание собственных лобби и т. п.), т.е. обращаются к политическим средствам

осуществления биоцентристского идеала — устойчивого, самообеспечивающегося общества.

Вступление инвайронменталистов в сферу политики способствовало поляризации движения на «группы интересов», каждая из которых выбирала свои политические средства в локальных конфликтах; бывшее единство инвайронментального движения сменилось противоречиями по поводу выбора политических средств в защиту новых ценностей. Биоэтические установки стали переводиться в операциональные понятия политики (политизация инвайронментальных ценностей), поскольку «средства» выступают как операциональные определения «цели». Это, в свою очередь, стимулировало формирование различного рода инвайронментальных политических теорий; инвайронменталисты стали говорить об «экологизации политической парадигмы».

2. «Экологизация» политической теории

Появление «экологических» образцов политической теории было обусловлено как необходимостью внедрения инвайронментальных ценностей в социальную практику, преобразования различных социальных институтов, в том числе институтов власти, так и потребностью решения конкретных экологических проблем на локальном уровне. Кроме того, перевод глобалистской «экологической метафизики» на язык политической теории способствовал дальнейшей конкретизации инвайронменталистских понятий, увеличению разнообразия контекста, в котором они функционируют, и, наконец, созданию концептуального образца оптимального, «экологически оправданного», политического режима. «До тех пор, пока «экология» соотносится только с внешней экосферой и не служит обобщающей метафорой, проясняющей и путеводной в области политики, — считает Дж. Родмен, — она не приобретает статуса культурной парадигмы» [161, с. 73]. Однако это не означает, что с появлением инвайронментализма может быть провозглашена смена политической парадигмы и «новая парадигма» может быть установлена путем теоретического декретирования.

Поэтому инвайронменталисты, доказывая правомерность утверждения новой экологической парадигмы в политической науке, связывают появление кризисных процессов в американской политике с экологическим кризисом: кризис «участия» (не имевшие доступа к власти социальные группы — этнические меньшинства, студенчество, женщины и проч. — делают заявки

на участие в институтах власти) и акты «гражданского неповиновения» (терроризм, так называемые «бунтари») выходят за рамки установившихся (легитимных) политических каналов. В качестве непосредственной причины этого кризиса принимается, как правило, несбыточность «американской мечты» о «земле обетованной» с ее демократическими идеалами, но, как считают инвайронменталисты, в основе этого лежит экологический кризис: «земля обетованная» не только недостижима для всех в равной мере, но и само ее «качество» становится сомнительным.

Другими словами, соответствующие (кризисные) условия для перевооружения политического мышления и появления новой парадигмы сложились; ее характер и содержание будут зависеть от того, какую интерпретацию получит «экологический кризис» в политической теории и как вообще происходит смена парадигмы в политике. «Если экологический кризис понимается как совокупность отдельных, не связанных друг с другом проблем загрязнения, а господствующая парадигма рассматривается в терминах политически регулируемой рыночной экономики, то нет ничего невозможного в том, что некоторые комбинации регулирующих инициатив и технологических новшеств смогут удержать загрязнение на допустимом уровне, — рассуждает Дж. Родмен. — Если акцентируется взаимозависимость экологических проблем так, что оскудение среды, энергетический дефицит, новая информация и кризис «участия» рассматриваются как аспекты одной многофакторной системы кризисов, а существующая парадигма включает почти универсальное стремление к индустриализации и технологическому доминированию над природой... которое наталкивается на «пределы роста», то можно предположить сдвиг парадигмы» [161, с. 50—51].

Что именно означает «сдвиг» в политической парадигме, демонстрируется на исторических прецедентах.

Переход к «экологической» парадигме в политике сравнивается с переходом от «классической» (античной и средневековой) к политической парадигме Нового времени (представлена Гоббсом и Локком), а затем — к современной. Так, основной характеристикой, выявляющей специфику каждой из парадигм, выступает образец так называемого «достойного образа жизни», предлагаемый той или иной парадигмой в соответствии с политической культурой своего времени. В «классической» парадигме — это следование законам «доблести» (*virtù areté*), отличительной человеческой способностью является способность превзойти в себе растительную и животную природу, в

отношении внешней природы провозглашается идеал автаркии — минимум требований к окружающей среде, включающий и понятие «пределов» и требующий отказа от всякого излишества: космическое и «трагическое» мировоззрение напоминает человеку о земных предустановленных пределах его существования.

Политическая наука, следующая этой парадигме, должна была определить (или описать) тот тип политического устройства, при котором наилучшим образом сможет реализоваться требование следования *virtù*, стоического «следования природе», требование «духовной самодостаточности». Парадигма Нового времени заменяет *virtù* на «собственность» и «богатство»; основные ценности, в соответствии с которыми формируется поведение «политического человека», выражаются локковским лозунгом: «жизнь, свобода, собственность». Собственность становится центральной метафорой политического мышления, позволяющей привести к общему знаменателю все социальные отношения. «Собственность и терпимость» как выразители общего пафоса Общественного договора оказались в центре внимания, как представляется инвайронментальным политологам, в условиях нарастания производства и потребления в «век изобилия» (открытие и освоение новых земель и ресурсов второго полушария; утверждение психологии и поведения «пионерского типа», социальная конкуренция, агрессивная эксплуатация природной среды).

«Классические» представления о внешних и внутренних «пределах» человеческого существования и развития сменяются идеями «прогресса» и «свободы» человека от каких бы то ни было ограничений, гоббсовская «война всех против всех» в Новом Свете оборачивается «войной всех против природы». «Так же как обратной стороной античной демократии было рабство, так обратной стороной «свободы» Нового времени было господство и эксплуатация внешней природы, — замечает Дж. Родмен. — Диалектика перехода от «классической» к «новой» парадигме предполагает наличие неумной, ненасытной, трансцендентной черты человеческой природы, в которой выделяется либо ее духовность, либо ее материальность. Если это так, то и «экологическая» парадигма должна определить свой фокус» [161, с. 62—63].

Современная политическая парадигма, сместившая акцент с «собственности» на «уровень благосостояния», в своем общекультурном значении отличается стремлением избавиться от преобладающего в предшествующих политических парадигмах символического и аналогического мышления, представляющего

политическое устройство по аналогии с представлениями о «душе», «космосе», «механизме», «организме» и т. д. Теперь же инвайронменталисты предлагают, как кажется Дж. Родмену, новую аналогию — экосистему: «... появление экологической парадигмы в политической науке может быть только последней формой, которую принимает бесконечный процесс приспособления политики к космосу». Тем самым подчеркивается, что наши теоретические представления о природе и обществе формируют друг друга по собственному образцу. Поэтому «формирование», «установление» новой политической парадигмы представляется занятием умозрительным, если не удастся обнаружить реально проявляющиеся противоречия между существующей политической парадигмой и политической практикой, которые в свою очередь находят отражение в появлении «аномалий» в рамках существующей парадигмы, свидетельствующих о необходимости «новой».

«Новая» политическая парадигма на начальном этапе своего формирования включает в себя эти противоречия и не «выходит из рук творца» законченным, единым целым. В экологизированных политических теориях основное противоречие сводится к конфликту между двумя образцами «устойчивого общества»: централизованным, авторитарным обществом, способным мобилизовать политическими средствами силы общества для преодоления сложнейших проблем, связанных с «экологическим дефицитом» [158], и децентрализованным, основанным на принципах автономизма, федерализма и демократического участия, позволяющим наиболее эффективным образом решать локальные экологические проблемы [164, 165].

Наиболее одиозный образец «авторитарного» варианта «устойчивого общества» представлен в работе У. Офалза «Экология и политика дефицита» (1977)*, хотя кроме «авторитарного» пафоса она содержит и «демократические» отступления, и «радикальные предложения». Отмечая противоречивость этой работы, Дж. Родмен пишет, что автор ведет читателя от знакомой «трагедии общины» и конца «великой границы», от крайностей «экологического дефицита» и неспособности политики рыночного типа выработать долгосрочную и согласованную политическую программу через риторику о «необходимости совершенно новой политической философии и системы политических институтов» и через заигрывание с гоббсовским Левиафаном и

* Эта книга получила премию Американской ассоциации политических наук за лучшее сочинение по американской национальной политике за 1977 год и премию Ассоциации международных исследований за лучшую книгу по международным отношениям за 1977 год [158].

платоновскими правителями, «экологическими мандаринами», и «принуждение людей быть свободными» (а-ля Руссо) и, только подходя к концу, подобно «блудному сыну», возвращается к «истинно американскому представлению о политике», в качестве которого принимается децентрализованная джефферсоновская политика относительно малых, замкнутых, локально автономных и самоуправляющихся сообществ, привязанных к земле (или другим локальным экономическим ресурсам) и объединяющихся на федеральном уровне лишь для немногих четко определенных целей [161].

Однако разнообразие тематики этой работы не умаляет ее основного назначения — обоснование необходимости в условиях экологического кризиса политического строя, основывающегося на строгой централизации и «строжайшем политическом контроле» за всеми социальными институтами. Современная западная политическая мысль не способна представить адекватную новой экологической ситуации политическую программу, поскольку основным ее изъяном, по мнению У. Офалза, является непонимание (или непризнание) «пределов» (Офалз не дает четкого разграничения «пределов» внешних и внутренних, но в ходе его рассуждений абсолютизируется в целом значение внешних «пределов»).

Современная политическая идеология — «это неограниченная идеология безграничности», подкрепляющая экономическую «ростоманию». Будучи придатком рыночной экономики, американская политика перенасыщена «рыночными» (экономическими) понятиями и фактически стала уже эпифеноменом рынка, суррогатом политики. Политика (политическая теория) утрачивает свой аутентичный смысл, как только центром ее внимания перестает быть «власть», заменяемая какими-либо другими понятиями (например, «собственностью»). Офалз называет это утратой «истинной» политики или недостатком политики, основы которого были заложены локковским либерализмом, постулировавшим «эру практически бесконечного изобилия». Либерализм для У. Офалза — это «философия трезвости, рожденная в страхе, вскормленная разочарованием и склонная верить в то, что положение человека было и остается плачевным и тревожным» [171, с. 293—294].

Увлекаясь приписыванием Локку крайне прогрессистских взглядов, форсирующих «экологический дефицит», Офалз отказывается признать тот факт, что политика либерализма и рыночная экономика соединяются на основе наличия, говоря словами У. Офалза, «дефицита» в гражданском обществе.

«Невозможно кому-либо стать богаче, — пишет Локк, — без того, чтобы это не было кому-либо в ущерб» [Цит. по: 139, с. 17]. Предположения о «бесконечном прогрессе» и «бесконечном изобилии» неизбежно ведут к утверждению эгалитаристских идей, в чем вряд ли можно заподозрить локковский либерализм.

Так же, как недооценивает Офалз наличие «пределов» в локковской политической теории, он преувеличивает и непосредственность связи дефицита (ограниченность средств достижения желаний) и конкуренции у Гоббса. Конкуренция представляется У. Офалзу естественным следствием бесконечности желаний и конечности ресурсов (кооперация в этом случае могла бы быть не менее естественным следствием). У. Офалз упускает из виду то, что предметом конкуренции являются не сами средства удовлетворения желаний человека, но контроль над этими средствами, т.е. в гражданском обществе «естественная» конкуренция превращается в борьбу за власть. В этом смысле гоббсовская конкуренция свидетельствует не о состоянии дефицита ресурсов, как это представляется У. Офалзу, но о наличии определенного распределения этих ресурсов. У. Офалз не интересуется проблемой распределения и не учитывает того, что «дефицит» и его распределение — усугубляющие друг друга явления. Локковский либерализм в этом смысле определял достаточно четко «пределы» властных полномочий сохранением «пре-гражданских» прав собственности, т.е. перераспределение «дефицита» политическими средствами Локком не допускалось. Характер реакции на «дефицит» не является непосредственным следствием наличия «дефицита» как такового, но следствием его распределения. Однако такое соотношение неприемлемо для У. Офалза, поскольку обращение к распределению поставило бы перед ним проблему социальных «пределов», лежащих в основе «дефицита», и социальных детерминант распределения власти, ограничивающих политический волюнтаризм в его концепции.

«Истинная политика» У. Офалза, освобождаясь от социального опосредования, напрямую связана с «естественной необходимостью» — внешними биофизическими пределами. «Предписания природы должны стать нашей политикой, если мы хотим выжить, — таков приговор Офалза, — политика должна корениться в физических реалиях биосферы» [133; 158, с. 12].

Из основной политической цели — выживания общества — следуют две основные политические задачи: обеспечение

биологических потребностей общества и установление условий, благоприятствующих репродукции. Ни одна из них не выполняется без «природного обеспечения» и в этом смысле должна основываться на экологическом фундаменте» [158, с. 7]. Но определение экологических закономерностей — дело экспертов; истины, ими добываемые, должны претворяться в жизнь посредством власти, силы, способной добиваться правильных решений: истина, наделенная силой, и сила, воодушевленная истиной, должны соединиться в руках правящей экологической элиты, «которая поведет несведущих к новому миру» [158, с. 223].

Воссоединение «политики истины» и «истинной политики» создает новую реальность; сами эксперты в этом процессе представляют собой «инструменты истины, наделенные властью»; все, что они предписывают обществу, предопределено, нормативно оправдано и выгодно, поскольку они руководствуются высшими ценностями («биоцентристскими», вероятнее всего) [158, с. 227]. Однако, смягчая авторитарный тон, У. Офалз все же налагает на властвующую элиту «конституционные ограничения» в виде «пригодной для такого управления системы ценностей» [158, с. 227].

Не принимая социальных источников легитимации власти, ограничивающих ее абсолют, У. Офалз вынужден соединять в своей теории реализм абсолютной власти с идеализмом попыток ее легитимации с помощью экологических императивов, принимающих в философской интерпретации вид биоцентристских ценностей. В политической антиутопии У. Офалза наиболее ярко проявляется их ограничительный характер, прежде всего в отношении свободного развития человеческой активности, подавление которой, в случае необходимости, устанавливаемом экспертами, вполне оправдано как политически, так и морально. Преобразование экологических идеалов в экологические ценности импонирует У. Офалзу, стремящемуся обосновать насилие «высшими принципами»: «... подход к политике с точки зрения философской перспективы вместо поисков легких ответов, согласующихся с настоящими предрассудками», призван стать подтверждением истинности новой политики [158].

Новые, обоснованные философским анализом, ценности, по У. Офалзу, должны исходить от лиц, наделенных эзотерическим знанием, и внедряться властными способами. И здесь вряд ли можно согласиться с Дж. Родменом, который пытается представить внешние биофизические пределы в теории

У. Офалза как проекции якобы осознанной им внутренней ограниченности моральных ценностей*.

Признаваемая Офалзом моральная ущербность приписывается им ценностям современного индустриального общества, не приемлющим «пределов», поэтому маловероятно, чтобы они могли стать проекцией биофизических пределов; их основной внутренний изъян, в глазах биоцентристов, как раз и заключается в непонимании и неприятии каких-либо «пределов» в качестве морального императива. Поэтому не осознание ценностной ущербности является причиной установления внешних ограничений, но признание необходимости этих внешних пределов, их абсолютизация и наделение их некоей субстанциональной значимостью являются источником биоцентристских ценностей, призванных, по мысли У. Офалза, вернуть современное общество к образцу «политического домостроя», основанного на традиционных, патриархальных (в том числе религиозных) предписаниях. Если экология занимается «изучением хозяйства всего человеческого рода в его тотальности», то политика, основанная на экологии, должна стать политикой хозяйствования (домостроя), которая не предполагает выбора или плюрализма, но служит необходимости и единству [158]. Эта строгая иерархия домостроя допускает лишь одно равенство — «равенство судеб» перед лицом внешней (биофизической) катастрофы; когда обеспечено тотальное единство при наличии «макроограничений» (автократия, насилие), можно допустить и некоторые «микросвободы» (автономия и демократия). У. Офалз, подобно «новому Макиавелли», намерен сначала объединить и мобилизовать свою модель «устойчивого общества» под началом централизованной власти (хотя бы даже путем насилия), а уже затем «облагородить» авторитарный режим введением демократических свобод, придав ему вид «республиканского».

Политическое теоретизирование У. Офалза противостоит другой экологической альтернативе в политике, характеризующейся тенденциями к децентрализации, деюрократизации и т. п. В этом случае логика вывода новой политической конст-

* Дж. Родмен ссылается на цитату из книги У. Офалза: «Экологический кризис может рассматриваться прежде всего как моральный кризис, когда безобразия и разрушение вне нас, в нашей среде, просто являются отражениями духовной пустыни внутри нас; болезни земли отражают болезни души современного индустриального человека, вся жизнь которого подчинена... болезни бесконечного приобретения и расточения, которые никогда не смогут удовлетворить его истинных вожделений и должны, в конце концов, завершиться культурной, духовной и физической смертью» [158, с. 232].

рукции общества из исходной посылки — биофизических пределов социоэкономического роста — строится на основе диалектики взаимодействия «экономически желательного» и «экологически нежелательных последствий» достижения искомого. Наиболее тщательной разработкой этой диалектики отличаются работы А. Шнайберга [164, 165], который основным движущим противоречием взаимодействия социальных систем и экосистем считает качественные различия динамики их развития: эволюция экосистемы от простой к более сложной сопровождается замедлением ее развития, реакции на инновации; социальные системы, усложняясь, увеличивают темпы развития благодаря кумулятивным процессам, позволяющим использовать прирост энергии в будущем. А экосистемы, достигая устойчивого (равновесного) состояния, допускают развитие и рост ровно настолько, чтобы покрыть прирост энергии. Таким образом, развитие культурных механизмов в социальных системах находится в противоречии со стремлением экосистем сохранять устойчивое равновесие [164]. Поэтому социальная постановка экологической проблемы возможна лишь тогда, когда «физический» факт принимается в соотношении с его социальной оценкой: «какой уровень экологического ущерба допустим и для какого уровня экономической экспансии» или «в какой степени допустима природоохранная активность и для какого уровня сокращения экономической экспансии» [165, с. 6].

А. Шнайберг предложил различать три варианта разрешения таким образом поставленной проблемы: 1) «экономический синтез»: направлен на максимизацию экономической экспансии, экологические проблемы игнорируются, наиболее характерен для большинства индустриальных обществ; 2) «планируемый дефицит»: узкое определение экологических проблем, фрагментарное их решение при сохранении поступательного экономического роста; 3) «экологический синтез»: долгосрочные и комплексные прогнозы и решения экологических проблем при строгом контроле за экономическим ростом, что стимулирует «социетальную переориентацию» к «устойчивому обществу».

Эти три позиции возможно рассматривать как континуум «экологического интереса», и большинство индустриальных обществ, как считает Шнайберг, строят свою экологическую политику по второму образцу. Однако дальнейшее развитие взаимодействия социоэкономических систем потребует сдвига в ту или иную сторону. Для того чтобы этот сдвиг произошел в сторону «экологического синтеза», необходимо остановить развитие так называемого «экономического наступления», провоцируемого, по

мнению А. Шнайберга, монополистическим сектором в экономике. Монополистический сектор характеризуется как капиталоемкий, вытесняющий труд, перекладывающий расходы по развитию инфраструктуры, научных исследований, компенсации социальных проблем роста, и в том числе по решению экологических проблем, на общественные субсидии и правительственный бюджет. А это неизбежно влечет за собой финансовый кризис государства (финансовый дефицит госбюджета) и недовольство налогоплательщиков.

В условиях господства монополистического сектора государственная бюрократия вынуждена выполнять противоречивые задачи: с одной стороны, создавать благоприятные условия для накопления капитала, а с другой — обеспечивать легитимацию существующего «социального мира». Учитывая первую свою задачу, государство не может заставить частный капитал вкладывать средства в менее выгодные трудоемкие технологии; при этом во избежание финансового кризиса и дефицита госбюджета необходим рост налоговых доходов, который обеспечивается экономической экспансией: «социальный мир» может быть достигнут в кратчайший период и с меньшим напряжением для госбюджета только путем ускорения экономической активности и увеличения занятости. Получается, что успешное решение экономических проблем зависит от экономической экспансии, что политическая реакция на социальные, экономические и экологические проблемы, обусловленная «наступлением производства», становится политикой еще большей экономической экспансии.

Выход из состояния «экономического синтеза» заключается в перераспределении «экологического дефицита», в переходе от монополизации к децентрализации частного бизнеса на более низком уровне энергоемкости. Перераспределение предполагает и изменения в стратификации, характер которых указывает на то, что движущей социальной силой перехода к «экологическому синтезу» должны стать «низшие классы». Но при этом, как справедливо отмечает А. Шнайберг, обеспечение стабильного личного дохода каждого еще не означает социального благосостояния общества в целом, которое зависит от наличия и роста общественных фондов на социальное обеспечение, образование и т. п., в том числе и на природоохранные мероприятия. Поэтому переход к «экологическому синтезу» должен быть осуществлен государством, которое откажется от политики «экономической экспансии».

Каким образом государственная бюрократия, всецело зависящая от монополистического сектора, может отказаться от

политики, им диктуемой? К этому ее вынудят реалии экологического кризиса, биофизические пределы «наступления производства», дополненные «кризисом доверия» к решению проблем путем «наступления производства», что, в свою очередь, будет способствовать формированию новых приоритетов в политике, новых ценностей [164].

Аналогичный механизм реформы государственной политики предлагает и Л. Милбрэт: нарастающий экологический кризис будет способствовать осознанию того, что существующая социальная система «работает» плохо: сначала это осознается элитой, которая собирает точную информацию о «болезнях» общества, что, в конечном счете, приводит ее к выработке нового образца системы; затем элита сообщает свои соображения по поводу лучшего пути развития остальной общественности; чем больше люди просвещаются, тем охотнее они присоединяются к новому движению; рано или поздно лидеры движения должны «попытаться оказать влияние на политику правительства» и, если возможно, победить на выборах; в случае успеха новое правительство сможет провести желаемое социальное изменение.

Очевидно, что американские «экологические» модели политического устройства, несмотря на различия, в равной мере отводят центральное место правительству в решении проблем, связанных с переходом к «экологически оправданному» политическому режиму, — будь то централизованный тоталитарный режим или децентрализованный и автономистский. Разница лишь в том, какой мерой власти, в конечном счете, наделяется правительство для решения поставленных задач. А этот спор о полномочиях государственной власти отнюдь не является новшеством для американской политической теории и ведется еще со времен «отцов-основателей».

Инвайронменталисты лишь в новой форме и по новому поводу имитируют дискуссию между сторонниками централизованного, федералистского, националистического правительства и защитниками «прав штатов», децентрализованной автономистской модели демократии «джефферсоновского» типа*. Существо разногласия, как известно, заключалось в столкновении интересов крупного промышленного и финансового капитала с интересами массы мелких фермерских хозяйств. Это же противо-

* Авторитет «экологической элиты» Офалза, ограниченный системой моральных ценностей, напоминает «вольное толкование конституции», или «метод Маршалла»; судья Маршалл, будучи сторонником сильного федерального правительства, стремился ограничить его вмешательство в дела частных корпораций.

речие заложено и в основе сегодняшних инвайронменталистских разногласий по поводу политического устройства. Кроме того, ценностно-ориентированный подход к политическим вопросам, подразумевающий апелляцию к моральным императивам, также характерен для американской политической мысли с самых ее истоков. Либерализм американской конституции, имеющей в основе теорию естественного права, предполагает, что правительство получает власть с согласия подданных и должно ее употребить на их благо. Если же законы, устанавливаемые верховной властью, преступают естественное право, они не имеют морального оправдания и гражданин не обязан им подчиняться. Отсюда берет начало право суда на толкование конституции, которое, как правило, и заключается в обращении к естественному праву, общественной и политической нравственности, интересам общественного благополучия и т.п. На этой основе может быть отклонен тот или иной законодательный акт, принятый на федеральном уровне, и ограничен суверенитет федерального правительства или правительства штата. «Американской системе права, — пишет М. Коэн, — свойственно смешивать закон и мораль и фактически делать мнение судей об общественной морали законом страны... Народ имеет право не соблюдать закон, если он кажется ему неоправданным или противоречащим разуму. Развитие нашего конституционного права превращает это моральное право людей в законное право суда» [39, с. 153].

В этом смысле инвайронменталистские политические концепции представляют собой новейший образец «вольного толкования» в соответствии не только с «естественным правом» человека на выживание, но и с «правом естества» — природы в целом — на выживание.

Не увлекаясь, однако, историческими аналогиями, свидетельствующими о преемственности политических традиций в «новой политической парадигме», следует выделить и сравнительно новые настроения, привносимые инвайронменталистами в политическую культуру.

Прежде всего предлагается новое распределение приоритетов в политике. Если традиционное основывается на иерархии (в порядке убывания значимости): национальная безопасность, общественное здоровье, экономический рост и занятость; перераспределение (региональное развитие, распределение доходов, равные социальные возможности); качество среды и экологическая гармония, — то инвайронменталисты считают недопустимым положение, когда ради достижения целей высшего порядка приносятся в жертву цели низшего порядка, т.е. инвайронмен-

тальные ценности. «Каждая цель в равной мере оправданна и существенна для достижения лучшего общественного устройства», — заключает Т. О'Риордан. Среди равноправных политических приоритетов можно назвать: перераспределение (равные социальные и политические возможности, региональное разнообразие, самоопределение общества); качество социального существования (мирное международное сосуществование, охрана общественного здоровья, минимальный уровень жизнеобеспечения); качество экологического существования (признание естественных пределов и возможностей, стабильность и непрерывность в экосистеме, охрана экологического разнообразия и уникальности) [134]. Природа становится символом политической справедливости, новой метафорой для политической теории. Если, как, например, считает У. Лейсс, установка и поведение в отношении природы являются, скорее, «пассивным» результатом эволюции социальных и политических институтов, нежели «активным» компонентом, формирующим эти институты, то единственно возможным и реальным конструктивным инвайронментальным изменением должна стать «новая система социальных институтов, в которых ответственность и власть распределены широко среди общественности и в которых все индивиды поощряются к развитию своих критических способностей» [144, с. 197]. В этом же направлении следуют и рассуждения Л. Маркса: только переоценка господствующих сил — монополистического бизнеса, военного истеблишмента, научной и технологической элиты и порожденного ими экспансионистского этоса — высвободит все многообразие возможностей, предназначенных человеку природой, и положит конец взглядам на природу как на источник власти [146].

Следует также отметить, что в «экологический» тип политической культуры кроме безусловных биофизических пределов вошли и другие элементы: раннесоциалистическая идея сообщества, «коммуны» (американский прецедент, например Брук-Фарм), расширена до «биотического сообщества», «глобального сообщества», и может служить оправданием глобалистской экополитики; идея необходимости сохранения разнообразия как реакция на унифицирующие тенденции тоталитарных режимов дополняется необходимостью сохранения экологического разнообразия и сопротивления антропоцентристскому утверждению исключительно человеческой монокультуры; внешние биофизические пределы могут рассматриваться как дополнение к теории «естественного права», в своем расширенном толковании ограничивающей суверенитет власти не только человека над человеком, но и человека над природой. Не следует,

однако, преуменьшать факт абсолютизации инвайронменталистами значения «внешних» пределов в отношении «внутренних» (социальных и личностных). «В той мере, в какой пределы воспринимаются как внешние, — рассматривает соотношение «пределов» и власти Дж. Родмен, — они могут навязываться нам авторитарными правительствами; чем больше они воспринимаются как возникшие из внутреннего, личного или социального опыта... тем в большей мере «пределы индивидуального и социального роста» становятся «естественными», и соответствующая функция правительства состоит уже не в подавлении роста, но в том, чтобы не форсировать его темпов и способствовать переходу к устойчивому обществу» [161, с. 72].

Политическое теоретизирование инвайронменталистов, тем не менее, не дает ясного ответа на вопрос: что все-таки происходит — «экологизация» политической теории или «политизация» экологической парадигмы? Является ли политическая теория необходимым осмыслением биоцентристских ценностей для проведения их в социальную практику, в процессы принятия решений на уровне социальной политики, или же она использует инвайронментальные ценности в качестве еще одного средства легитимации существующих политических приоритетов (или даже, как считают некоторые политические теоретики, «экологизация» выступает также удобным приемом снятия напряжения, отвлечения внимания от острых политических проблем, т. е. средством деполитизации)? Эти вопросы не могут быть прояснены на теоретическом уровне, поскольку касаются *реального* соотношения средств и целей: в каком случае достижение «экологически оправданного» типа политической культуры, ориентированного на биоцентристские ценности, является целью, предполагающей политические средства, а в каком — выступает в качестве одного из многих средств достижения «традиционных» политических целей. Это реальное соотношение выявляется в практике (в том числе и в политической практике) инвайронментального движения, в характере деятельности различных «групп интересов» и различных субкультур в инвайронментальном движении.

3. «Политизация» инвайронментального движения в США: биоцентристские ценности в социально-политическом процессе

Обращаясь к практике американского инвайронментального движения, следует иметь в виду ряд особенностей, отличающих его от аналогичных движений в Европе. Американскому инвай-

ронментализму в целом чужды популярные в европейском экологическом движении идеи анархизма, базовости, антигосударственности, антипартийности, недоверия к официальным политическим институтам [152]. В своей политической деятельности инвайронментальное движение ориентируется на участие в традиционных политических институтах, с использованием традиционных политических средств. Требования «радикального изменения социальной системы» не содержат чего-то принципиально нового или неожиданного для американского общества: их осуществление должно проходить мирным путем и ориентироваться на реализацию в политике подлинных «американских демократических идеалов». Эти различия во многом определяются исходными посылками развития современного этапа экологических движений (конец 60-х — начало 70-х годов). Если европейские движения были тесно связаны с выступлениями «новых левых», студенческими волнениями и т. п., то инвайронментальное движение в США, наследуя традиции элитизма, мелиоризма, прагматизма «консервационистов», пришло на смену движениям «за гражданские права» и против вьетнамской войны, выступая и в качестве отвлекающего маневра, и как следствие разочарования американской молодежи этими движениями. Вполне понятно, что инвайронментализм не принимает и популярной в Европе доктрины «морального тождества», возлагающей всю ответственность за последствия различного рода кризисов (в том числе экологического) прежде всего на сверхдержавы и рассматривающей их политические и социальные институты как индифферентные в отношении моральных экологических императивов.

Кроме того, американские инвайронменталисты не столь подвержены настроениям технофобии, как европейские экологи: значительная часть инвайронменталистов возлагают надежды в решении экологических проблем на совершенствование технологий. Социальная база инвайронментализма настолько аморфна, что не позволяет определить специфические политические интересы движения, направляющие его политическую активность. Неизменно стабильными характеристиками инвайронментализма остаются биоцентристские ценности, «пределы» материального развития, настроения «антироста».

«Инвайронменталисты любят утверждать, — замечает У. Такер, — что они действуют в общих интересах, но... все же остается чувство, что есть еще и специальный интерес. Какой? Кто такие инвайронменталисты? Может быть, они настолько добры, что готовы отказаться от погони за материальными благами и разделить свое богатство между бедными?»

Может быть, они настолько решительны, что готовы отказаться от своей собственности?» [37, с. 4—5].

К настоящему времени американский инвайронментализм представляет собой ценностно-ориентированное (в отличие от нормативно-ориентированного, соглашательского) движение, которое объединяет около 12 тыс. организаций*, число которых ежегодно увеличивается на 250. По результатам опросов, инвайронментализму симпатизирует от 60 до 80% населения. Первичные организации располагают собственным штатом лоббистов, бюрократическим аппаратом, оказывают значительное влияние на законодателей. Большинство организаций создано в последнее десятилетие; они заняты в основном текущими вопросами локального характера. Достаточным основанием для членства в инвайронментальной организации считается признание существования экологической опасности. Хотя в движении и существуют определенные разногласия, тенденций к расколу не намечается, поскольку многие инвайронменталисты входят сразу в несколько локальных организаций. Лидерство принадлежит «высшему среднему» и «высшему» классу; около 10% общестности США заявляют о принадлежности к этим организациям, но активно участвует в их деятельности около 1%. Эта группа активистов — представители «среднего класса» со сравнительно высоким уровнем образования и доходов. Активность проявляется мирно, в удобной для «молчаливого большинства» форме безопасного протеста и по официальным каналам [33].

Среди наиболее крупных организаций выделяются: Совет по защите природных ресурсов, Институт инвайронментальной политики, Федерация национальной дикой природы, Фонд инвайронментальной защиты, Американская лига Исаака Уолтона, Сьерра Клуб, Национальное общество Одюбона, Ассоциация национальных парков и консервации, Общество дикой природы, Друзья Земли. Стиль руководства в последнее время ориентирован более проблемно, нежели кризисно; суматоха ради увеличения численности организаций сменилась трезвым взглядом на перспективы движения и «умеренным государственным подходом».

Существенных разногласий по поводу средств политической борьбы за достижение новой социальной политики у инвайронменталистов нет, но остается разнообразие интерпретаций целей этой политики, обусловленное неоднозначным пониманием лежащих в основе инвайронментализма биоцентристских

* Данные 1984 года [33].

ценностей. «Беспристрастный наблюдатель нынешнего экологического движения, — в качестве какового можно считать, например, Р. Нойхауза, — не может не поразиться противоречиям и иронии, сосуществующим под одним знаменем. Сострадание и бездушие, альтруизм и алчность, широкое видение мира и националистическая замкнутость — все соединяется в том, что позволяют себе называть последней революцией... переосмыслением места человека в природе... Литература этого движения отмечена трогательным преклонением перед «безукоризненной тканью жизни», сопровождаемым безразличием к... формам человеческой жизни и почти бесцеремонной готовностью разорвать тщательно сотканную ткань гражданственности и человеческих ценностей» [157, с. 188].

Достаточный уровень абстрактности инвайронментальных ценностей, допускающий разнообразие многозначных их интерпретаций при относительном согласии по поводу «правил игры», способствует мобилизации аморфной и неоднородной социальной базы инвайронментализма. Но для выяснения действительной функции этих ценностей в политической деятельности движения необходимо решить вопрос классификации участников движения по «группам интересов», каждая из которых по-своему воспринимает эти ценности и соответственно использует их в политической деятельности. Относительно этих способов восприятия и использования выделяются прежде всего крайние позиции: «частные актеры» — эти группы объединяются на основе частных личных интересов в отношении экологических проблем (в основном локального характера), их экологическая активность «кризисно» ориентирована, носит эпизодический характер, имеет целью устранение непосредственной опасности. Такие группы Т. О'Риордан называет «экспрессивными» (достижительными). Другой тип представляют «идеологические актеры», объединяемые интеллектуальными мотивами инвайронментальных проблем, рассматриваемых абстрактно. Они образуют так называемые «инструментальные» группы, ориентированные на средства, используемые в процессе принятия, а не на изменение самих решений. Возможен и промежуточный вариант — «гражданские актеры», выступающие за интересы определенного сообщества и руководствующиеся «альтруистическими мотивами» [34, с. 252—256].

Эмпирические исследования распространения и восприятия инвайронментальных ценностей представляют и более детальные классификации участников движения по «группам интересов». Так, Л. Милбрэт в повторном сравнительном исследовании (1980, 1982) устанавливает восемь таких групп в зависи-

мости от степени абсолютизации биоцентристских ценностей, располагающихся между «авангардом» (инвайронменталисты, осознающие наличие экологических проблем, необходимость «радикального социального изменения» как выхода из кризисной ситуации и признающие пределы экономического роста) и «арьергардом» (в основном представители крупного бизнеса с прямо противоположными позициями по указанным критериям). Основная масса опрошенных занимает, как правило, срединное положение. Среди них выделяют следующие группы: истеблишмент, пассивные последователи истеблишмента, нерешительная середина, консервационисты, консервационисты — последователи истеблишмента, симпатизирующие (молодежь, «низший класс»).

В целом инвайронментальная идеология является «выражением интересов тех, чья классовая позиция помещает их на периферии институтов и политических процессов индустриального общества. Это протест против отчуждения от процессов принятия решений и деполитизации путем захвата права на принятие политических решений экспертами, разделяющими господствующую систему ценностей» [33, с. 55—60].

Появление инвайронментального «авангарда» с его биоцентристской системой ценностей, противопоставленной «западному мировоззрению» в целом, еще не может служить поводом для предположений о новых политических группировках с новыми интересами: политическая система, основанная на плюрализме, и не требует универсальной системы ценностей, допуская разнообразие ценностей, пока речь идет об их внедрении «мирным путем» на когнитивном уровне. «Критическим изменением является, — как считает Кроув, — не появление новых групп; это свойственно плюралистическому образцу политики. Новое — это ценностные позиции, занимаемые группами, позволяющие им выдвигать требования, которые не могут быть предметом торговли или компромисса с оппозицией, а становятся теми вопросами, которые «не подлежат обсуждению» [129, с. 1105].

Предположения о социальном механизме распространения инвайронментальных ценностей и их функционирования в политической области позволяют исследователям инвайронментализма судить о перспективах его дальнейшего развития. Так, Р. Инглхарт [141, 142] считает основанием для их усвоения два определяющих фактора. Во-первых, поскольку наиболее приоритетными в субъективной иерархии ценностей оказываются те, доступ к которым ограничен, то гипотеза «дефицита» позволяет сделать вывод о том, что период относительной экономической и физической безопасности и даже процветания (40—70-е годы)

на Западе способствовал активному распространению «дефицитных» в то время «нематериалистических» (инвайронментальных) ценностей. Во-вторых, поскольку ценностные ориентации подвержены изменениям в большей мере и формируются в молодом возрасте, то следует учитывать «эффект социализации»: коренное преобразование ценностей ориентации общества в целом не может произойти сразу, но видоизменяется по мере того, как молодое поколение сменяет старшее во взрослом населении. Это значит, что через 10—15 лет «века изобилия» поколение, социализировавшееся в этих условиях, вступит в электорат, еще через 10 лет — начнет занимать позиции у власти и влиять существенным образом на развитие общества, способствуя утверждению «постматериалистических» ценностей [141].

С наступлением «века постизобилия», экономической нестабильности (с середины 70-х годов) правомерно было бы ожидать упадка «постматериализма» (биоцентризма) в соответствии с «гипотезой дефицита» и возврата к «материалистическим» ценностям. Однако этого не происходит, наоборот, — влияние «постматериализма», как свидетельствуют исследования Инглхарта, возросло в большинстве стран Запады. Вместе с тем нынешний «постматериализм», являясь также основанием для поддержки «левых» движений, уже не ведет к «драматическим» политическим выступлениям, как в конце 60-х годов: в США, как обнаруживают исследователи «постматериализма», они вообще прекратились. Почему это произошло, если для «постматериализма» характерна высокая степень «потенциала протеста»? Здесь усматриваются две причины. Во-первых, в современном американском обществе нет столь захватывающего повода для бурных политических выступлений, как, например, война в Индокитае. Поэтому политическая энергия «постматериалистов» направлена теперь в другое русло — потенциал протеста находит выражение в развитии внутреннего мира, в переоценке ценностей, а не посредством активного политического действия. «Нынешнее поколение молодежи представляет собой «Я-поколение», культивирующее нарциссизм. Для тех, кто ориентирован на проявление политического протеста в активной форме, это обращение «вовнутрь» может показаться отказом от политической деятельности вообще» [141, с. 891]. Во-вторых, следует учитывать и тот факт, что к концу 70-х — началу 80-х годов «постматериалистическое» поколение стало старше и переместилось из студенческих гетто на влиятельные и авторитетные позиции в обществе. Именно в высших эшелонах власти среди 35—40-летних преобладают «постматериалисты». Этот

слой молодых менеджеров и технократов представляет собой бывшую элиту студенчества, выпускников наиболее престижных учебных заведений, социально-экономический статус которых позволяет им по-прежнему культивировать «постматериализм», который, тем самым, становится во все большей мере достоянием элиты и выступает в конвенциональных формах и по официальным каналам. Символом «постматериализма» (и связанного с ним «потенциала протеста») является уже не студент, а технократ [141, с. 891]. Это дает основание некоторым исследователям утверждать, что усвоение представителями «высшего среднего класса» идеологии «постматериализма» является не более чем формой «радикалистского шика» в среде консервативной элиты [141, с. 884].

Примечательно, что инвайронментализм, противостоящий технократической идеологии («пределы роста» против технологического прогресса, неразрешимость экологических проблем путем технологических инноваций и проч.), связывает свои надежды с той же социальной базой, на которую опираются и технократы, а именно на занятых в непроизводственном секторе, в сфере услуг. Рост численности «авангарда» предполагается за счет увеличения этого сектора. Перспективы «экологизации» ценностей, связанные с поколением сегодняшних 15—20-летних, не внушают оптимизма инвайронменталистам. Это объясняется, в соответствии с «гипотезой дефицита», тем, что период социализации этого поколения приходится на годы экономической и политической нестабильности в «век постизобилия», когда отмечается спад «постматериалистических» настроений, последствия которого, согласно логике «гипотезы социализации», проявятся в ближайшее десятилетие. Повод для пессимизма относительно будущего инвайронментализма представляют и сравнительные исследования Милбрэта, который заключает, что если выбор между «доминирующей социальной парадигмой» (DSP) и NEP будет основываться на индивидуальной системе ценностей, то предпочтение будет отдано DSP и «материалистическим» ценностям. По результатам опросов Л. Милбрэта, «большинство авангарда придерживается мнения, что виды на конструктивное социальное изменение пессимистичны в ближайшем будущем, но несколько оптимистичней в более отдаленном. Этот оптимизм основывается не столько на присущей NEP привлекательности, сколько на вынуждающем к «социальному научению» воздействии природы, по мере того как истощаются ресурсы, отравляется биосфера, а старую социально-политическую систему охватывает кризис» [33, с. 99—100].

Перспектива «экологизации» политических ценностей во многом определяется помимо «гипотезы социализации» и «гипотезы дефицита» также и динамикой развития политических интересов «среднего класса» — социальной базы инвайронментализма, конкретными условиями его существования в социально-политической системе, что в целом проясняет и то, почему именно «средний класс» (точнее, «высший средний класс») выступает в «авангарде» инвайронментального движения в США.

Анализ приверженности «среднего класса» тем или иным ценностям основывается, как правило, не столько на классовых (в основном экономических) характеристиках, сколько на статусных ориентациях, подчеркивающих результат символизации его классовых интересов и обусловленных его местом в социальной стратификации. Статусные характеристики (происхождение, образ жизни, система ценностей, общие умонастроения) отличаются от базовых, классовых характеристик тем, что их трансформации происходят гораздо медленнее и сложнее, чем изменения классовых позиций, что и создает впечатление самостоятельного существования статусных образцов, независимо от классовой структуры. «... Система статусов, как только она появляется, — читаем у С. Липсета, — действует независимо от системы классов и даже стремится отрицать ее обоснованность» [145, с. 170—171]. Инвайронментальные ценности, противопоставленные «материальным», «экономическим» в качестве неких «высших», «неутилитарных», стоящих выше стремления к наживе и «делания денег», всегда выражали дух аристократического консерватизма, представленного в США так называемыми «старинными фамилиями», обладающими помимо наследственного богатства также и «аристократическим» статусом. (Аристократизм американского образца ассоциируется, как правило, с традициями плантаторской культуры Юга.) «Аристократическую» направленность инвайронментальные ценности получили, например, в заявлении 12 южан, так называемых «нэшвиллских беженцев», в защиту отступающей под напором предпринимательской экспансии Новой Англии культуры аграрного Юга. Однако, по мнению У. Такера, «аристократический консерватизм... никогда не был популярен в американском обществе». «Мы, — пишет он, — родились под либеральной звездой Американской революции и считаем себя либералами. Тем не менее инвайронментализм, даже будучи по сути проявлением аристократизма в американском обществе, стремится в большей мере характеризоваться как либеральное движение» [37, с. 7].

Таким образом, до появления «среднего класса» инвайронментализм был составной частью выступлений джентри против крупного бизнеса.

«Новая американская аристократия», «высший средний класс», занимая в стратификации позицию между «фамильной аристократией» и корпоративной элитой (истеблишмент, лидеры бизнеса) с одной стороны и «низшим средним классом» («синие воротнички», рабочие) и «бедными» (этнические меньшинства, безработные и проч.) с другой стороны, воспринимают и используют инвайронментальные ценности прежде всего в целях сохранения и упрочения своего статуса. Это очевидно из истории развития социально-политических ориентаций «среднего класса». Так, с середины XIX — начала XX века «средний класс» в большой мере ассоциируется с рабочими, источником доходов которых является главным образом заработок, а не собственность. Однако в статусном отношении они не идентифицировали себя с рабочими, но, скорее, с консервативной корпоративной элитой, интересы которой представляла республиканская партия, которая благодаря массовой поддержке «среднего класса» в период между 1860 и 1912 годами лишь два раза проигрывала выборы. В годы экономического спада и «великой депрессии» (1932—1936) демократы обеспечивали себе поддержку проведением благотворительных «аристократических реформ» в помощь бедным, тем самым способствуя их перемещению в «средний класс» и подрывая свою же социальную базу (поскольку первое, что делали обычно эти люди — «бедные», чтобы закрепить новоприобретенный статус, — так это шли в избирательный участок и меняли демократический бюллетень на республиканский). Такой приток в «средний класс» обеспечил победу Д. Эйзенхауэра в 1950 году и возрождение республиканцев, торжество интересов крупного бизнеса, плутократии, «ростомании» и т. п.

Но в 60-е годы как следствие общего экономического роста, развития субурбанизма оказалось, что многие статусные характеристики «среднего класса» начали терять свой престиж (владение загородным домом, например, почти сто лет символизировавшее принадлежность к «среднему классу»). «Высший средний класс», обеспокоенный обесцениванием статуса «среднего класса», тем, что слишком многие становились «средним классом», чувствуя напор «снизу» («низший средний класс») и будучи все же отчужденным от тех, кто «сверху» (корпоративная элита, крупный бизнес), нашел выход в политическом альянсе с теми, кого он непосредственно не воспринимал как своего оппонента, — с «бедными», этническими меньшинствами.

Именно в это время, с оформлением «союза наименее образованных с наиболее образованными», набирает силу и обосновывается идеологически движение за права человека. Этот альянс, однако, имел ограничения: во главе движения за права чернокожих, как правило, оказывались белые; это обусловило борьбу за власть внутри движения («черные пантеры», «молодые лорды Пуэрто-Рико» и др.), перераставшую зачастую в экстремистские акции и гангстеризм. Это повлекло за собой отток белого «среднего класса» из движения.

Либеральные программы «высшего среднего класса» были во многом направлены против интересов непосредственного противника — «низшего среднего класса» и имели целью стирание грани между «нижним средним классом» и «бедными» и тем самым сохранение престижа статуса «среднего класса». Новая либеральная коалиция «высшего класса» и «бедных» породила и свою противоположность — новую консервативную коалицию элиты бизнеса и «низшего среднего класса» (по принципу «враг моего врага — мой друг»). «Таким образом, либералы — высший средний класс — защищают права бедных, а консерваторы — низший средний класс — защищают права богатых. Это, возможно, и есть новый альянс в американской политической системе», — заключает У. Такер [37, с. 28].

Какова роль инвайронментализма в этой ситуации (расовые волнения, студенческие выступления, терроризм и т. п.) и чем объясняется интерес «высшего среднего класса» к инвайронментальным ценностям в этот период — конец 60-х — начало 70-х годов? На фоне бурных социальных столкновений заявлены инвайронменталисты о том, что есть вещи поважнее «социальной справедливости», «политических прав» и т. п., когда в опасности вся планета, предоставляли новые аргументы, приемлемые для «среднего класса».

Инвайронментальное движение (его новый этап) стало свидетельством переключения внимания «высшего среднего класса» с благотворительности в пользу «бедных» и обращения его за поддержкой к другому «врагу врага» и к другим ценностям, т. е. к «старым аристократическим фамилиям» («old wealth»). Инвайронментализм становится альянсом «простых богатых людей» с представителями «высшего среднего класса», в котором «аристократы» обеспечивают идеи и ценности, а «средний класс» — численность и навыки (квалифицированные специалисты, технократы). И если воспитание «истинного джентльмена», как считал Т. Веблен [170], требует, по меньшей мере, трех поколений, то воспитание инвайронменталиста — не меньше двух; наиболее последовательными инвайронментали-

стами становятся те, кто наследует полную материальную обеспеченность и имеет возможность занять место на высших уровнях распределения власти (ср. с исследованиями Р. Инглхарта, Л. Милбрэта, Ф. Баттела и У. Флинна). С появлением инвайронментального движения «аристократия» получила многочисленного союзника в лице «высшего среднего класса», который, достигнув к 70-м годам соответствующего уровня благосостояния, чтобы усвоить идею о том, что демократии может быть и «слишком много», а либерализм может «заходить слишком далеко», что настало время заняться не «преумножением», но «сохранением достигнутого», стремится занять позицию экономической безопасности. Исчерпавшие себя либеральные программы помощи бедным стали риторическим подспорьем для инвайронментально настроенного «среднего класса», пытающегося теперь изобразить себя в качестве нуждающегося в помощи «угнетенного меньшинства», защищающего интересы всей нации. «Консерватизм либералов» в виде инвайронментализма не появляется, как считает У. Такер, раньше, чем «средний класс» не достигнет определенного уровня благосостояния и у него будет что защищать. «Те, кто кричит об экологической катастрофе, требует конца роста (экономического. — С. Б.), — инвайронменталисты — это люди с годовым доходом в 20 000 \$, уговаривающие людей с 7500 \$ годового дохода остановиться там, где они есть, чтобы мы все могли выжить», — иронизирует И. Марголис [Цит. по: 37, с. 54].

Хотя и не существует достаточно определенного и столь же массового, как инвайронментальное, антиинвайронментального движения, нетрудно догадаться, что в оппозиции к антипромышленным, стагнационным и т. п. установкам инвайронментализма находятся те, кто заинтересован в дальнейшем экономическом росте по тем или иным причинам: крупный бизнес, тред-юнионы (обеспокоенные в большей мере проблемой занятости), этнические меньшинства (неприятное отношение которых к инвайронментализму усугубляется экстремистскими вариантами этого движения, смыкающимися с расизмом (см., например, Д. Флемминг [136])). Ветеран движения за права человека и лейбористский лидер Б. Растин называет инвайронменталистов элитистами и неомальтузианцами, которые, призывая к замедлению роста и стагнации, обрекают чернокожих и пролетариат на трущобы и постоянную нужду. Среди лейбористов бытуют хлесткие выражения в адрес инвайронменталистов, вроде: «Если у вас нет работы и нечего есть, съешьте инвайронменталиста!» [37, с. 124].

Хотя в целом отношение «низшего среднего класса» и «бед-

ных» к экологическим проблемам не может быть определено как однозначно отрицающее их актуальность в ряду других социальных противоречий (это как раз та часть налогоплательщиков, которая покрывает расходы госбюджета на охрану среды и более чем кто бы то ни было страдает от ухудшения ее качества), но отношение их к инвайронментальному движению, его идеологии более чем сдержанное. Результаты исследований движения позволяют отнести так называемых «лейбористов» и «бедных» к «арьергарду» инвайронментализма наравне с лидерами крупного бизнеса (Л. Милбрэт, У. Кэттон, Р. Данлэп, Г. Энценсбергер и др.). В итоге в одном лагере (в «арьергарде») оказываются как представители этнических меньшинств и «лейбористы», которые не менее инвайронменталистов заинтересованы в эффективном решении экологических проблем, но не принимают предлагаемых инвайронменталистами средств («антирост», стагнация и т. д.), так и корпоративная элита, крупный бизнес, также заинтересованные в разрешении экологических затруднений (повышение цен на сырье, увеличение себестоимости продукции, снижение производительности, понижение вследствие этого нормы прибыли) иными средствами — за счет государственного сектора в экономике, т. е. за счет основной массы налогоплательщиков. И те, и другие, отчасти признающие некоторые основоположения инвайронментализма, помещаются в «арьергарде» этого движения.

Подобная перестановка политических акцентов в соответствии с инвайронментальными ценностями, «экологизация» политического мышления, дает основание инвайронменталистам утверждать, что традиционное идеологическое размежевание «левые—правые» уже не является адекватным в изменившейся политической ситуации; наиболее соответствующим ей представляется конфликт между «авангардом» и «арьергардом». Поэтому в отношении традиционного идеологического конфликта инвайронментальный «авангард» поддерживает лозунг: «Мы — не «слева» и не «справа», мы — впереди», что позволяет инвайронментальному движению действовать бесконфликтно «внутри системы», предлагая «альтернативу ценностной иерархии доминирующей идеологической системы, а не тотальную альтернативу системы производственных отношений или политической системы» [33, с. 17]. «Для многих американцев, — отмечают Ф. Баттел и У. Флинн, — инвайронментальные конфликты были прежде всего символическими или идеалистическими конфликтами, содержащими мало непосредственной угрозы личным экономическим интересам» [123, с. 479].

«Экологизация» коснулась главным образом политической

идеологии и в меньшей мере — политической практики, особенно функционирования партийной системы; принадлежность к той или иной партии, партийные разногласия менее всего зависят от инвайронментальных установок. Хотя что касается партийной элиты, то отмечается, что демократы более проинвайронментально настроены, чем республиканские лидеры [130]. Однако эти инвайронментальные различия, взятые на уровне идеологии, затрагивают лишь партийные элиты и не проявляются как различия между демократами и республиканцами в основной массе партийных функционеров и избирателей. Причиной тому служит несоответствие («асимметрия») как между партийной идеологией и политической практикой партии, так и между партийной элитой и основной массой функционеров. Это объясняется, с одной стороны, «политической олигополией»: каждая партия имеет своих крайне «левых» и крайне «правых» и, стремясь сохранить стабильность и сплоченность, занимает компромиссную позицию между ними — «стратегический центр», избегает идеологических крайностей на «аппаратном» уровне, хотя и допускает их на массовом. Кроме того, существует лишь приблизительная связь между партийной и классовой принадлежностью, и партии не выступают действительными авторами и проводниками идеологий в массах. Поэтому следует различать факты осознания актуальности инвайронментальных проблем, поддержки инвайронментальной идеологии в массовом движении и факты поддержки инвайронментальных реформ, которые затрагивают непосредственно экономические и политические интересы тех или иных группировок в движении и связаны с партийным функционированием.

Используя инвайронментализм в качестве «радикальной идеологии социального изменения», способствуя «экологизации» массового сознания, его сторонники, однако, не могут осуществить эффективный перевод «осознания» экологических проблем в «поддержку» конкретных реформ, что является следствием проведения их по официальным (партийным) каналам. Согласно выводам Р. Данлэпа и Р. Гейла, «либеральный реформизм» — это политический стиль, логически вытекающий из характера структуры социальной базы инвайронментализма [130, 131].

Несоответствия между партийной политической практикой и партийной идеологией, между политической идеологией и инвайронментальными ценностями, между инвайронментальной идеологией и практикой экологического реформизма обуславливают «инструментальное» использование инвайронментальных ценностей в политической практике движения. Однако в каче-

стве средств и ориентиров для проведения политических реформ инвайронментальные ценности оказываются бессильными и несостоятельными, поскольку не предполагают реального перераспределения экономической и политической власти. В результате «средства» инвайронментальной политики, оставаясь на когнитивном, теоретическом уровне, превращаются в основную цель инвайронментального движения и не затрагивают политических механизмов осуществления экологической реформы.

Инвайронменталисты склонны приспособляться к конвенциональным образцам политической активности: «радикальные» изменения относятся к перестановке политических приоритетов в системе без существенного изменения их содержания. Освоение политическим сознанием экологических императивов не модифицирует прежнего содержания политических ценностей. Вера в осуществление традиционных «американских демократических идеалов», апелляции к федеральному правительству оставляют инвайронменталистам «либерально-реформистскую» перспективу, сводящуюся в итоге к «борьбе за умы». Она будет эффективной в той мере, в какой им удастся учесть разнообразие и соотношение политических интересов различных «групп давления» и специфических политических субкультур, т. е. в той мере, в какой инвайронментальные ценности будут «политизированы».

«Радикалистское» видение социальных проблем в идеологии инвайронментализма сдерживается его политическим реформизмом: «Современное общество настолько усложнилось, — пишет Л. Милбрэт, — что большинству людей становится трудно контролировать в должной мере свою судьбу в рамках рыночной системы. Люди испытывают потерю контроля над своей жизнью и влияние на нее сил, которые они не в состоянии понять. Контроль над этими силами осуществим с помощью коллективных компонентов образа жизни (государственный сектор в экономике, федеральное правительство и т. д. — С. Б.)» [33, с. 10].

З а к л ю ч е н и е

Оценивая в целом развитие американских социально-экологических концепций в социологическом теоретизировании, можно выделить основные характерные черты инвайронментализма как широкой мировоззренческой перспективы и его особенности как социологической парадигмы.

Прежде всего следует отметить органическую связь инвайронментализма, в особенности ранних его форм, с социально-историческими условиями формирования американского образа жизни и соответствующего стиля мышления со свойственными ему элементами натурализма, индивидуализма, активизма, локалистской идеологии и реформизма. Модификации современного инвайронментализма также непосредственно связаны с наличной экологической ситуацией, оценки которой не только продиктованы социально-экологической традицией в американской социологии, но и являются отражением противоречий в экономической, социальной, политической и других областях жизни американского общества.

Обострение экологических проблем как одно из общих (национальных) следствий развития НТР в условиях капиталистической системы способствовало активизации социально-экологического теоретизирования и выдвижения на первый план социальной экологии не только в качестве самостоятельной дисциплины, способной объяснять (или описывать) кризисные социальные явления на макроуровне с помощью своего понятийного аппарата, но и в качестве нового стиля мышления, новой рациональности. Экологическая рациональность (как функциональная, так и субстантивная), подобно любому другому виду рациональности, предполагает наличие специфического ведущего принципа, в соответствии с которым нечто воспринимается

как «порядок». Таким принципом в инвайронментальной концепции выступает взаимосвязь всех живых организмов и их объединений (в том числе и социальных), обладающих эмерджентными качествами, между собой и со средой их обитания и жизнеобеспечения. В соответствии с этим принципом определяется и аналитическая значимость понятий «экосистема», «биотическое сообщество», «причинные связи» (их обратимость, опосредованность, вероятность, контингентность, множественность, синергетичность и т. п.), «холизм», «индивидуализм» и др.

Обращение к «экологической рациональности» соединяется в инвайронментализме с иррационалистическими мотивами биоцентризма, эсхатологии, провиденциализма в применении их к обществу (и не только к американскому обществу, но и к глобальному человеческому сообществу), возрождающимися в период экологического кризиса.

Соединение рационализма и иррационализма в теоретических основоположениях инвайронментализма обуславливает и противоречия, возникающие уровнем ниже: сочетание реформизма как воплощения рациональных целей разрезания экологических проблем с предлагаемыми средствами их достижения — преобразованием «человеческой природы», индивидуального сознания, ценностей, образа мышления и т. п., но не социальных институтов, трансформация которых предоставляется независимому от человеческого сознания и индивидуального действия эволюционному процессу.

Таким образом, экологический тип рациональности оказывается тесно связанным и зависимым от экологической (инвайронментальной) этики, захваченной пафосом биоцентризма: предпочтение природных ценностей девальвированным социальным (несбывшиеся «американские мечты»); стремление компенсировать неподвластность социальной стихии обращением к познаваемому средствами позитивной науки и подчиняющемуся человеку миру природы; восприятие природы как последнего оплота, объединяющего отчужденных друг от друга социальной стихией людей, и единственного атрибута общества (биотическая взаимозависимость), сохраняющего его солидарность; поиски внутренней гармонии человеческого общества в непостижимости связей всего живого и проявлений жизни от биологического до социального.

Эти черты, присущие инвайронментализму в целом, характерны и для инвайронментальной социологии, отличающейся достаточно критическим и реалистическим представлением проблем, многосторонностью их описания (особенно на локаль-

ном уровне), практическим (эмпирическим) подходам к их интерпретации и операционализации (что обусловлено общей реформистской направленностью) и в то же время отнесением ключевых средств их разрешения в область ментального, глубоко личного опыта и индивидуального сознания.

Что касается парадигматического статуса инвайронментализма в социологии, то, несмотря на свой тотальный критицизм в отношении других социологических перспектив, новый вариант социально-экологической макротеории пока оказывается не в состоянии осуществить всеобщую переориентацию социологических теорий под влиянием «новой инвайронментальной парадигмы». Это можно отнести как за счет внутридисциплинарной обособленности и понятийной несогласованности различных направлений в американской социологической теории, так и за счет недостаточной разработанности самой «новой парадигмы» (ее теоретики заявили лишь о начальном этапе ее развития). Однако уже сейчас можно считать преимуществом и заслугой инвайронментальной социологии привлечение внимания к противоречиям взаимодействия общества и природы как двух неподвластных, в конечном счете, человеку стихий; постановку, хотя и не всегда бесспорную, экологических проблем в качестве социально значимых (на макро- и на микроуровне); новую трактовку понятия «социального» в соответствии с расширением сферы его применения по сравнению с традиционной американской социологической теорией, абсолютизовавшей жесткий антропоцентристский «герметизм» и антиредукционизм социологической дисциплины.

Попытки инвайронментальной парадигмы преодолеть эти дисциплинарные барьеры открывают перспективу исследования инвайронментализма в плане его многообразных междисциплинарных связей (не только со смежными гуманитарными дисциплинами, но и с естественнонаучными); функционирования социально-экологических концепций в отдельных отраслях социологии (города, социальной структуры, мобильности, труда, социальной психологии и др.). Заслуживает внимания также опыт эмпирических исследований социальных экологов и внедрения результатов в социальную среду. Кроме того, немаловажным представляется более детальное изучение инвайронментализма как социального явления, его идеологии, «критического потенциала», связей с другими общественными движениями (консюмеризм, в защиту прав человека, за мир и др.). Многообразие и актуальность вопросов, которые еще могут быть поставлены инвайронментализмом по ходу его развития, трудно предугадать и невозможно переоценить.

Список литературы

В начале списка приводятся работы, имеющие значение для монографии в целом; в последующем литература систематизирована по главам.

1. *Маркс К.* Замечания к программе германской рабочей партии // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* — 2-е изд. — Т. 19.
2. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* — 2-е изд. — Т. 23.
3. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* — 2-е изд. — Т. 42.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. — М.: Госполитиздат, 1956. — VIII, 689 с.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* — 2-е изд. — Т. 3.
6. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* — 2-е изд. — Т. 20.
7. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм // *Полн. собр. соч.* — Т. 18.
8. *Ленин В. И.* Философские тетради // *Полн. собр. соч.* — Т. 29.
9. *Ахиезер А. С.* Социальная философия марксизма и экологические проблемы // *Социальные проблемы экологии и современность* / Отв. ред. И. Т. Фролов. — М.: Наука, 1978. — С. 58—63.
10. *Ахиезер А. С., Матвеева С. Я.* Философские основания социальной экологии // *Проблемы взаимодействия общества и природы: философские аспекты.* — Рига: Зинатне, 1986. — С. 18—24.
11. *Багищев Г. С.* Культура, природа и псевдоприродные феномены в историческом процессе // *Проблемы теории культуры: Тр. Науч.-исслед. ин-та культуры* / Сост. и отв. ред. А. С. Злобин. — М., 1977. — Вып. 55. — С. 78—100.
12. *Беккер Г. Б., Босков А.* Современная социологическая теория. — М.: Изд-во иностр. лит., 1961. — 895 с.
13. *Биола Г.* Марксизм и окружающая среда / Пер. с фр. М. И. Зайцевой. — М.: Прогресс, 1975. — 152 с.
14. *Богомолов А. С.* Буржуазная философия США XX века. — М.: Мысль, 1974. — 343 с.

15. Горелов А. А. Экология. Наука. Моделирование. — М.: Наука, 1985. — 207 с.
16. Грунт З. А. Общие и локальные проблемы экологии города // Экологические проблемы капиталистического города / Отв. ред. А. И. Бельчук, Б. М. Маклярский, О. Н. Яницкий. — М.: Наука, 1985. — С. 122—144.
17. Давыдов Ю. Н. Человек. Культура. Природа // Проблемы теории культуры: Тр. Науч.-исслед. ин-та культуры / Сост. и отв. ред. А. С. Злобин. — М., 1977. — Вып. 55. — С. 101—129.
18. Комаров М. С. Кризисные тенденции в позитивистской социологии // Буржуазная социология на исходе XX века: Критика новейших тенденций / Отв. ред. В. Н. Иванов. — М.: Наука, 1986. — С. 76—91.
19. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова; Общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского, Л. А. Марковой. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 1977. — 300 с.
20. Жирицкий А. К. Плата за безответственность. — М.: Политиздат, 1979. — 158 с.
21. Осипов Г. В. Современная буржуазная социология: Критический очерк. — М.: Наука, 1964. — 416 с.
22. Осипов Г. В. Теория и практика социологических исследований в СССР. — М.: Наука, 1977. — 343 с.
23. Система «общество—природа»: проблемы и перспективы: Тр. конф. / Отв. ред. И. Б. Новик, С. А. Пегов. — М.: ВНИИСИ, 1983. — 138 с.
24. Соколов В. Е., Яницкий О. Н. Об актуальных направлениях социально-экологических исследований // Соц. исслед. — 1982. — № 2. — С. 22—31.
25. Социальные аспекты экологических проблем / Под общ. ред. П. Н. Федосеева, Г. Т. Тимофеева. — М.: Наука, 1982. — 277 с.
26. Социальные проблемы экологии и современность / Отв. ред. И. Т. Фролов. — М.: Наука, 1978. — 244 с.
27. Хозин Г. С. Глобальные проблемы современности: Критика буржуазных концепций. — М.: Мысль, 1982. — 279 с.
28. Яницкий О. Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма: Критика американской буржуазной социологии. — М.: Наука, 1975. — 333 с.
29. Яницкий О. Н. Методологические вопросы исследований социально-экологических проблем / Вopr. философии. — 1982. — № 3. — С. 91—99.
30. Яницкий О. Н. Экология города: Зарубежные междисциплинарные концепции. — М.: Наука, 1984. — 240 с.
31. Catton W. R. Overshoot: The ecological basis for revolutionary change. — Urbana etc.: Univ. of Illinois Press, 1989. — 298 p.
32. Environment and Americans: The problem of priorities / Ed. by R. Nash. — Huntington (N. Y.): Krieger, 1979. — 119 p.
33. Milbrath L. Environmentalists: Vanguard for a new society. — Albany: New York Univ. Press, 1984. — XV, 180 p.
34. O'Riordan T. Environmentalism. — London: Pion, 1976. — XIII, 373 p.
35. Owings L. C. Environmental values, 1860—1972: A guide to information sources. — Detroit (Mich.), s. a. — XII, 324 p.
36. Petulla J. American environmentalism: Values, tactics, priorities. — College Station; London: Texas A. a. M. Univ. Press, 1980. — XVI, 239 p.
37. Tucker W. Progress and privilege: America in the age of environmentalism. — Garden City (N. Y.): Anchor Press, 1982. — XVI, 315 p.

**Глава 1. Общетеоретические и методологические основания
социально-экологических концепций**

38. *Каримский А. М.* Философия американского натурализма. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. — 175 с.
39. *Козн М. Р.* Американская мысль. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958. — 390 с.
40. *Покровский Н. Е.* Генри Торо. — М.: Мысль, 1983. — 188 с. (Сер. «Мыслители прошлого»).
41. *Alihan M.* Social ecology: A critical analysis. — New York: Columbia Univ. Press, 1935. — 247 p.
42. Americans and environment: The controversy over ecology / Ed. by J. Opie. — Lexington (Mass.): D. C. Heath, 1971. — 203 p.
43. *Bernard L. L.* A classification of environments // Amer. J. Sociology. — 1925. — Vol. 31, N 3. — P. 318—332.
44. *Bernard L. L.* Introductory statements regarding human ecology and population // Publ. Amer. Sociol. Society. — 1929. — Vol. 23, N 1. — P. 30—34.
45. *Bulmer M.* Chicago school of sociology: Institutionalization, diversity and the rise of social research. — Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1984. — XIX, 285 p.
46. *Cohen E.* Environmental orientations: A multidimensional approach to social ecology // Current Anthropology. — 1976. — Vol. 17, N 1. — P. 49—70.
47. *Dewey J.* Human nature and conduct. — New York: Henry Holt & Co, 1922. — 338 p.
48. *Dewey J.* Human nature // The encyclopedia of the social sciences. — New York: Macmillan & Collier, 1937. — Vol. 7. — P. 531—537.
49. *Dewey J.* Reconstruction in philosophy. — New York: Henry Holt & Co, 1936. — 224 p.
50. *Dewey J. et al.* Creative intelligence in the pragmatic attitude. — New York: Octagon Books, 1970. — V, 467 p.
51. *Duncan O. D.* From social system to ecosystem // Sociol. Inquiry. — 1961. — Vol. 31, N 2. — P. 140—149.
52. *Duncan O. D.* Social organization and the ecosystem // Handbook of modern sociology / Ed. by R. E. Faris. — Chicago: Rand McNally, 1964. — P. 36—82.
53. *Duncan O. D., Schnore L. F.* Cultural, behavioral and ecological perspectives in the study of social organization // Amer. J. Sociology. — 1969. — Vol. 65, N 2. — P. 132—136.
54. *Ellwood Ch. A.* Methods in sociology: A critical study. — Durham: Duke Univ. Press, 1933. — XXXIV, 214 p.
55. *Ellwood Ch. A.* The psychology of human society: An introduction to sociological theory. — New York; London: Appleton & Co, 1925. — XVI, 495 p.
56. *Gibbs J., Martin W.* Toward a theoretical system of human ecology // Pacific Sociol. Rev. — 1959. — N 2. — P. 29—36.
57. *Hawley A.* Human ecology: A theory of community structure. — New York: Ronald Press, 1955. — XVI, 456 p.
58. *Hawley A.* Human ecology // International encyclopedia of the social sciences. — New York: Crowell, Collier & Macmillan, 1968. — Vol. 4. — P. 328—337.
59. *Hawley A.* Human ecological and marxian theories // Amer. J. Sociology. — 1984. — Vol. 89, N 4. — P. 904—917.

60. *Leopold A.* A sand county almanach and sketches here and there. — New York: Oxford Univ. Press, 1949. — XIII, 226 p.
61. *Lewis J. F., Smith R. L.* American sociology and pragmatism; Mead, Chicago school and symbolic interactionism. — Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1980. — XX, 356 p.
62. *London B.* Ecology as a macrosociology: A new look at an old perspective // Theoretical perspectives in sociology / Ed. by S. N. McNail. — New York: St. Martin's Press, 1979. — V, 562 p.
63. *McKenzie R. D.* Social ecology // The encyclopedia of social sciences. — New York: Macmillan & Collier, 1937. — Vol. 5. — P. 314—315.
64. *Michelson W. H.* What human ecology left behind in the dust? // Man and his urban environment: A sociological approach / Ed. by W. H. Michelson. — Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1976. — P. 3—32.
65. *Molin J. M.* Aldo Leopold and the moral community // Environmental Ethics. — 1986. — Vol. 8, N 2. — P. 99—120.
66. *Moncrief L. W.* The cultural basis for our environmental crisis // Science. — 1970. — Vol. 170, N 3957. — P. 508—512.
67. *Moneyhon C. H.* Environmental crisis and American politics // Historical ecology: Essays on environmental and social change / Ed. by L. J. Bilsky. — Port Washington (N. Y.); London: Kennicat, 1980. — P. 140—155.
68. *Park R. E.* Human ecology // Amer. J. Sociology. — 1936. — Vol. 42, N 1. — P. 1—15.
69. *Park R. E.* Human nature and collective behavior // Amer. J. Sociology. — 1927. — Vol. 32, N 5. — P. 695—703.
70. *Park R. E.* Society: Collective behavior, news and opinion, sociology and modern society. — Glencoe (Ill.): Free Press, 1955. — 358 p.
71. *Park R. E.* The city: Suggestions for the investigation of human behavior in the urban environment // Amer. J. Sociology. — 1915. — N 20. — P. 3—27.
72. *Park R. E., Burgess E. W., Mckenzie R. D.* The city. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 1926. — XI, 239 p.
73. *Park R. E., Burgess E. W.* Introduction to the science of sociology. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 1925. — XXIII, 1040 p.
74. *Potter D. M.* People of plenty: Economic abundance and American character. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 1957. — XXV, 217 p.
75. *Schnore L. F.* Social morphology and human ecology // Amer. J. Sociology. — 1955. — Vol. 63, N 6. — P. 620—634.
76. *Schnore L. F.* The myth of human ecology // Sociol. Inquiry. — 1961. — Vol. 31, N 2. — P. 128—139.
77. *Stephan G. E.* The concept of community in human ecology // Pacific Sociol. Rev. — 1980. — N 2. — P. 218—228.
78. *Studies in human ecology* / Ed. by T. A. Theodorson. — Evanstone (Ill.): Row Peterson & Co, 1961. — XIII, 626 p.
79. *Turner F. J.* The frontier in American history. — New York: Henry Holt & Co, 1920. — 375 p.
80. *Turner and the sociology of frontier* / Ed. by R. Hofstadter, S. M. Lipset. — New York; London: Basic Books, 1968. — VI, 232 p.
81. *Urban sociology* / Ed. by E. W. Burgess, D. Bogue. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 1967. — 673 p.
82. *Weisberg B.* Beyond repair: The ecology of capitalism. — Boston: Beacon Press, 1971. — 184 p.
83. *Wirth L.* Community life and the social policy: Selected papers / Ed. by E. Wirth-Marvich, A. Reiss. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 1956. — IV, 431 p.

Глава 2. «Новая инвайронментальная парадигма» в социологии

84. *Agger B.* Western Marxism: An introduction. Classical and contemporary sources. — Santa-Monica (Cal.): Goodyer Press, 1979. — XIII, 353 p.
85. *Boulding K. E.* Ecodynamics: A new theory of societal evolution. — Beverly Hills (Cal.): Sage publications, 1978. — 368 p.
86. *Buttel F. H.* Environmental sociology: a new paradigm? // *Sociologist*. — 1978. — Vol. 13, N 4. — P. 252—256.
87. *Buttel F. H.* Social science and the environment: competing theories // *Social Science Quart.* — 1976. — Vol. 56, N 2. — P. 307—323.
88. *Caldwell L. K.* Man and his environment: Policy and administration. — New York: Harper a. Raw, 1975. — 164 p.
89. *Carson R.* The silent spring. — Boston (Mass.): Houghton-Mifflin, 1962. — 217 p.
90. *Catton W. R.* Paradigms, theories and the primasy of the HEP/NEP distinction // *Amer. Sociologist*. — 1978. — Vol. 13, N 3. — P. 259.
91. *Catton W. R.* Probable collective responses to ecological scarcity: How violent? // *Sociol. Perspectives*. — 1984. — Vol. 27, N 1. — P. 3—20.
92. *Catton W. R., Dunlap R. E.* Environmental sociology: A new paradigm // *Amer. Sociologist*. — 1978. — Vol. 13, N 1. — P. 41—49.
93. *Catton W. R., Dunlap R. E.* A new ecological paradigm for post-exuberant sociology // *Amer. Behavior. Scientist*. — 1980. — Vol. 24, N 1. — P. 15—47.
94. *Commoner B.* The closing circle: Nature, man and technology. — New York: Alfred A. Knopf, 1971. — XIII, 326 p.
95. *Cortese C. E., Jones B.* The sociological analysis of boomtowns // *Western Sociol. Rev.* — 1977. — Vol. 8, N 1. — P. 76—90.
96. *Dunlap R. E.* Paradigmatic change in social science // *Amer. Behavior. Scientist*. — 1980. — Vol. 24, N 1. — P. 5—14.
97. *Dunlap R. E., Catton W. R.* Environmental sociology // *Ann. Rev. Sociology*. — 1979. — Vol. 5, N 2. — P. 243—273.
98. *Dunlap R. E., Catton W. R.* Environmental sociology: A framework for analysis // *Progress in resource management and environmental planning* / Ed. by T. O'Riordan, R. C. d'Arge. — Chichester: John Wiley, 1979. — Vol. 1. — P. 57—85.
99. Environmental awariness / Ed. by F. H. Buttel et al. // *Intern. Social Sci. J.* — Oxford; New York: Blackwell for UNESCO, 1986. — N 109. — P. 333—497.
100. *Enzensberger H. M.* A critique of political ecology // *New Left Rev.* — 1974. — Vol. 84, N 1. — P. 3—31.
101. *Horowitz J. L.* Social welfare, state power and the limits to equity // *Equity, income and policy: Comparative studies in three worlds of development* / Ed. by J. L. Horowitz. — New York: Praeger, 1977. — P. 1—8.
102. *Krutilla J. V.* Conservation reconsidered // *Amer. Econ. Rev.* — 1967. — Vol. 57, N 6. — P. 777—786.
103. *Krutilla J. V., Arrow K. J., Fisher A. S.* Environmental preservation: Uncertainty and irreversibility // *Quart. J. Economics*. — 1974. — Vol. 88, N 3. — P. 312—318.
104. *Leiss W.* The limits to satisfaction. — Toronto: Univ. Toronto Press, 1976. — 196 p.
105. *Lenski G., Lenski J.* Human societies: An introduction to macrosociology. — 3rd ed. — New York: McGraw-Hill, 1978. — 206 p.
106. *Lipset S. M.* Predicting the future of post-industrial society: Can we do it? // *The third century: America as a post-industrial society* / Ed. by S. M. Lipset. — Stanford: Hoover Institutin Press, 1979. — P. 1—35.

107. Marx and Engels on ecology / Ed. by H. J. Parsons. — Westport (Conn.): Greenwood Press, 1977. — 362 p.
108. *Mishan E. Y.* Growth: The price we pay. — London: Staples Press, 1969. — XIX, 193 p.
109. *Mumford L.* Technics and civilization. — New York: Harcourt, Brace & Co, 1934. — IX, 495 p.
110. *Petulla J. M.* Toward an environmental philosophy: in search of methodology // Environmental Rev. — 1977. — N 2. — P. 14—43.
111. *Rainwater L.* Equity, income, inequality and the steady state // The sustainable society: Implications for limited growth / Ed. by D. C. Pirages. — New York: Praeger, 1977. — P. 262—273.
112. *Robbins T.* Religious mass suicide before Jonestown: The Russian Old Believers // Sociol. Analysis. — 1986. — Vol. 47, N 1. — P. 1—20.
113. *Schumacher E. F.* Small is beautiful: Economics as if people really mattered. — New York: Harper Torchbooks, 1979. — 290 p.
114. *Smelser N. J.* Energy restriction, consumption and social stratification // Sociological effects of energy use and policy / Ed. by C. T. Unsel et al. — Washington: National Academy of Sciences Press, 1979. — P. 215—228.
115. *Turner R. H.* Collective behavior // Handbook of modern sociology / Ed. by R. E. Faris. — Chicago: Rand McNally, 1964. — P. 382—425.
116. *Worster D. E.* Nature's economy: The roots of ecology. — San Francisco: Sierra Club Books, 1977. — XII, 404 p.

Глава 3. Социально-политические и идеологические установки инвайронментализма

117. *Andrews R. N. L.* Class politics or democratic reform: Environmentalism and American political institutions // Natural Resources J. — 1980. — Vol. 20. — P. 221—241.
118. Animal Rights / Contrib-s: P. Singer, P. Taylor, J. Narveson et al.; Ed. by J. Hospers. — La Salle (Ill.): Hegeler Inst., 1987. — 137 p. (The Monist. — Vol. 70, N 1).
119. *Armstrong-Buck S.* Whitehead's methaphisical system as a foundation for environmental ethics // Environmental Ethics. — 1986. — Vol. 8, N 3. — P. 241—259.
120. *Attfield R.* Western traditions and environmental ethics // Environmental Philosophy: A collection of readings / Ed. by R. Elliot, A. Gare. — St. Lucia: Univ. of Quinsland Press, 1983. — P. 201—230.
121. *Birch Ch., Cobb J.* The liberation of life: From the cell to the community. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. — IX, 393 p.
122. *Burch W. R.* Daydreams and nightmares: A sociological essay on the American environment. — New York: Harper & Raw, 1972. — X, 374 p.
123. *Buttel F. H., Flinn W. L.* Environmental politics: The structuring of partisan and ideological cleavages in mass environmental attitudes // Sociol. Quart. — 1976. — Vol. 17, N 4. — P. 447—490.
124. *Buttel F. H., Flinn W. L.* The politics of environmental concern: The impact of party identification and political ideology on environmental attitudes // Environment a. Behavior. — 1978. — Vol 10, N 1. — P. 17—36.
125. *Buttel F. H., Larson O. W.* Whither environmentalism? The future political path of the environmental movement // Natural Resources J. — 1980. — Vol. 20, N 3. — P. 323—344.
126. *Cobb J.* Process theology as political theology. — Philadelphia: Westminster Press, 1982. — XVI, 158 p.

127. *Cotgrove S. F., Duff A.* Environmental values and social change // *Brit. J. Sociology.* — 1981. — Vol. 32, N 1. — P. 92—110.
128. *Cotgrove S. F., Duff A.* Environmentalism, middle-class radicalism and politics // *Sociol. Rev.* — 1980. — Vol. 28, N 2. — P. 333—351.
129. *Crowe B. L.* The tragedy of the commons revisited // *Science.* — 1969. — Vol. 166. — P. 1103—1107.
130. *Dunlap R. E., Gale R. P.* Party membership and environmental politics: A legislative roll-call analysis // *Social Science Quart.* — 1974. — Vol. 55, N 6. — P. 670—690.
131. *Dunlap R. E., Gale R. P.* Politics and ecology: A political profile of student eco-activities // *Youth a. Society.* — 1972. — N 4. — P. 379—397.
132. *Environment and Americans: The problem of priorities* / Ed. by R. Nash. — Huntington (N. Y.): Krieger, 1979. — 119 p.
133. *Fleck L.* Entstehung und Entwicklung einer Wissenschaftlicher Tatsache: Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. — Basel: Benno Schwabe & Co Verlagsbuchhandlung, 1935. — 150 S.
134. *Fleck L.* Genesis and development of a scientific fact / Ed. by T. J. Trewn, R. K. Merton; transl. by F. Bradley, T. J. Trewn; forew. by T. S. Kuhn. — Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1979. — XXVIII, 203 p.
135. *Fleishman P.* Conservation, the biological fallacy // *Landscape.* — 1969. — N 18. — P. 23—27.
136. *Flemming D.* Roots of the new conservation movement // *Perspectives in American history.* — 1972. — Vol. 6, N 1. — P. 7—91.
137. *Fox W.* Deep ecology: A new philosophy of our time // *Ecologist.* — 1984. — Vol. 14, N 5/6. — P. 194—200.
138. *Goldsmith E.* (Editorial) // *Ecologist.* — 1985. — Vol. 15, N 3. — P. 90—91.
139. *Hoffert R. W.* The scarcity of politics: Ophuls and Western political thought // *Environmental Ethics.* — 1986. — Vol. 8, N 1. — P. 5—32.
140. *Huxley J.* The perennial philosophy. — London: Collins, 1959. — 319 p.
141. *Inglehart R.* Post-materialism in an environment of insecurity // *Amer. Polit. Science Rev.* — 1981. — Vol. 75, N 4. — P. 880—900.
142. *Inglehart R.* The silent revolution: Changing values and political styles among Western public. — Princeton (N. Y.): Princeton Univ. Press, 1977. — XIII, 482 p.
143. *Laskey M. J.* The doctrine of moral equivalence: On an ideological aberration // *Encounter.* — 1985. — Vol. 65, N 5. — P. 28—31.
144. *Leiss W.* The domination of nature. — New York: George Brazillien, 1975. — 231 p.
145. *Lipset S. M.* Revolution and conterrevolution: change and persistence in social structures. — New York: Basic Books, 1968. — XIV, 466 p.
146. *Marx L.* American institutions and ecological ideals // *Science.* — 1978. — Vol. 170, N 3957. — P. 945—952.
147. *McConnell G.* The conservation movement: past and present // *Readings in resource management and conservation* / Ed. by J. Burton, R. Kates. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 1965. — P. 189—201.
148. *McConnell G.* The environmental movement: ambiguities and meanings // *Natural Resources J.* — 1971. — Vol. 11, N 4. — P. 427—436.
149. *McHarg J. L.* Design with nature. — New York: Natural History Press, 1969. — 197 p.
150. *Meeker J.* The comedy of survival: In search of an environmental ethics. — Los Angeles (Cal.): Intern. College Guild. of Tutors Press, 1980. — 175 p.

151. *Merton R. K.* Sociology of science in Poland // *Science of Science*. — 1983. — Vol. 3, N 3. — P. 179—191.
152. *Mewes H.* The Green Party comes of age // *Environment*. — 1985. — Vol. 27, N 5. — P. 13—17, 33—39.
153. *Mitchell R. C.* Public opinion and environmental policy in the 70's and 80's // *Environmental policy in the 80's: Reagan's new agenda* / Ed. by N. J. Vig, M. E. Kraft. — Washington: Congress Quart. Press, 1984. — P. 51—74.
154. *Muir J.* In wilderness is the preservation of the world // *Americans and environment* / Ed. by J. Opie. — Lexington (Mass.): D. G. Heath, 1971. — P. 32—40.
155. *Naess A.* The shallow and the deep, long-range ecology movement: A summary // *Inquiry*. — 1973. — Vol. 16, N 2. — P. 95—100.
156. *Nash R.* Wilderness and the American mind. — New Haven: Yale Univ. Press, 1967. — 234 p.
157. *Neuhaus R.* In defence of people: Ecology and the seduction of radicalism. — New York: Macmillan, 1971. — 315 p.
158. *Ophals W.* Ecology and the politics of scarcity: Prologue to a political theory of the steady state. — San Francisco: Freeman, 1977. — XI, 303 p.
159. *Passmore J.* Man's responsibility for nature: Ecological problems and Western traditions. — London: Duckworth, 1974. — X, 213 p.
160. *Process philosophy and social thought* / Ed. by J. Cobb, W. W. Schroeder. — Chicago: CSSR, 1981. — XIII, 263 p.
161. *Rodman J.* Paradigm change in political science: An ecological perspective // *Amer. Behavior. Scientist*. — 1980. — Vol. 24, N 1. — P. 49—78.
162. *Rossiter G.* Conservatism in America. — New York: Knopf, 1955. — XII, 326 p.
163. *Routley R.* Roles and limits of paradigms in environmental thought and action // *Environmental Philosophy: A collection of readings* / Ed. by R. Elliot, A. Gare. — St. Lucia: Univ. of Quinsland Press, 1983. — XIV, 303 p.
164. *Schnaiberg A.* The environment: From surplus to scarcity. — New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1980. — XIII, 464 p.
165. *Schnaiberg A.* Social studies of the societal-environmental dialectics and the role of distributional impact // *Social Science Quart.* — 1975. — Vol. 56, N 1. — P. 5—20.
166. *Singer P.* Animal liberation: A new ethics for our treatment of animals. — London: Cape, 1976. — XVII, 301 p.
167. *Social and ecological systems* / Ed. by P. C. Burnham, R. F. Ellen. — London: Acad. Press, 1979. — VIII, 314 p.
168. *Thompson J. L.* Preservation of wilderness and the good life // *Environmental philosophy: A coll. of readings* / Ed. by R. Elliot, A. Gare. — St. Lucia: Univ. of Quinsland Press, 1983. — P. 85—105.
169. *Tucker W.* The environmental era // *Public Opinion*. — 1982. — Vol. 5, N 1. — P. 41—47.
170. *Veblen T.* The theory of the leisure class: an economic study of institutions. — New York: New Amer. Library; Mentor Books, 1953. — VIII, 404 p.
171. *Wolin S.* Politics and vision: Continuity and innovation in Western political thought. — Boston; Toronto: Little, Brown & Co, 1960. — X, 529 p.
172. *Worster D.* American environmentalism, 1860—1972: Anthology. — New York: Wiley, 1973. — Vol. 1—3.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Общетеоретические и методологические основания социально-экологических концепций	6
1. Социально-исторические и философские предпосылки инвайронментализма	6
2. «Классическая» концепция социальной экологии Чикагской школы социологии (20—30-е годы)	19
3. Функционалистский вариант социальной экологии: «экологический комплекс» О. Дункана и Л. Шноре, социальная экология А. Хоули	29
Глава 2. «Новая инвайронментальная парадигма» в социологии	38
1. Условия формирования и основные компоненты «новой парадигмы»	38
2. Преемственность и противоречия в развитии инвайронментальной социологии	49
3. «Экомарксизм» как социально-реформистская теория инвайронментализма	64
Глава 3. Социально-политические и идеологические установки инвайронментализма	79
1. Инвайронментальная этика: экологизация ценностей	79
2. «Экологизация» политической теории	92
3. «Политизация» инвайронментального движения в США: биоцентристские ценности в социально-политическом процессе	105
Заключение	119
Список литературы	122

Светлана Петровна Баньковская
Инвaйронментальная
социология

Редактор *В. Парамонова*

Художник *В. Ковалев*

Художественный редактор *Г. Крутой*

Технический редактор *Л. Демидова*

Корректор *Н. Жук*

ИБ № 3375

Сдано в набор 20.11.90. Подписано в печать 24.01.91. Формат 60×84/16. Бумага типогр. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. 8,25 физ. печ. л.; 7,67 усл. печ. л.; 7,90 усл. кр.-отт.; 8,55 уч.-изд. л. Тираж 700 экз. Заказ № 1843. Цена 1 р. 80 к. Заказное. Издательство «Зинатне», 226530 ГСП г. Рига, ул. Тургенева, 19. Отпечатано в производственном объединении «Полиграфистс», 226050 г. Рига, ул. К. Валдемара, 6.

Если новая парадигма диктует необходимость ценностной переориентации, нового политического и экономического порядка, экологического типа оправданных образцов поведения и нового смысла и рациональности в целом, то каковы рациональности в социологии?

«Я думаю, что инвайронментальная социология — нечто большее, чем еще одна отрасль социологии или социология религии, хотя это само по себе еще не придает ей статуса парадигмы».

Ф. Баттел